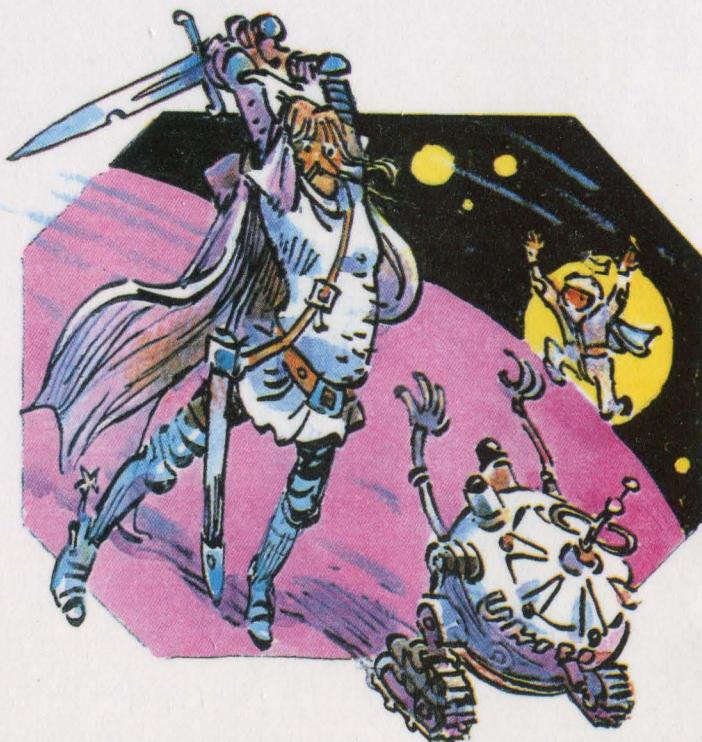

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЫЧЕВ

АЛИСА
И
КРЕСТОНОСЦЫ

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР
БУЛЫЧЕВ

АЛИСА
И
КРЕСТОНОСЦЫ

КИР
БУЛЬЧЕВ

АЛИСА
И
КРЕСТОНОСЦЫ

Москва 1998

ББК 84Р7
Б90

КИР БУЛЫЧЕВ
(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Серия «Детская фантастика»

Алиса и крестоносцы

Булычев Кир

Б90   Полное собрание сочинений. Серия «Детская фантастика». т. 10. Алиса и крестоносцы. — М.: «Хронос», 1998.— 416 с., 62 ил.
ISBN 5—85482—035—8

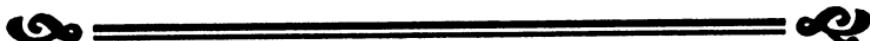
Друзья, вам предстоит новая встреча с благородной и отважной Алисой Селезневой, которую вы уже успели полюбить. Вместе с ней вы перенесетесь в средние века к крестоносцам, встретитесь со своимравным джинном Мустафой, побываете в гостях у китайского профессора, который создал излучатель доброты.

ББК 84Р7

Художник   Е. Мигунов

ISBN 5—85482—035—8

© «Хронос», 1998
© Кир Булычев
© Е. Мигунов

АЛИСА
И
КРЕСТОНОСЦЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Было часов пять вечера шестнадцатого сентября.

Погода в Москве стояла чудесная, синее небо, на нем розовые облака, листва начала желтеть и краснеть, но трава была еще совсем зеленая, с яблонь свисали яблоки, с кокосовых пальм — орехи, а с финиковых — финики. Под елками оранжевыми кружками горели шляпки подосиновиков и желтыми — лисичек. В воздухе летала тонкая паутина, а птицы, проносясь над Москвой, кричали и пели, прощаясь с ней до следующей весны.

Алиса сидела у окна, смотрела на небо, и ей совсем не хотелось учиться. Бывает у человека такое настроение, будто все, что ему надо, он уже выучил, а остались пустяки, вовсе не нужные. И завтра в школу уже идти не следует — что нового там узнаешь? Лучше отправиться в неожиданное путешествие, куда-нибудь в Австралию, Индию или Палестину, где хорошая, теплая погода и никто тебя не будет будить ни свет ни заря для того, чтобы идти в школу.

Хоть бы что-нибудь случилось, хоть бы раздался видеотелефонный звонок и кто-нибудь бы

сказал: «Алисочка, чего ты сидишь, бездельничашь? В Торресовом море найден корабль пирата Дрейка! Не хочешь ли ты нырнуть за сокровищами?» Нет, это приключение для Пашки Гераскина. Лучше пускай кто-то скажет: «Алиска, только что в Торресовом море замечен светящийся морской змей длиной в триста метров. Он говорит по-китайски и требует встречи с тобой». Да, пожалуй, такое приключение нам подойдет!

И тут зазвонил видеотелефон. И на пульте высветилось: «Международное. Вас вызывает Иерусалим».

— Интересно, — сказала сама себе Алиса. И нажала на кнопку.

Экран видеотелефона загорелся, но Алиса не сразу поняла, кто на нем находится, потому что существо, желавшее поговорить с Алисой, в экран не вмешалось. Раз-два, три-четыре-пять глаз... хобот вместо носа...

— Громозека! — обрадовалась Алиса. — Дружочек ты мой! Как хорошо, что ты позвонил!

— Я знаю, что это хорошо, — ответил Громозека. — Потому я и позвонил.

Космический археолог Громозека, житель планеты Чумароз, — близкий друг семьи Селезневых и, конечно же, самой Алисы.

Иногда он раскапывает древние города и замки на других планетах, а иногда и на Земле. Он такой ценный специалист, что ему всегда и везде рады. Незнакомому человеку Громозека может показаться чудовищем, потому что он ростом со слона, но потолще слона, короткий хобот вместо носа, глаз у него несколько, а вместо рук — щупальца. Говорит он громко, смеется еще громче и притом считает себя самым умным и талантливым ученым в Галактике. И никто с ним

Экран видеотелефона загорелся.

не спорит — если Громозека так считает, все согласны быть вторыми и третьими.

Алиса Селезнева Громозеку любит с детства, потому что он ее укачивал, когда она только-только родилась, брал ее в экспедиции и путешествия, куда маленьких детей не берут. Теперь у Громозеки есть свои дети — близняшки, похожие на него, только маленькие.

Громозеке в селезневском доме всегда рады, хотя кормить его и поить — задача непростая. Все равно что угостить полк солдат.

— Как живешь? Как дела? Почему не в школе? — спросил Громозека.

— Так если бы я была в школе, — засмеялась Алиса, — тебе было бы куда труднее до меня дозвониться. Я уже давно из школы пришла и даже пообедала.

— Конечно же! Как я сразу не догадался! — согласился Громозека.

— Как у тебя дела? Как твои раскопки? — спросила Алиса.

— Моя лучшая в мире экспедиция, — загромыхал Громозека, — открыла совершенно неизвестный город. Это просто чудо искусства. Мы уже нашли дворец короля, склад серебряных ваз и мастерскую скульптора.

— Это чей город?

— Это античный город, — сказал Громозека. — Ты знаешь, что такое « античный »?

— Конечно, знаю, — сказала Алиса. — Это город древнего мира. В нем, наверное, жили древние греки.

— Город Бион, — сказал Громозека, — построили финикийцы. Они были замечательными моряками, а потом основали еще город Карфаген, о котором ты должна была узнать в школе.

— Узнала, узнала, не смейся, Громозека, —

ответила Алиса. — Я помню, что из этого города был родом полководец Ганнибал, который пошел воевать с Римом, у него в войске были слоны, и они перешли снежные Альпы.

— Неужели все это изучают в ваших школах? — удивился Громозека. — А я только недавно обо всем этом узнал. Знаешь что, Алиса, наверное, я переведу сюда моих детишек, пускай учатся в твоей замечательной, лучшей в мире школе, пускай они с детства знают все о Карфагене.

— Громозека, ты всегда шутишь, — сказала Алиса. — Я знаю, что, прежде чем начать раскопки, ты выучил все что можно о финикийцах и их соседях — египтянах, иудеях, ассирийцах и вавилонянах. Правда?

— Ну, надо сказать, что ты близка к истине, — признался Громозека. — Кстати, ты знаешь, что завтра суббота, а послезавтра воскресенье? — спросил Громозека.

— Правильно! — воскликнула Алиса. — То-то мне так не хочется идти завтра в школу.

— Завтра и послезавтра ты не пойдешь в школу, никто в Москве не ходит в школу в субботу и воскресенье, я это тоже выяснил. Так что ты можешь сесть на пассажирскую ракету и прилететь ко мне на эти два дня.

— Спасибо, Громозека, — отозвалась Алиса. — Это замечательное приглашение.

— Так ты прилетишь?

— Обязательно прилечу.

— Я очень рад! — сказал Громозека. — Я так боялся, что ты не прилетишь.

— Громозека, сейчас же признавайся, ты чего-то не договариваешь! Ты ведь хочешь, чтобы я прилетела...

— Правильно! — воскликнул Громозека. — Я

хочу, чтобы ты позагорала под здешним солнцем, искупалась в Мертвом море и поглядела, какие красивые украшения мы тут отыскали.

— И все?

— Разумеется, все.

— Честное слово?

— Алиса, нельзя так приставать к старшим. Я же сказал, что это не телефонный разговор!

— Что? — изумилась Алиса. И было чему изумиться. Чтобы в конце двадцать первого века кто-то сказал «не телефонный разговор», чтобы на Земле была такая тайна, которую нельзя никому услышать... — Я сегодня же ночью вылетаю!

— Лучше завтра утром, — ответил Громозека. — Я тебя встречу на аэродроме в Иерусалиме. И отвезу на побережье, где мы раскапываем город Бион.

Связь прекратилась. Алиса подошла к окну. Небо было синим-синим. Листва начала золотиться. Над головой курлыкали журавли, прощаясь с Москвой.

Ну что ж, сказала себе Алиса. Я хотела приключений, и, по-моему, они вот-вот начнутся.

И она пошла искать купальник, который спрятала в шкаф, вернувшись месяц назад с Тихого океана.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующее утро Громозека встретил Алису на аэродроме в Иерусалиме. Она была рада увидеть у барьера неуклюжую на вид тушу археолога. Громозека старался подпрыгивать, что ему было нелегко сделать при земном притяжении: он опасался, что Алиса его не заметит, как будто можно не заметить этого чудака.

*Громозека подхватил Алису щупальцами
и высоко поднял над толпой.*

Когда Алиса подбежала к Громозеке, тот подхватил ее щупальцами и высоко поднял над толпой. Многие люди шарахнулись в разные стороны, какая-то женщина упала в обморок, кто-то завизжал от страха за Алису. Но потом все увидели, что подхваченная инопланетным чудовищем девочка отлично себя чувствует и даже целует слонокальмара в лысую макушку.

Громозека так и не выпустил Алису. Он вынес ее из здания космопорта и посадил в большой грузовой флаер — единственную машину, которая могла поднять его в воздух.

— Тут недалеко лететь, — сказал археолог. — Через полчаса будем на месте. Ты надолго?

Как будто Алиса приехала на отдых.

— Ты же знаешь, — отозвалась Алиса. — В понедельник утром мне надо быть в школе. У нас сочинение.

— Сочинение! — с презрением воскликнул Громозека, на планете которого была совсем другая система обучения и там никто никогда не делал контрольных работ. — Как будто они не знают, что Алисочка умеет сочинять лучше, чем ваш покойный писатель Лерпушкин.

— Громозека, миленький, — попросила Алиса, — не говори о том, в чем ты не разбираешься. У нас был поэт Лермонтов и поэт Пушкин. Это два совсем разных человека.

— Но ведь оба покойные!

— Покойные, но разные. И оба умели сочинять.

— Именно об этом я тебе и говорю уже полчаса! — взревел Громозека.

Алиса обратила внимание на то, как Громозека ведет флаер — машина вздрагивала и покачивалась.

— Громозека, ты нервничаешь, — сказала Алиса. — Расскажи мне, что тебя тревожит.

— Через несколько минут, — ответил Громозека, — ты прилетишь и все узнаешь. А пока расскажи, что дома, как папа? Звери не болеют в его космическом зоопарке?

— Все звери здоровы.

— А мама? Как мама? Ее проект приняли?

— Никогда я еще не видела тебя таким, — сказала Алиса.

— Каким?

— Взволнованным!

— Нет, в прошлом году, когда мои двойняшки заболели синепрыщиками, я волновался еще больше.

Алиса поняла, что ничего не узнает, и стала смотреть в иллюминатор, потому что они летели над очень красивыми местами. Слева от них показалось море, а внизу тянулись зеленые, желтые, бурые и рыжие участки, на которых уже собрали урожай, блестели озера и бассейны, голубели дороги.

Флаер опустился у полуразрушенной крепости на невысоком пологом холме. Частично холм был раскопан. Между ним и морем в ряд стояли оранжевые экспедиционные палатки и блестевшие под солнцем навесы. Махонькие раскопочные роботы трудились под надзором людей.

— Ну что, сначала посмотрим на раскоп? — спросил Громозека, когда они вылезли из флаера.

— С удовольствием, — согласилась Алиса.

Громозека повел Алису к небольшим квадратным ямам, разделенным перемычками нетронутой породы. Алиса знала: это всегда делается археологами, чтобы следить за тем, какой слой ты раскапываешь, сколько лет тем вещам, которые ты нашел.

Сначала Громозека и Алиса прошли по перemyчкам. Внизу, в ямах, трудились археологические роботы, которые работали лопаточками, скребками и кисточками, расчищая от земли черепки, железки, монетки, бусинки и прочие находки. Но если роботу попадалось что-то незнакомое или непрочное, он начинал вежливо пищать и звать на помощь человека. Археология — это наука, близкая к искусству. Порой археолог не знает, что нашел, но уже чувствует. Это называется — интуиция. Хороший археолог всегда обладает богатой интуицией. У Громозеки была гигантская эрудиция.

Алисе все были рады. Некоторые роботы ее знали или читали об ее удивительных путешествиях и приключениях. Ей показали стены царского дворца, найденного совсем недавно, пропалившийся сводчатый потолок подвала, завалы черепицы, стены, обожженные некогда бушевавшим здесь пожаром.

Алиса смотрела с интересом — она любила бывать на раскопках и воображать, как жили здесь люди. Хотя надо сказать, что почти всегда ей бывало грустно — ведь эти люди умерли давным-давно, и, если бы не археологи, о них ничего бы не стало известно.

— Ну что ж, насмотрелась? — спросил наконец Громозека.

Алиса поняла, что наступает тот момент, ради которого археолог вызвал ее из Москвы.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Очень интересно.

— А теперь давай пойдем к нам в лагерь, — предложил Громозека. — Скоро обед, у нас с тобой до обеда остался один час. И мне надо с тобой поговорить.

Они прошли в палатку. Половину палатки

занимало ложе Громозеки. Кроме него там умевшийся письменный стол. Громозека вытащил из-под стола запертый ящик. И прежде чем его открыть, он сказал:

— Три дня назад мы начали копать на новом участке. Как ты понимаешь, у нас, археологов, время перевернуто. То есть ближе всего к поверхности земли лежат те вещи, которые потеряны, оставлены или забыты совсем недавно. И чем глубже археолог закапывается в землю, тем более старые вещи он находит. Ведь даже если ты уехала на лето из дома, то, возвратившись в свою комнату, увидишь, что стол, стулья и подоконник покрылись слоем пыли. А что было бы, если бы ты уехала на сто лет? Представляешь, сколько бы пыли легло на твои вещи — их пришлось бы выкапывать.

— Не надо читать мне лекцию, — отмахнулась Алиса. — Я все это знаю. И я не первый раз на раскопках.

— Никогда не вредно повторить умную лекцию, — произнес Громозека. — Я напомнил тебе об этих обыкновенных вещах, чтобы ты поняла: добираясь до древнего города, нам пришлось выкопать яму глубиной в три метра. Опускаясь в эту яму, мы как будтодвигаемся в подвал на лифте. И можно даже написать на стенке ямы: «Сто лет назад», «Тысячу лет назад», «Две тысячи лет назад».

— Понятно, понятно, — сказала Алиса.

Ей стало скучно. Она смотрела наружу, в откинутый полог палатки, на лиловые и рыжие горы, на синее теплое небо и вдыхала запах близкого моря.

— Итак, три дня назад мы опустились на девятьсот лет вглубь, — услышала она слова

Громозеки, — что соответствует концу двенадцатого века. А что было в конце двенадцатого века?

— Средние века, — сразу ответила Алиса.

— А что ты еще знаешь о средних веках?

— Крестоносцы! — воскликнула Алиса. — Ричард Львиное Сердце! — Еще бы, она вспомнила роман Вальтера Скотта «Айвенго», который прочла этим летом.

— Молодец, умница! Ты хорошо учишься в школе, — одобрил Громозека. — Именно крестоносцы. Именно в этих местах. А с кем они здесь сражались?

— Против них воевал Саладин.

— Правильно, египетский султан Салах-аддин, — сказал Громозека. — А кто победил?

— Их сражения закончились вничью. Но Саладин чаще побеждал, потому крестоносцы в конце концов оттуда уплыли.

— Великолепно! — воскликнул Громозека. — Такая эрудиция! А скажи, кроме арабов и крестоносцев, кто еще здесь жил?

— Здесь жили тогда разные народы, — послушно ответила Алиса. — Арабы, евреи, армяне... Мне надо специально посмотреть, чтобы вспомнить.

— И чем же они занимались?

— Странный вопрос, — удивилась Алиса. — Землю пахали, пасли овец, воевали — чем еще могут заниматься древние люди?

— И этим — никогда? — спросил Громозека, доставая из ящика что-то тяжелое, завернутое в мягкий пластиковый пакет.

Алиса достала из пакета загнутую на конце трубочку в палец толщиной. С одной стороны в трубочке было небольшое отверстие. Трубочка была немного похожа на старинный пистолет, хотя, конечно, ее сделали недавно.

— Вот это мы нашли при раскопках в слое двенадцатого века, — сказал Громозека.

— Но что это?

— Мне не хотелось бы показывать тебе действие этого приборчика, однако поверь мне, что это о-очень грозное космическое оружие — луч такого бластера пронзает цель за полкилометра.

— Но это игрушечный бластер! — возразила Алиса. — Даже для моей руки он маловат.

— Правильно, — согласился Громозека. — Ты очень наблюдательна.

— Ты хочешь сказать, — спросила Алиса, — что девятьсот лет назад к нам прилетали инопланетяне с маленькими руками?

— И стреляли из бластеров, — добавил Громозека.

— Но почему ты не хочешь, чтобы об этом все узнали?

— Я старый осторожный чумарозец, — сказал Громозека. — Я не хочу, чтобы надо мной смеялись и говорили, что я гоняюсь за сенсациями.

Алиса посмотрела на своего друга — чего-то он недоговаривал. Но лучше его не торопить.

— Этот бластер — не единственная находка, — сказал он.

— Чувствую, — ответила Алиса. — Показывай, что еще.

Громозека вытащил из ящика небольшую плоскую металлическую кассету. Провел по ней одним из семи левых щупалец, кассета тихо щелкнула и раскрылась.

— Это тоже найдено на раскопках, — сообщил он. Как будто Алиса не догадалась бы сама.

На стол перед Алисой легла стопка тонких металлических пластинок, похожих на фотографии. Снимки на пластинках были цветными, они совсем не потускнели от старости.

На большинстве пластинок были изображены виды этих мест — такие же, как и теперь, сухие склоны холмов, синее море, оливковые рощи. Но вот попались и более интересные снимки: на одном был виден въезд в какую-то крепость — высокие железные ворота. У ворот стоял рыцарь в длинной кольчуге и стальном шлеме, на плечи был накинут белый плащ с красным крестом. На следующей «открытке» Алиса увидела группу людей в средневековых одеждах, на плечах которых были одинаковые розовые шарфы.

— А это что такое? — спросила Алиса.

— Смотри дальше, — сказал Громозека.

Алиса увидела еще одну крепость — на вершине плоской скалы. Казалось, что зубцы ее стен достигали облаков.

А на следующей карточке было изображено небольшое стадо овец. Перед ним стоял молодой смуглый босоногий пастух. А еще ближе к камере стояла девочка, страшно знакомая и даже одетая в зеленый сарафан...

— Странно, — сказала Алиса. — Она так похожа на кого-то!

— Еще бы! Ты ее каждое утро в зеркале видишь.

Алиса сообразила не сразу. Но, догадавшись, воскликнула:

— Ты хочешь сказать, что она похожа на меня?

— Конечно, бывают совпадения... — неуверенно произнес Громозека.

— Но почему я там?

— Еще не знаю.

— Может, это все же не я?

— Может быть, — не стал спорить Громозека. — Но может быть, и ты.

— Но что мне делать в двенадцатом веке?

— Я хотел тебя спросить.

Алиса просмотрела остальные карточки. На одной из них был изображен старый человек с длинной черной бородой, который сидел в глубоком кресле, покрытом ковром.

— И это все? — спросила Алиса, возвращая карточки.

— Не совсем. Мы вчера раскопали место, где они жили.

— Кто они?

— Те, кто умел пользоваться бластером и фотографировать в двенадцатом веке. Ты же понимаешь, что этим занимались не крестоносцы.

— Ты не стал никого оповещать о своем открытии из-за моей фотографии?

— Не только. Пойдем, поглядим на их жилье. Это в другой стороне. Мы проводили там пробное бурение.

Они вышли из палатки. Поднялся ветер — он гнал светлую пыль над склоном холма, небо покрылось мглой. Стало куда жарче.

Громозека повел Алису в сторону от раскопов, к почти пересохшему ручью, шепотом пробирающемуся под камнями. На том берегу ручья возле окаменевшего ствола дерева Алиса увидела еще одну яму. На дне ямы среди непонятных предметов, таких же желтоватых, как и пыль, покрывавшая все вокруг, не спеша возился археологический робот. Архробот — маленький, ростом с собаку шар, с длинющими членистыми руками, вместо пальцев на которых были всякие нужные инструменты. Спереди и с боков на шаре были прикреплены всевозможные карманы, полочки и крепления для того, чтобы удобнее собирать добычу. Головы у робота не было — ее заменяла нашлепка, у основания которой тянулись ожерельем светящиеся элемен-

ты — робот видел одновременно в любом направлении.

— Здравствуй, Арх, — сказал Громозека. — Помоги Алисе спуститься и поглядеть, что ты там отыскал.

— Одну минутку, — ответил робот. — Сейчас закончу пропитывать kleem кусочек ткани, который мне попался, и тут же помогу твоей Алисе.

— А почему робота зовут Арх? — спросила Алиса.

— Потому что я — Арх как хорош! — заявил тот. И затрещал — видно, изображая смех.

— Он называется Археологическим роботом, — объяснил Громозека — Сокращенно Архробот-15. Но у меня все тут архроботы. И ему хочется отличаться.

— Разумеется, — ответил из ямы архробот. — Ты же не называешь себя Арх-1, хотя ты здесь и есть первый археолог. И притом ты далеко уступаешь мне в красоте и привлекательности.

— Вот видишь, какой у нас характер, — сказал Громозека.

— Не хуже вашего, — сообщил робот и неожиданно протянул к Алисе ставшие пятиметровыми тонкие гибкие руки, цепко, но небольно схватил ее и в мгновение ока опустил на дно ямы.

— Ах! — воскликнула Алиса от неожиданности.

— Уж пять лет, как Арх, — ответил робот.

Алисе ничего не оставалось, как улыбнуться.

— Так зачем пришли, что хотите увидеть? — спросил Арх.

— То, что ты покажешь, — миролюбиво ответила Алиса. — Вы же все здесь знаете.

— Правильно, — согласился Арх. — Но пока мало чем можно похвастаться. Ведь поселение, о котором идет речь, существовало на этом месте недолго. Не больше двух лет.

— Ax! — воскликнула Алиса от неожиданности.

— Целых два года! — удивилась Алиса.

— Не перебивайте, а то вам придется искать другого экскурсовода! — строго сказал робот. — Мне трудно собраться с мыслями. Значит, мы с вами видим следы инопланетной цивилизации, временного лагеря разведочной или рабочей партии.

— А их корабль или корабли здесь спускались?

— Ну что за глупый детский вопрос! — возмущался Арх. — Там, где спускаются корабли, не бывает ничего, кроме обожженной земли. А здесь они жили. Понимаете, жили, кушали, спали! Это и есть материальная культура. Корабль стоял в стороне и, наверное, был тщательно спрятан.

Темная тень, которая падала на дно ямы от громоздкой фигуры Громозеки, медленно покачивалась, сверху доносилось хрюканье — так Громозека смеялся.

— И что же вы нашли? — спросила Алиса.

— Выгребную яму, в которой они сжигали то, что оставалось у них после еды.

— И в ней зола, — сказала Алиса, которой хотелось поддеть самоуверенного робота.

— А в золе, — продолжил ее фразу робот, — несгоревшие остатки посуды, объедки и консервные банки.

— Любая маленькая деталь повседневной жизни прошлого бесцenna для археологии! — заявил сверху Громозека.

— Золотые слова, — откликнулся Арх.

Он повернулся в другую сторону — там земля была не такой черной, как в месте, где пришельцы жгли свой мусор, а желтой.

Алисе было трудно различить очертания предметов, принявших за тысячу лет цвет земли.

— Они построили здесь глинобитные дома, — сказал сверху Громозека. — Не хотели, чтобы

случайные прохожие поняли, что здесь живут не обычные люди.

— Ну что за нравы! — рассердился робот. — Я веду экскурсию. Я рассказываю нашей гостье про мои достижения и находки. И тут приходит мой начальник, который использует служебное положение в корыстных целях, и отнимает у меня кусок хлеба.

— Ты демагог, Арх, — ответил на это Громозека. — И нет у меня никакой корысти. Но если тебя не поторопить, ты будешь рассказывать до вечера. Но говори, говори, я молчу.

— Когда эти инопланетяне прилетели сюда, — продолжал круглый робот, — они сначала поставили палатку или купол — сохранились дырки, пробуренные в камнях, чтобы удерживать палатку от ветра и непогоды. Но потом, как мы видим, пришельцы построили глинобитный дом, ничем не отличающийся от окрестных домов. Обратите внимание — вот следы от опор, вон там некогда упала балка, здесь стояли их скамейки, здесь были спальные места, а вот тут, за пределами дома, — уборная.

Робот шустро указывал на находки стальными пальцами, гребенками, кисточками и лопатками, на кучки земли или квадратики камня — Алиса ничего не успела толком разглядеть.

— А зачем они здесь жили? — спросила Алиса.

— Это еще одна загадка, — сказал робот раньше, чем успел ответить Громозека. — Что им было делать здесь, в засушливой пустынной местности, у моря? Но я разгадаю эту тайну. Недаром я такой умный. Я уже выучил шестьдесят четыре языка. Кстати, вы себя там видели?

— Может быть, это и не я, — предположила Алиса.

— Может быть, — согласился робот. — Вооб-

щё-то говоря, большинство людей для меня на одно лицо, не то что роботы. А вам?

— Я людей различаю, — вежливо ответила Алиса. — А роботов путаю.

— Тогда разрешите, я вас подниму?

Робот подхватил Алису своими ручищами и буквально выбросил из ямы. Поставил на краю и тут же начал снова копаться в земле.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Вы были очень любезны.

— Со мной не надо проявлять вежливость, — возразил робот. — Кого интересуют чувства простого археологического робота, вынужденного проводить свою жизнь в пыли и песке! Мы, роботы, погибаем от силикоза и ржавчины. Нас даже никто не хочет ремонтировать. Когда-нибудь мы взбунтуемся и уйдем в зеленые леса и вольные пampасы.

— Не обращай внимания, — сказал Громозека, отводя Алису от ямы. — Он хороший специалист, но чудак. Археологические роботы, как правило, молчаливые, скучные и простые. А этот — чудак. Я к нему привязался и поручаю самые тонкие работы.

— Спасибо! — донесся до них крик.

— Видишь, какой у него слух, — засмеялся Громозека. — Он услышал, что я о нем говорю.

Они возвратились в палатку Громозеки.

— Ну вот, — сказал Громозека. — Теперь-то ты понимаешь, почему я не спешу объявлять о своих находках? Мы знаем пока только, что какие-то пришельцы побывали здесь девятьсот лет назад, прожили два года, изображая из себя людей, а улетая, забыли бластер и кассету с карточками.

— И все? — спросила Алиса, которая никак

не могла отделаться от чувства, что Громозека чего-то недоговаривает.

— Тебе всего этого мало?

— Мало.

— Ну ладно. Понимаешь, у меня хорошая зрительная память. И я видел такие же бластеры. В военном музее на Блуке.

— Значит, к нам прилетали с Блука.

— Они были найдены на планете, уничтоженной загадочным нашествием.

— Давно?

— Давно. Это оружие неведомых до сих пор космических бродяг. Они уже несколько сот лет носятся по Галактике и никогда не оставляют планету, пока не ограбят ее дочиста.

— Но этим что-то помешало.

— Но знаем ли мы, почему так случилось?

— Я думаю, что ты зря так волнуешься, Громозека. Если мы с тобой живы, если все на Земле живы, значит, они убрались восвояси. Что-то помешало этим бродягам нас ограбить и убить.

— Но что? А может, кто? — спросил Громозека.

— А вдруг это были просто туристы с фотоаппаратами, а бластер брали, чтобы защищаться от шакалов?

— Как бы мне хотелось узнать об этом получше!

— Ничем не могу тебе помочь, — вздохнула Алиса.

— У тебя есть друзья в Институте Времени, — заметил Громозека, почесывая щупальцем хобот.

— Громозека, я тебя не понимаю! — удивилась Алиса. — Ты же можешь официально обратиться в Институт. Как только ты покажешь свои трофеи, они наверняка пришлют сюда специалистов.

Ведь это открытие номер один — найти следы посещения Земли космическими бродягами в двенадцатом веке!

— Нет, именно сенсации я и не хочу. Все во мне протестует, — громко вздохнул Громозека. — Не нравится мне это, как говорит твой друг механик Зеленый.

— Но Зеленый — пессимист! — сказала Алиса. — Он всегда боится будущего.

— А я боюсь прошлого, — ответил Громозека. — Алисочка, давай подождем несколько дней. Давай разузнаем побольше. Объявить об этом открытии мы всегда успеем.

Алиса задумалась. Конечно, она любила тайны. Но эта тайна ее смущала. Не из-за бластера — мало ли с какими пушками заявлялись на Землю различные туристы и бродяги! Ее смущало сходство девочки, сидевшей напротив чернобородого старца, с московской школьницей Алисой Селезневой.

— Хорошо, — предложила Алиса. — Я сейчас же лечу домой и поговорю по секрету с Ричардом.

— Это кто такой? — спросил Громозека.

— Это мой друг. Сотрудник Института Времени. Один из самых отважных временщиков.

— А кто такие временщики? — спросил Громозека, который отлично знал русский язык, но иногда путался среди новых слов. — Насколько я знаю, временщиками называли тех царских любимцев, которые забирали при дворе большую власть и угнетали свой народ.

— Нет, — ответила Алиса. — Мы теперь называем временщиками сотрудников Института Времени, которые уходят на полевые задания.

— Почему на полевые, а не на лесные или городские?

- Ну это так называется! Полевыми заданиями называются полеты в другое время.
— Ты ему все объяснишь?
— Я ему все объясню, — пообещала Алиса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующий день, то есть в воскресенье утром, Алиса возвратилась из полета в Москву. И не одна. С ней был молодой человек по имени Ричард Темпест, знаменитый путешественник по времени, знающий сорок шесть новых и древних языков, а также семь языков, которые еще не изобрели.

Может быть, другой, более разумный и рассудительный временщик не согласился бы сломя голову нестись в Иерусалим, чтобы расследовать событие, случившееся девятьсот лет назад. Но Ричард, расспросив Алису, согласился с мнением Громозеки.

— Допустим, — сказал он, запустив тонкие пальцы в пышные черные курчавые волосы, — что на карточке изображена все же ты. А я склоняюсь к этой версии. Что это значит? Это значит, что ты побывала в том времени. А как ты могла бы побывать в том средневековом времени? Только с помощью машины времени. А где машина времени? Вот она, летит со мной в моем чемодане в разобранном виде. На Земле нет неизвестных нам машин. Значит, ты попадаешь туда. И именно на этой самой машине. Зачем? Почему? Пока я этого не понимаю. А если я чего-то не понимаю, мне очень хочется это понять. Так что я лечу в прошлое и все проверяю на месте.

- И я с тобой?
— Не торопись.

Громозека встретил молодых друзей на аэродроме.

— Я вам так благодарен, что вы не стали смеяться над нашими с Алисой выдумками! — сказал он, пожимая своими щупальцами руку Ричарда.

— Только глупый человек смеется, не разобравшись, — ответил Ричард.

Он был очень серьезный молодой человек. Даже никогда не улыбался. Он всегда был очень занят, потому что больше всего любил учиться. И даже отправляясь на два дня в Древний Китай, он изучал древнекитайский язык и выучивал всю историю и географию Древнего Китая. Вот и сейчас в рейсовом ракете он просмотрел учебники древних языков, узнал все что можно про английского короля Ричарда Львиное Сердце и о его спутниках по третьему крестовому походу: короле Филиппе французском и эрцгерцоге австрийском Леопольде, а также о короле иерусалимском Гуго де Луизиньи, магистре ордена тамплиеров, о султане Саладине и даже известном разбойнике, владельце неприступного замка Крак де Шевалье графе Райнольде де Шатильоне, напавшем на караван, в котором путешествовала сестра Саладина, и ограбившем ее, чем нанес Саладину страшное оскорбление.

В ракете Ричард попытался посвятить Алису в эти дела, которые уже стали для него родными и понятными, но Алиса, надо признаться, скоро запуталась во французских и английских именах, и, когда Ричард начал было рассказывать о Готфриде Бульонском и Конраде Монферратском, она взмолилась:

— Рич, дорогой, я уже полна этими рыцарями, как корзинка грибами поганками.

— Ну уж и поганками! — удивился Ричард. — Среди них были и достойные люди. Например, Фридрих Барбаросса, который утонул в речке, так и не добравшись до остального войска крестоносцев.

— Я знаю, почему тебе это все так интересно! — сказала Алиса.

— Почему?

— Потому что ты Ричард, а английского короля тоже звали Ричард.

— Ну что ж, в чем-то ты права. Мне давно хотелось посмотреть на моего тезку, — признался Ричард-временщик.

Утро еще не кончилось, когда Ричард установил свою машину в стороне от раскопок, за палатками археологов.

Переносная машина времени умещалась в чемодане, но это не значит, что она была простой машиной. Переносных машин времени всего три во всей Галактике. Из них две стоят в Институте Времени в Москве, а одна в Галактическом центре, под строжайшей охраной. Ведь бывали случаи, когда машиной по недосмотру сотрудников Института пользовались дурные люди, даже как-то раз космические пираты. Теперь охрана машины поставлена таким образом, что человек, не знающий кода и не умеющий обращаться именно с этой кабиной, никогда никуда с ее помощью не улетит.

Установка самой кабины заняла не много времени. Скрученная тugo в комок металла и пластика, она по команде переносного компьютера раскрылась, как ромашка, и перед Алисой в мгновение ока поднялась блестящая гофрированная башенка, разрезанная с одной стороны и покрытая сверху округлым колпаком, на котором

перемигивались огоньки. Машина самонастраивалась: она проверяла, еще без пассажира, туннель времени, который тянулся от нее в бесконечность прошлого. В каждой точке этого пути, в каждом дне его компьютер отыскивал время, в которое могла открываться дверь кабины или намертво закрывалась в те дни и годы, когда именно в этой точке пространства находилась гора или плескалось море. Ведь на поверхности Земли все время происходят перемены — там, где миллион лет назад плескались воды теплого моря, сегодня поднимается снежная гора. Разумная машина не хотела, чтобы ее пассажир вышел из машины в ста метрах под землей или под водой. Также машина накладывала запрет на выход, когда случались землетрясения или вселенский потоп — она берегла пассажира.

Устанавливая машину, Ричард сказал Алисе: он рассчитывает, что за девятьсот лет ничего особенного в этой точке не произошло. Каменистый склон не должен был измениться.

К позднему завтраку, когда кабина времени уже крепко стояла на земле и колпак, проверив всю линию, утихомирился, обитатели лагеря сошлись к кабине. Сам Громозека уже минут десять стоял, любуясь машиной. Потом прибежали все пять архроботов во главе с Архом. Ну и, конечно же, там стояли Алиса, Ричард и две близняшки из недалекого домика, где жила семья гидрографов Рабэннов, которая вела наблюдения за состоянием моря и морской воды, а еще разводила на сухой земле сладкие арбузы.

Алисе совсем не хотелось завтракать, но Ричард, убедившись в том, что все готово, сказал, что нельзя начинать рабочий день без хорошей заправки.

Он первым пошел под навес, где помещалась

Сам Громозека уже минут десять стоял,
любясь машиной.

столовая экспедиции. За ним последовали остальные люди, включая двух девочек Рабэн, а пять архроботов остались стоять под разыгравшимся солнцем, глядя на огоньки на куполе кабины времени. Никто из них, конечно же, не работал. Алиса подумала, глядя на них из-под навеса, что они похожи на солдатиков, в полк к которым приехал генерал в роскошном мундире. Вот они и глазеют на начальника. Ведь в сущности особой разницы между архроботами и кабиной времени не было — все они были компьютерами с особой сложной программой. Даже лучи солнца одинаково отражались от выпуклых боков роботов и колпака кабины.

— Ну, что же теперь будем делать? — спросил Громозека.

Он буквально дрожал от нетерпения. Даже смахнул со стола в рассеянности свою чашку, а потом и чайник с верблюжьим молоком, которое Громозеке специально присыпали флаером из Саудовской Аравии, потому что в нем было много витаминов, очень нужных для здоровья знаменного археолога.

— Сначала, — сказал Ричард, отхлебывая крепкий душистый чай и отщипывая кусочки от мягкой плоской лепешки, — я проверю связь с Москвой, ведь работа кабины должна контролироваться главным компьютером, которому подчинены три портативные и шесть стационарных кабин.

— А потом полетишь в двенадцатый век? — спросила Алиса.

— Не сразу, — ответил Ричард. — Сначала я пройду не спеша по всему каналу времени, проверю все входы и выходы из кабины. Потом сверю свои данные с данными, которые получены в Институте. И только когда я точно выясню

точку, в которой мне надо оказаться, я начну переход...

— Так сколько это займет времени! — возмутился Арх. — Это вы до завтра не управитесь!

— После обеда, — кратко ответил Ричард. — Сразу займемся.

— Тогда мы пойдем купаться, — сказали девочки Рабэн, которым стало скучно. И они убежали.

Алисе не терпелось разгадать тайну собственного появления в средних веках, и она рада была бы поторопить Ричарда. Но она понимала, что его ничем не поторопишь: как он распланировал свою работу, так и будет.

Алиса не знала, как лучше убить время. То ли прочесть что-нибудь про Ричарда Львиное Сердце и прокаженного короля Болдуина, то ли пойти на раскопки и поглядеть, как работает Арх. Может быть, он найдет сегодня что-нибудь особенное?

Но сначала она подошла к кабине времени.

Она не знала, как бы уговорить Ричарда отпустить ее к королю Ричарду и другим крестоносцам. Ведь Алисе уже приходилось пользоваться кабиной, когда она была моложе. Она уже отправлялась в двадцатый век, когда космические пираты гнались за Колей, который спасал миелофон, она уже побывала с помощью кабины в эпохе легенд. Но вот в средних веках ей еще бывать не приходилось.

Кабина одиноко сверкала на ровной каменистой пустыне у холма. Несмотря на яркое солнце и начавшуюся жару, она казалась прохладной и неподвластной ветрам и жаре.

Алиса невольно залюбовалась ею.

Подошел Ричард.

— Ну вот, — произнес он, — разрешение из

Института получено. Сейчас я проведу контрольное погружение в прошлое.

— И далеко тебе погружаться?

— В тысяча сто девяностый год.

— Ты там поосторожнее, пожалуйста, — попросила Алиса.

Ричард шагнул внутрь кабины.

Алисе видна была спина Ричарда, который наклонился над внутренним пультом. Вход в кабину затянуло сверкающей пленкой. Снопом искр загорелся купол, раздалось мелкое и частое тарахтение.

А потом все стихло.

Алисе показалось, что в пустыне установилась первобытная тишина. И эту тишину нарушил голос Громозеки:

— А где же наш гость?

— Наш гость в разведке, — объяснила Алиса. — Сейчас вернется.

— Что же он меня не предупредил! Я бы ему посоветовал...

— Но он сейчас не будет искать пришельцев, — ответила Алиса. — Он только проверит канал и вернется.

— А где он?

— Видишь, здесь на дисплее показано, в каком году он находится. В крайнем случае мы можем за ним съездить.

— Я все равно волнуюсь.

— Тогда перестань волноваться, — сказала Алиса. — Посмотри на эту шкалу. Видишь, как вдоль нее движется зеленая точка?

— Вижу.

— Это возвращается Ричард.

Зеленая точка достигла нулевой отметки.

Кабина с легким щелчком отворила свою дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В дверях кабинки показался пожилой толстяк в синем коротком халате, войлочной шляпе и грубых сандалиях. Его пузо было перетянуто кожаным поясом, к которому был прикреплен большой кошелек. Алиса решила, что этот человек — древний купец.

Купец внимательно посмотрел на Алису, поднял руку, как бы здороваясь, и вышел из кабинки под открытое небо.

— Здравствуйте, — произнесла Алиса. — Вы откуда и что вам нужно?

Купец ничего не ответил, но взгляд его обратился к Громозеке, удивленному не менее Алисы. Купец был испуган, он даже сделал движение, чтобы отступить назад, но удержался, словно ему приказали не убегать. Дрожа, он перекрестил Громозеку, а Громозека так растерялся, что вежливо произнес:

— Большое спасибо.

На что купец ответил фразой на старофранцузском языке, который Алиса не понимала, потому что он отличается от современного французского языка.

После этого купец пошел направо, между холмом и палатками, не оборачиваясь и не замедляя шагов.

— Подождите! — окликнула его Алиса. — Где Ричард?

Она уже догнала купца и схватила было его за рукав, но купец резким движением вырвался. Алиса заметила лишь, что у него под шеей видна полоска нежного розового цвета, словно клубничный мусс. И эта полоса резко выделялась на фоне грязной загорелой шеи.

— Алиса! — услышала она сзади зов Громозеки. — Скорее сюда!

Алиса оставила купца и побежала обратно к кабине.

И успела вовремя. Из кабине показался новый гость. На этот раз это был молодой рыцарь. Алисе показалось, что она видела его на одной из карточек. Рыцарь был высок ростом, строен, голубоглаз, его голова была обнажена, и золотистые кудри спадали на плечи, обтянутые кольчугой и покрытые белым плащом. У рыцаря была смуглая кожа, короткая бородка и усы. На плаще был нашит красный крест с концами, подобными ласточкиным крыльям.

Рыцарь смотрел на Громозеку, положив руку в кольчужной варежке на рукоять длинного меча. Взгляд был грозным, но и Громозека не отступал.

— А вы кто такой? — спросила Алиса, понимая, что нельзя же спрашивать по-русски средневекового рыцаря.

Рыцарь медленно произнес несколько слов, глядя на Громозеку.

Потом замер, приоткрыв рот, словно слушал внутренний голос или приказ по радио, переданный в наушники.

И тут глаза рыцаря потеряли свой боевой блеск, он как будто сгорбился, плечи опустились, и, не глядя ни на кого, он пошел налево, к морю, в сторону, противоположную той, в которой скрылся купец.

Алиса по инерции сделала несколько шагов следом за рыцарем и увидела, что на плече его, под кольчугой, виден край розового шарфа. Что было странно.

Алиса понимала, что рыцаря ей не остановить, и растерянно обернулась к Громозеке.

— Что-то надо делать! — воскликнула она.

— Смотри! — вместо ответа произнес Громозека и нерешительно шагнул вперед.

Обернувшись, Алиса поняла причину этого движения: в двери кабины стояла прелестная черноволосая и черноглазая женщина в длинном, до пола, голубом платье и туфлях с острыми носками. Волосы женщины были собраны в узел и покрыты кружевной сеткой. При виде Громозеки эта женщина отпрянула назад и лишилась чувств.

— Погоди, Громозека, я сама! — крикнула Алиса и подбежала к женщине.

Она склонилась над ней и расстегнула драгоценный хрусталик — верхнюю пуговицу на платье. Сообразительный Громозека уже протянул Алисе планшет с листами для записей, и Алиса принялась обмахивать им женщину.

Та застонала.

— Воды, Громозека! — попросила Алиса.

И в ужасе отшатнулась, потому что она увидела, как нечто розовое, так похожее на шарф, но явно живое, протискивается в расстегнутый ворот платья.

Женщина открыла глаза. Глаза были бессмысличные — она ничего не соображала.

Но она уже могла двигаться.

Женщина медленно приподнялась, потом встала. Розовый шарф вновь спрятался — остался лишь маленький кусочек под самым горлом.

Появился Громозека со стаканом воды. Он передал его Алисе, а Алиса протянула женщине. Но женщина отрицательно покачала головой и заговорила на старофранцузском языке. Алиса лишь поняла, что она приняла Громозеку за дьявола. Затем женщина отстранила Алису и пошла прямо на Громозеку, так что тому пришлось отпрянуть, чтобы не столкнуться с нею.

Женщина шла как во сне. Все быстрее и

быстрее — и вот она уже бежит к развалинам крепости.

Алиса обернулась в поисках остальных приспешников, однако их уже не было видно.

— Но где же Ричард? — спросила Алиса, ни к кому не обращаясь.

И услышала голос робота Арха:

— Я не знаю, кто к нам приходит из прошлого, но я уверен, что они появляются с той же станции, на которой пропал наш уважаемый Ричард из Института Времени. Может быть, это обмен? Но тогда почему они не хотят с нами разговаривать?

— Но что делать? — спросила Алиса.

— Я бы на вашем месте пока что выключил кабину.

— Но если мы выключим кабину, как Ричард возвратится сюда?

— Пока что я не вижу среди ваших гостей никого по имени Ричард, — заметил робот. — Но вот сколько появится незнакомцев в розовых шарфах и зачем они сюда прибывают, я не могу ответить.

— Пожалуй, робот прав, — сказал Громозека. — Надо отключить кабину и срочно вызвать специалиста из Москвы.

— Но как она отключается? — спросила Алиса.

— Разрешите, я вам помогу? — предложил робот Арх.

— Нет, я с вами не согласна! — возразила Алиса, которой было очень страшно за Ричарда.

Но Громозека велел роботу действовать.

Робот Арх въехал в кабину, поднял тонкие руки над пультом, и его пальцы с невероятной скоростью начали метаться над пультом, вычисляя, как отключить всю систему. И не успела

Женщина шла как во сне.

Алиса еще раз подумать и попросить его ничего не делать, как в кабине выключился свет и огоньки на колпаке погасли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Все, — произнес Арх таким тоном, будто он только что придумал эту машину времени.

— Теперь пошли позвоним в Институт, — сказал Громозека. — Как туда звонить?

Они вызвали иерусалимскую справочную и попросили срочно связать их с Институтом Времени в Москве. Громозека волновался, ворчал на безобразную связь. Как можно! Мы уже пять минут как не можем созвониться с Москвой!

На шестой минуте экран зажегся — есть связь с Институтом Времени!

На экране появилось милое женское лицо.

— Здравствуйте, — сказала женщина, глядя на Громозеку и не выказывая никакого удивления. — Институт Времени вас внимательно слушает. Сегодня в Москве воскресенье, выходной день, поэтому ваше послание принимает автоответчик. Сообщите мне, что вам надо, и я завтра с утра передам вашу просьбу сотрудникам Института.

— Да погодите! — прервал автоответчицу Громозека. — У нас срочное дело, а вы бюрократию разводите! Мне надо поговорить с вашим начальником.

— Большое спасибо, — ответила девушка, не отрывая внимательного взгляда от Громозеки. — Мы очень благодарны, что вы задали нам такой важный вопрос. Прошу вас позвонить завтра после девяти часов утра.

Трах! — это щупальце Громозеки ударило по пульте.

— Шшшшшш, — зашипела система, не при-

ученная к тому, чтобы по ней колотили инопланетные археологи.

— Ну вот, — сказал Громозека обиженно. — Никто не хочет со мной разговаривать.

Шустрый Арх, не тратя ни секунды, уже начал ремонтировать связь. Потом пропищал:

— Надо использовать другой аппарат. Этот тю-тю!

— Что значит — тю-тю? — рявкнул Громозека.

— Примерно то же самое, что и абзац! — ответил лукавый робот.

— Этот ваш варварский язык! — взревел Громозека. — Так жить нельзя! Я улетаю.

— Куда ты? — удивилась Алиса. — Мы же еще не спасли Ричарда.

— Вот именно, — ответил Громозека. — Но здесь его не спасешь. Только все машины переломаем. Я лечу в Москву, я отыщу директора Института. Весь Институт перекопаю, но отыщу, где этот директор скрывается! Я его за шиворот сюда притащу, чтобы он меры принял!

— По-моему, у них сегодня соревнования по ловле семги в Москве-реке, — сказала Алиса. — Ричард печалился, что не сможет принять в них участие.

— Да хоть акул! — ответил Громозека. — Хоть на Северном полюсе. Им от меня не скрыться.

Громозека схватил со стола несколько лепешек на дорогу и приказал Алисе:

— Машину времени не трогать. Ничего не предпринимать, с пришельцев глаз не спускать! Я буду здесь через час-два. Ясно?

— Несколько, — сказала Алиса. — А как мы можем не спускать глаз с пришельцев, если они разбежались?

— Далеко не убегут. Если их увидят, сразу отправят лечиться.

И, не слушая ничего больше, Громозека, тяжело переваливаясь, побежал к своему флаеру.

Алиса с роботом Архом посмотрели друг на дружку и засмеялись. Хотя, конечно, им было не до смеха.

Флаер Громозеки медленно поднялся в вихре желтой пыли и помчался в синеву неба.

— А мы что будем делать? — спросила Алиса.

— А мы посоветуемся с нашими товарищами, — ответил робот Арх. И тут же пронзительно засвистел.

Через минуту вокруг них собрались четыре археологических робота и две девочки Рабэн.

Все расселись вокруг обеденного стола под навесом.

— У кого есть мнения и предложения? — спросил робот Арх, который был здесь за главного.

— Имеем трех пришельцев, — сказал первый архробот. — Не знаем их местопребывания. Полагаю, что их следует найти и оприходовать.

— В каком это смысле — оприходовать? — спросил Арх.

— Определить их класс, семейство и вид, имена и занятия. Описать и сфотографировать, — ответил робот.

— У каждого свои методы, — сказал Арх. — Но в принципе правильно. Кто знает, куда они ушли?

Никто этого не знал.

— Вопрос второй, — продолжала Алиса. — Как нам помочь Ричарду и вызволить его оттуда?

— Совершенно ясно, — ответил Арх. — Громозека привезет специалиста из Москвы, и тот

спасет Ричарда. Когда же любители лезут управлять машинами, в которых ничего не понимают, это приводит к неприятностям.

Конечно же, робот был совершенно прав, но остальные с ним не согласились. Труднее всего сидеть и ждать, пока приедут взрослые и все наладят.

— Скажите, — спросила одна из сестричек Рабэн, — а кто были эти дяди и тетя, которые вылезли из серебряной башенки?

— Это умный вопрос, — сказал Арх. — Я думаю, что это были пришельцы.

— А зачем они убежали?

На этот вопрос никто не смог ответить.

Все думали. Неожиданно заговорил один из археологических роботов, имени которого Алиса не знала.

— Нет, — сказал он. — Это вовсе не пришельцы. Кто угодно, только не пришельцы.

— Почему ты так думаешь? — спросил Арх.

— Потому что я знаю о пришельцах больше, чем все вы.

— Откуда? — удивилась Алиса.

— По той простой причине, что я художник, — ответил робот. — Я фотографирую и зарисовываю все вещи, которые находят на раскопках. И я зарисовал то, что осталось от лагеря инопланетян.

— Ну говори, говори, — прервал его Арх, который теперь, когда Громозеки не было, считал себя самым главным. — Не тяни!

— Это что такое? — спросил художник, показывая фотографию круглого углубления в камне диаметром в полметра.

— Не знаю, — сказала Алиса.

— А это? — Он показал фотографию еще одного круглого углубления с отверстием в центре. На этот раз маленького, чуть побольше чашки.

— Не знаю, — признался Арх.

— А я знаю! — закричала девочка Рабэн.

— Нет, это я знаю! — перебила ее сестренка.

— Ну, говорите, — улыбнулась Алиса.

— Это горшочек! — хором сказали девочки и страшно смущались.

— Какой горшочек? — не поняла Алиса, которая давно уже вышла из того возраста, когда детям требуется горшочек.

— Ночной, ясно какой! — ответил за девочек робот-художник. — Я то же самое вычислил. А большое углубление — это постель.

— Значит, они туда голову свешивали? — спросила Алиса.

— Нет же! Они туда целиком помещались! — ответил художник.

— Значит, купец, рыцарь и женщина... вовсе не пришельцы? — догадалась Алиса.

— Вот именно! — сказал робот-художник.

— А где же пришельцы?

— Надо поймать одного из... этих и спросить: где же пришельцы? — предложил Арх.

Какими же они были — совсем маленькими? Карликами? А кто же тогда эти купец, рыцарь и дама? Привидения? Куклы? Нет, Алиса дотрагивалась до купца — он был горячим. Да и в обморок куклы не падают.

Алисе не пришлось долго ломать голову, потому что робот-художник громко сказал:

— К нам гости!

И в самом деле, уже известный Алисе купец подошел к кабине и попытался отыскать вход. Но так как кабину отключили, даже Алисе трудно было бы догадаться, где в ней дверь.

— Как хорошо! — воскликнула Алиса, вскакивая из-за стола. — А мы как раз о вас говорили.

Купец не услышал ее слов или сделал вид, что

не услышал. Он продолжал шарить грязными руками по блестящей стене кабинки.

— Ничего не получится, — сказала Алиса, подходя ближе, — кабина отключена.

Наконец-то купец соблаговолил обернуться к Алисе. Он был очень сердит. И высказал свое недовольство на непонятном языке.

— Простите, к сожалению, я вас не понимаю, — сказала Алиса. — Но если вы умеете говорить по-русски, по-английски, по-китайски, по-немецки, по-французски, по-польски или на галактическом языке космолингве, я буду рада с вами побеседовать.

Купец задумался, словно прислушивался.

Он стоял перед Алисой, прижавшись спиной к кабине и дотрагиваясь до нее пальцами правой руки, словно боялся, что она улетучится.

Алиса услышала шуршание материи — к кабине быстрыми шагами подходила черноволосая дама, которая недавно падала в обморок.

Дама остановилась возле кабинки и спросила купца на старофранцузском языке:

— В чем дело? Почему ты здесь, торговец Филипп?

— Дверь закрыта, ваша светлость, — ответил купец.

— Так откройте ее.

— Я не могу, ваша светлость.

— Тогда прикажите этим людям, — женщина показала тонким пальцем на Алису, — открыть дверь.

С каждой минутой Алиса все лучше понимала речь этих людей. Не все слова, не все выражения — но понимала. Потому что люди говорили на старофранцузском языке. А Алиса знала современный французский язык как родной.

— Дитя мое, — обратился купец к Алисе, — открой эту дверь. Нам надо уйти.

— А кто вы такие? — спросила Алиса.

— Это тебя не касается, девочка! — ответила знатная дама. — Делай, как тебе велят!

— И не подумаю, — сказала Алиса. — Это не ваши средневековые времена!

Сейчас придет еще и рыцарь — нам только его не хватало, подумала Алиса. Скорей бы Громозека возвращался. Но явно пройдет еще часа два-три, прежде чем ее друг появится с подмогой.

Алиса оглянулась — вот и рыцарь! Молодой воин шел, склонившись под тяжестью большого мешка. Он подтащил его к кабине, сбросил на землю и вытер пот краем не очень белого плаща. Удивительно, что он не умер от жары в железной рубахе до колен, в кольчужных сапогах и чулках.

— В чем дело? — спросил рыцарь у своих спутников. — Почему вы задерживаетесь?

— Эти люди непускают нас, — ответил купец.

— Кто? — Рыцарь посмотрел сверху на Алису. — Эти ничтожные рабы?

Его слова возмутили робота Арха.

— Как вы сказали? — воскликнул он неприятным сварливым голосом, уперев в круглые бока длинные членистые конечности. — Кто здесь раб? Кто здесь ничтожный? А ну, повторите!

— Сейчас повторю, — сказал рыцарь и вытащил из ножен длинный меч.

Девочки Рабэн хором завизжали, но не убежали.

Алиса отметила про себя, что робот Арх уже неплохо освоился в старофранцузском языке. Что же касается смелости — разве робот может быть трусливым? Для него нет боли и даже нет смерти. Его всегда можно починить.

— Давай-давай. — Робот подъехал к рыцарю поближе. — Интересно, как ты будешь доказывать свое превосходство! Кстати, я должен тебе напомнить одну поговорку, которую в твоё время еще не придумали: сила есть — ума не надо. Ты меня понял, мальчишка?

Алиса поняла: робот нарочно дразнит рыцаря. С какой-то целью. А так как Алиса привыкла за свою жизнь, что роботы чаще всего умнее многих людей, не говоря уж о средневековых рыцарях, она отошла на два шага и не вмешивалась в оживленную беседу.

— Тогда обнажай свое оружие, неизвестный железный рыцарь! — воскликнул молодой человек. — И защищайся!

Меч сверкнул в воздухе — молодой рыцарь занес его над головой.

Маленький робот стоял неподвижно, лишь в нашлепке — его голове — поблескивали рецепторы.

— Ух! — воскликнул рыцарь и с силой опустил меч на круглого робота.

Видно, удар был настолько силен, что робот даже присел — металлические ноги его разъехались. Но он тут же собрался с духом и воскликнул:

— Ха-ха! Что-то не вижу я силы в этом рыцаре!

Положение рыцаря никуда не годилось, потому что от удара его меч разломился, конец отлетел метров за пятьдесят, и рыцарь, держа в руке обломок меча, смотрел на него с таким страданием в глазах, что Алисе стало его жалко, несмотря на то, что он сам во всем был виноват.

— О Господи, чем я тебя прогневил! — Голос рыцаря дрожал от слез. — Этот меч я заслужил в бою, у меня больше нет ни денег, ни сил добыть

себе новый! Лучше дай мне погибнуть, чем пережить такой позор. Я не могу потерпеть поражение от ничтожного железного карлика.

Интересно, подумала Алиса, как странно устроены средневековые люди! Они спокойно относятся к такому чуду, как железный робот, и даже согласны с ним сражаться: для них мир полон чудес, привидений, драконов — и нет ничего такого, во что бы рыцарь не поверил. Но вот постараитесь научить его пользоваться телефоном или смотреть телевизор — он умрет от удивления. Впрочем, может быть, я не права?

Алиса была не права. Как она вскоре убедилась, средневековые люди, словно маленькие дети, попросту не замечали, в упор не видели того, что не вписывалось в их сознание. Телефона не бывает — значит, мы телефона не видим...

Немолодая, но стройная черноволосая дама подошла к рыцарю и положила тонкую руку ему на плечо.

— Не печалься, рыцарь Солсбери, — произнесла она. — Твой меч был погублен страшным волшебством. И наши славные покровители обязательно вознаградят тебя за верность, за то, что ты пострадал, охраняя их честь.

— О прекрасная графиня Констанца! — возопил молодой рыцарь. — Ты хороша, как само утреннее солнце. Я хотел бы провести остаток своих дней у твоих ног, чтобы защищать тебя от насильников, драконов и сарацинов.

— Прости, Годфри, — трезво заметила дама. — Я не могу взять тебя в свои рыцари, потому что у тебя сломан меч. Но я надеюсь, что наши друзья его починят.

Ничего не произошло.

— Ну! — Дама вовсе рассердилась.

*Меч сверкнул в воздухе —
молодой рыцарь занес его над головой.*

Она ударила себя кулачком по правому плечу.

Алиса давно уже обратила внимание на то, что правое плечо у дамы было чуть-чуть выше левого.

Раздался отвратительный писк, и из-под пластины высунулась совершенно плоская змеиная голова розового цвета. Алиса от неожиданности отскочила метра на три. Даже отважный робот на всякий случай отступил назад.

— Как ты смеешь меня бить! — крикнула змеиная голова на старофранцузском языке и начала надуваться, округляясь и сверкая черными глазками. Вслед за головой из-под пластины вылезли остальные части тела розовой ящерицы, настолько плоской, будто она была резиновой, надувной, и из нее был выпущен воздух. По мере того как ящерица вылезала на плечо дамы, она надувалась, и через минуту на плече у дамы сидела крупная ящерица, покрытая густыми короткими перьями розового цвета. Словно шкурку ящерица получила по наследству от розовой птицы фламинго.

Как будто подчиняясь сигналу, из-под одежды рыцаря и купца также вылезли плоские ящерицы и тоже раздулись иожили. Никто из «носителей» ящериц этому не удивился. Можно было бы предположить, что эти люди околдованы, загипнотизированы, порабощены ящерицами и служат им верными немыми рабами. Но не тут-то было. По тому, как люди вели себя с ящерицами, ясно было, что все не так просто.

— Ну вот! — первым нарушил молчание робот-художник. — Я же говорил вам, что постель приспособлена для мелких тварей!

— И горшочек! Ночной горшочек! — хором закричали девочки Рабэн. — Мы первыми догадались!

— О чём они говорят? — спросила ящерица, сидевшая на плече графини.

— Наверное, о вас, — ответила та.

— Правильно, — вмешалась в разговор Алиса. — Мы раскопали ваше жилище и обнаружили, что пришельцы уступали людям размерами. Поэтому мы так удивились, когда увидели людей, вылезающих из кабины. А теперь мы догадались, что вы ездите на людях как наездники.

— Мы их возим добровольно! — возразил купец.

— Но почему? — поразилась Алиса.

— А потому, — ответила ящерица, которая сидела на плече у графини, — что на Земле все для нас слишком велико. Приходится использовать людей, чтобы они нас на себе носили и нам служили.

— Осторожнее, — возмутилась графиня. — Без этих речей! Мне не нравится, когда всякая ящерица воображает себя равной графине де Шатильон!

— Помирились, помирились! — прикрикнула на спорщиков ящерица, сидевшая на плече рыцаря. — Мы должны быть едины перед лицом общего врага.

— Общий враг — это я? — спросил робот Арх.

— Общий враг — это все, — сказала ящерица. — Кроме тех, кто с нами дружит или нам подчиняется.

— Может, мы не будем ссориться? — произнесла третья ящерица. — Вы нас отпустите обратно, а мы не будем вас обижать.

— Мы вас сюда не приглашали, — напомнил робот Арх.

— А зачем он мой меч сломал? Я его в бою добыл! — плаксивым голосом произнес рыцарь Солсбери. — Где я найду новый меч?

— В бою! Только в бою! — сказала ящерица, которая сидела у него на плече.

— Ах так! — взревел рыцарь и попытался сбросить ящерицу с плеча.

Но та крепко вцепилась когтями в кольчугу, и у рыцаря ничего не получилось. Только розовые перья летели во все стороны.

— Прекрати, бездельник! — закричала ящерица, сидевшая на плече у купца.

У нее в лапке Алиса увидела трубочку бластера, точно такую, как та, что показывал Громозека. Ящерица прицелилась в рыцаря, чем испугала его ящерицу.

Та заверещала на своем языке, и ящерица купца опустила лапку с бластером.

Рыцарю тоже надоело воевать со своим наездником, он успокоился, поднял из пыли конец меча и попытался приставить его к рукояти.

Постепенно все успокоились, и на площадке воцарился мир.

— Вы нас намерены отпустить? — спросила одна из ящериц. — Или мы вынуждены будем принять меры?

— От того, что вы примете меры, кабина не откроется, — заявил робот Арх. — Лучше поговорить.

— Нам не о чем с вами говорить, — отрезала ящерица.

— Наоборот, — поддержала робота Алиса. — Чем больше вы нам расскажете, тем больше у вас шансов возвратиться к своим товарищам. Я предлагаю уйти в тень, под навес, здесь очень жарко. Там мы поговорим обо всем.

— Еще чего не хватало! — крикнула ящерица, но она оказалась в меньшинстве.

Все остальные, словно ждали сигнала, потянулись в тень. Сестрички Рабэн схватили большой

— В бою! Только в бою! — сказала ящерица,
которая сидела у него на плече.

термос и побежали к себе домой, чтобы принести холодного лимонада.

— Рассказывайте, — попросила Алиса ящериц.

— О чём? — вопросом на вопрос ответила ящерица с плеча графини.

Алиса еще не понимала, кто из ящериц главное. Впрочем, важнее было, чтобы ящерицы разговаривали. Лучше разговаривать, чем воевать.

— Обо всем рассказывайте, — сказала Алиса. — О том, откуда вы, зачем к нам прилетели, куда вы дели нашего друга Ричарда и что вам от нас нужно.

Ящерицы начали переговариваться на своем языке. Люди из средневековья отдыхали в тени, разглядывая издали палатки археологов.

— Нас называют космическими бродягами, — сказала первая ящерица, легко и грациозно скользнула с плеча графини Констанцы на стол и принялась расхаживать, подняв хвост. Она была длиной в Алисину руку и могла, если нужно, подниматься на задние лапы.

Оказались эти ящерицы такими гибкими, упругими и твердыми, что Алисе было трудно поверить в то, что они могли выпускать из себя воздух и становиться совершенно плоскими, не толще сантиметра, что удобно для маскировки.

— Нас неверно называть бродягами, — продолжала ящерица на старофранцузском языке. Видно, она думала, что на Земле все понимают этот язык. — У нас есть своя планета, о которой нельзя знать простым смертным, потому что тогда до нас доберутся враги...

Вторая ящерица спрыгнула с плеча купца и, расхаживая рядом со своей товаркой, продолжила ее речь:

— Мы типичный пример гонимых и несчастных жертв вражеской агрессии. Вынужденные

сопротивляться ради спасения наших детей и культурных ценностей, мы посылаем корабли в разные концы Галактики в поисках сырья и различных товаров, которые необходимы, чтобы мы могли продолжать военные усилия. Таким образом нам удалось посетить вашу так называемую Землю и найти среди ее обитателей существа, которые разделяют нашу точку зрения на борьбу за свободу и независимость нашей родины!

— Вот именно! — Третья ящерица также спрыгнула на стол.

Она чуть прихрамывала, и Алиса увидела, что вместо одной из лапок у ящерицы протез. Все ящерицы были без одежды, если не считать ремней с прикрепленными к ним бластерами. Ремень третьей ящерицы был снабжен нескользкими карманами.

— Мы прилетели сюда с мирными намерениями, — заявила хромая ящерица. — Нам не нужны ваши территории, ваш воздух и ваши люди. Нам нужен уран, нам нужно золото, кадмий, алмазы. Простые вещи. За которые мы готовы платить всем, что есть в нашем распоряжении. Мы отыскали милейших людей, которые готовы нам во всем помочь. А мы тоже помогаем этим людям, как можем.

— Да, видит Господь, что это именно так, — произнес купец.

Ящерицы замолкли и стали в ряд перед Алисой, опираясь на хвосты и сложив на розовых животиках белые лапки. Это были очень красивые ящерицы, но Алиса им совершенно не верила. Вроде бы все в порядке, тебе рассказывают интересную историю — почему бы не верить? А вот ты не веришь, и все тут!

— Значит, вы торговцы? — спросил робот Арх.

— В широком смысле этого слова вы правы, — сказала первая ящерица.

— А чем вы сами торгуете? Что вы привезли?

В стане ящериц произошла маленькая заминка — они поворачивали головы, как бы передавая друг дружке право отвечать на этот вопрос. Наконец третья, хромая ящерица сказала:

— Я буду искрена с вами: мы торгуем услугами. Мы даем услуги, а берем товары.

— Что это значит? — спросила Алиса. — Какие еще услуги? Разве вы рубите лес, моете полы, варите суп?

— Ха-ха-ха! — рассмеялись ящерицы. — Зачем нам варить суп, если мы всесильные, могучие, мы очень полезные друзья.

— Именно так! — подтвердила графиня Констанца.

— И какая от вас польза? — спросила Алиса.

— Пускай наши друзья сами расскажут, — сказала хромая ящерица. — А то приходят тут всякие, сомневаются, думают, что мы какие-нибудь космические разбойники.

— Давай я скажу, — начал купец. — Кто вперед меня на своем круглом кораблике полетит, поглядит, что на рынке в Багдаде сегодня нужно, а чего никто не покупает?

— Я полечу, — сказала хромая ящерица.

— Ты мой коршун, — кивнул купец и погладил ящерицу. — А кто конкуренту в чай снотворного зелья подсыпает, чтобы тот проспал открытие базара и товары свои не вынес?

— Для друга — всегда готова! — откликнулась ящерица. — Да что снотворного, если скажешь, я и смертельного яда подсыплю.

— И мне для тебя ничего не жалко, — сказал купец. — Если нужно для тебя купить киноварь

или бирюзу, привезти алмазы или сапфиры — я готов. Это я называю дружбой.

— Ясно, — вздохнула Алиса.

Она уже догадывалась о том, что ей скажут другие средневековые люди. Они, конечно же, попали в рабство к космическим ящерицам, но об этом не догадываются и никогда не догадаются, потому что хитрые ящерицы обставили рабство как дружеский союз. Попробовал бы купец отказаться служить ящерицам и привозить то, что им нужно, — и для него бы нашелся яд.

— А я называю мою ящерицу феей, — сладким голосом сказала графиня Констанца. — Такая она у меня ласковая, милая, добрая. Если мне нужны шелка и атлас, ковры и ожерелья, стоит мне только глазом моргнуть — все у меня будет.

— А для твоего мужа — оружие и кольчуги, — добавила ящерица.

— Разумеется! Он же настоящий отважный рыцарь! Он должен воевать.

— Еще бы! — сказал тут молодой рыцарь Солсбери. И Алисе показалось, что в голосе его звучит недовольство. — Напасть на мирный караван, нарушить перемирие, захватить и ограбить женщин и детей — это замечательное занятие для вашего супруга!

— Не смейте так говорить! — Графиня Констанца даже покраснела от гнева. — Мой муж Рено напал на неверных! А с ними не может быть мира.

— Я не согласен с вами, благородная графиня, — возразил купец. — Для нас, торговых людей, очень важно, чтобы никто не нарушал перемирия. Сегодня мы нападаем на сарацинский караван, а завтра они нападут на наш. Кто же тогда повезет вам ковры и драгоценности?

— Мои феи привезут. — Графиня погладила

ящерицу, которая опять взобралась к ней на плечо и прижалась к ее шее. — Ты привезешь мне драгоценностей, моя крошка?

— Разумеется, графиня, — подтвердила ящерица.

— Тогда приказывай нападать на караваны, сколько тебе хочется.

— Это нам, торговцам, не по душе, — мрачно сказал купец. — Твой муж, графиня, напал на мирный караван, который принадлежал сестре султана Саладина, потому что в нем везли в Египет ляпис-лазурь и рубины, которые были нужны твоим друзьям-феям. Он ограбил караван, не подумав, что подпортил торговлю всем остальным.

— Да, нам нужны рубины! — закричала ящерица графини. — А ты молчи, мужлан немытый!

— Да я тебя! — Купец рванулся к ней, но тут Алиса увидела, как ящерица, опять уже сидевшая у него на шее, вцепилась в нее мелкими зубками. — Ай-ай-ай! — закричал купец. — Больно!

— Еще не так больно будет, мерзавец, если посмеешь поднять против нас голос! — пригрозила ящерица, сидевшая на плече графини.

— Вот именно, — сказал молодой рыцарь Солсбери. — Мы все друзья, но должны помнить свое место. Наши друзья дракончики помогают нам отыскивать пути в пустыне, находить рабов, строить крепости. Но мы с ними не спорим...

Алиса увидела, что молодой храмовник усмехнулся. Хотя невесело. Видно, дружба с ящерицами не всегда его радовала.

— Мне все ясно! — громко заявил круглый робот Арх. — А теперь признавайтесь, куда вы дели нашего друга Ричарда?

Почему-то никто не захотел ответить на такой простой вопрос.

Графиня сорвала сухую травинку и принялась ее грызть, рыцарь стал вглядываться вдаль, а купец пересчитывал монеты в кошельке, прикрепленном к поясу.

— Нет, вы не молчите! — встревожилась Алиса. — Вы говорите правду! Вы ничего не сделали плохого?

— А если сделали, — заявил Арх, — то живыми вы отсюда не выйдете!

Но и на эти слова никто не ответил.

Алиса всерьез встревожилась. Арх приказал остальным археологическим роботам:

— Взять их!

Видно, ящерицы были уверены в своей безнаказанности и не ожидали нападения со стороны таких неуклюжих машинок. Не прошло и пяти секунд, как все три ящерицы болтались в длинных металлических руках роботов — те держали их за розовые хвосты.

Свободными руками роботы отобрали у ящериц бластеры.

Алиса думала, что сейчас средневековые люди, такие близкие друзья ящериц, кинутся им на помощь, и была даже готова к этому нападению. Но люди и с места не двинулись. Глядели, как их друзья болтаются под ветром, и делали вид, что ничего особенного не случилось.

— Говорите, — приказала Алиса, подходя к первой ящерице.

— А что вам сказать?

— Быстрее!

— Конечно, конечно... Ваш друг Ричард появился у нас, и мы сразу догадались, что он из другого места. Вернее всего, шпион.

Ящерице было трудно говорить, вися вниз

головой, и Алиса велела роботу поставить ее на стол, но не отпускать.

— Мы стали спрашивать, для кого он шпионит, а он молчит и что-то приборчиками проверяет...

— Мы хотели дружить! — закричала вторая ящерица. — Только дружить.

— А Ричард, значит, не хотел дружить? — строго спросил робот Арх.

— То есть, с одной стороны, он хотел, а с другой стороны, совсем не хотел, — пропищала ящерица. — А мы ему говорим: как тебе не стыдно так плохо с нами дружить!

— Чего уж там, — заявил вдруг купец. — Стали они его пытать.

— Пытать? Ричарда? — У Алисы даже голос сорвался. — И вы говорите, что вы не пираты и не разбойники?

— Мы культурные путешественники, — заявила одна из ящериц. — Если с нами тоже говорят культурно, мы никогда не делаем больно. Но если с нами разговаривают грубо...

— Тогда мы делаем больно! — закричала вторая ящерица.

— А ваш Ричард оказался совершенно некультурным.

Тут снова в разговор вмешался купец:

— Они его били, колотили, током мучили, но скоро поняли, что ничего поделать не смогут.

— И что же тогда? — со страхом спросила Алиса.

— А тогда вышел вперед мой дорогой муженек, — сладко улыбнулась графиня Констанца, — и сказал: «Так у вас дело не пойдет. У меня есть план. Через пять минут ваш пленник заговорит как миленький».

— И он заговорил как миленький, — сказал

купец. — Потому что нет на свете большего мерзавца и жестокого изверга, чем граф Райнольд де Шатильон, которого обычно называют графом Рено.

— Еще бы не стать жестоким, — возразила графиня Констанца, — если эти проклятые арабы держали его в плена шестнадцать лет. Я чуть не поседела за годы без мужа.

— Но пожалела денежек на его выкуп, — заметил злоязычный купец.

— Так что же придумал ваш граф? — спросила Алиса. Она спешила, нельзя было терять ни минуты — может быть, от них зависит спасение Ричарда.

Графиня не захотела рассказывать дальше. Рыцарь Солсбери тоже молчал. Пришлось снова говорить купцу:

— Помните, вам говорили, что граф Рено захватил мирный арабский караван и нарушил этим перемирие?

Алиса кивнула.

— В том караване была девочка. Совсем еще маленькая. И он приказал ее привести.

— Ну ладно, ладно, — сказала графиня. — Рассказал, и дело с концом. Дальше неинтересно.

— Еще как интересно, — не согласился с ней купец. — Они притащили девочку и говорят: если ты сейчас нам все не расскажешь, мы будем девочку мучить!

— Ой! Не может быть! — воскликнула Алиса.

— А чего такого, чего такого? — закричала одна из ящериц. — Нам нужна была информация, а ваш Ричард пожалел ее нам отдать. Пришлось нам искать новые пути. Мы же умные. Вот и нашли.

— Вы с графом негодяи! — сказал Арх. — Мне

жаль, что я робот и не имею права причинять людям вред. А то бы я оторвал вам всем головы.

— Попрошу без этого! — возмутилась графиня. — Живете через тысячу лет после нас, а сами куда хуже нас воспитаны! Угрожаете беззащитной женщине.

Тут уж даже роботу Арху ничего не оставалось, как развести руками.

— Продолжайте, — сказала Алиса, глядя на графиню.

Та чувствовала себя неловко, но продолжала рассказ:

— Этую паршивую сарацинку привели, привязали к столбу, и мой дорогой муженек Рено сказал: «Не расскажешь, зачем приехал, вышибу дух из этой паршивки. Будешь врать — сам посмотришь, что будет дальше».

— И что Ричард? — спросила Алиса.

— А твой Ричард сдуру начал кричать, что он не позволит, что так нельзя с детьми обращаться, что мы за это дорого заплатим! Известные штучки. Слышали мы такое.

Купец и рыцарь ордена тамплиеров стали кивать, подтверждая слова графини.

— Тогда моему муженьку пришлось врезать девчонке по носу. Кровь ручьем, вопль — до самого Иерусалима слышно! Эти местные дети такие невоспитанные! Она мне чуть на платье не попала кровью — хорошо, я успела отскочить.

И графиня снова заливисто рассмеялась.

Алиса еле сдерживалась, чтобы не кинуться на эту феодальную негодяйку. А графиня словно и не замечала ее состояния.

— Тут твой Ричард, должна сказать, показал себя совершенным сопляком. Ну какой настоящий рыцарь и мужчина будет переживать из-за сарацинки? — продолжала графиня. — А Ричард

закричал, что признается во всем. И признался, что прилетел к нам из будущего. Что у него есть машина, которая позволяет человеку летать из века в век.

— Мы внимательно следили за твоим другом, — пропищала ящерица. — Ричард попытался умолчать, как пользоваться машиной, но тут...

— Нет, я сама скажу, сама! — закричала графиня. — Я хочу сама!

— Ну что ж, говори, графиня, — согласилась ящерица.

— Я вцепилась ноготками в щеку девчонки, — графиня побледнела от сладкого воспоминания, — и расцарапала ее, как пантера!

— Вы больная, — сказала Алиса. — Вы больная, злобная садистка. Вас надо лечить.

— Правильно. — Графиня вовсе не обиделась. — Меня надо лечить от доброты. Я слишком добренькая для Палестины, где так жарко и такие жестокие сарацины. Скоро мы пойдем на них в большой поход, и тогда никто не останется в живых!

Алисе было жалко и Ричарда, и неизвестную девочку. Но как их освободить?

Наступило тяжелое молчание.

Не только Алисе и роботам было противно смотреть на эту графиню, но даже купец и рыцарь Солсбери глядели в землю.

А хромая ящерица сказала:

— Нам очень трудно разговаривать с вами, если нас держат за хвосты, как селедок. Теперь вы все знаете, так что можно нас отпустить. Мы никуда не убежим.

Археологические роботы отпустили ящериц, те взобрались на плечи своих средневековых спутников и обернулись вокруг их шей, словно розовые шарфы.

— Вы их всегда так носите? — спросила Алиса.

— Так удобнее, — коротко ответил рыцарь. — Мой друг дракончик всегда может подсказать мне или посоветовать, что делать.

— И вы его слушаетесь?

— Разумеется, — твердо произнес рыцарь. — Нам так выгоднее.

Ящерица, которая лежала у него на плечах, подняла лапку, легонько ударила рыцаря по щеке, и тот послушно замолчал.

— Мне тоже хотелось с вами поговорить, — сказала ящерица Алисе. — Как я вижу, нам куда выгоднее иметь дело с вами, чем с вашими предками. Надо будет обсудить условия договора. Мы хотим, чтобы вы так же дружили с нами, как вот эти.

И ящерица потрепала лапкой рыцаря по уху.

— Сначала пускай возвратится Ричард, — сказала Алиса.

— Чтобы он возвратился, — ответила ящерица, — нам надо вернуться домой, рассказать о нашей с вами встрече и принять решение.

— Мы не отпустим вас, пока не возвратится Ричард! — заявил робот.

— Только попробуйте! — рассмеялась ящерица.

— Если кто-то из нас не вернется вовремя, вашего Ричарда замучают и разрежут на куски. А вы даже его тела никогда не найдете.

Рыцарь Солсбери поднял с земли туго набитый мешок и шагнул к кабине.

— А это еще что? — спросила Алиса.

— Это образцы товаров, которые я нашел вон там...

И он показал назад, на белые домики поселка.

— Обокрал кого-то в поселке? — поинтересовался робот Арх.

— Рыцари-храмовники никогда ничего не крадут! — гордо произнес Солсбери. — Я с ними поменялся.

— Надеюсь, вы никому не нанесли вреда? — строго проговорила Алиса.

— Мы совершенно безвредные, — ответила ящерица за своего рыцаря.

— И на том спасибо. — Алиса глядела, как незваные гости уходят к машине времени. — Скажите Ричарду, что мы ждем и беспокоимся.

— Предупреждаю, — сказал робот Арх, — ни один волос не должен упасть с головы Ричарда Темпеста. Иначе вы будете иметь дело со мной, Архом непобедимым.

— Ладно, не пугай, — ответила ящерица с плеча графини.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Наконец последний из пришельцев исчез в кабине.

Алиса и роботы стояли у входа в нее, все еще не в силах прийти в себя. И хоть это была далеко не первая встреча Алисы с пришельцами, она оказалась самой необычной.

— Хорошо, что мы не стали с ними ссориться, — сказала Алиса. — Вот все и кончилось.

— Сомневаюсь, — ответил робот Арх. — Ты забыла, что они сделали с сарацинской девочкой. Кстати, что такое — сарацинская девочка? Это национальность или специальность?

— Сарацинская — значит, мусульманская девочка: арабская, египетская, персидская. Для крестоносцев все жители этих мест делились на сарацинов, евреев и франков. Франками называли европейцев.

— Это важно запомнить, — произнес робот

Арх, который любил повторять, что он уже умнее многих людей, а скоро будет умнее всех.

Стало жарко. Откуда-то прилетела пчела и кружилась над Алисой. Поднимая пыль, прибирали близняшки Рабэн.

— А где дядя рыцарь? — воскликнула одна из них.

— Зачем тебе дядя рыцарь? — спросил робот Арх.

— У нас такое интересное событие! — сообщила вторая девочка. — Мы ему хотим рассказать.

— Тогда расскажите мне, — посоветовала Алиса.

— Нас обокрали! — хором заявили девочки.

Они, видно, думали, что Алиса страшно удивится, но она вовсе не удивилась, потому что догадывалась об этом раньше.

— И много всего украли? — спросила Алиса.

— Кофемолку! — сказала одна из девочек.

— Когда мама придет с работы, она, наверно, огорчится.

— Еще бы, — согласился Арх. — Ну кому нужна кофемолка?

Алиса поглядывала на кабину — ждала, когда из нее покажется Ричард. Но Ричарда все не было. Одна из девочек перехватила ее взгляд.

— А может быть, дядю Ричарда тоже украли? — спросила она. — Вместе с кофемолкой.

Девочки захихикали, а робот Арх сердито сказал:

— Не вижу в этом ничего смешного.

Прошло уже минут десять, а Ричарда все не было.

— Может, он устал и немного отдыхает? — сказал один из археологических роботов.

— Не надо меня успокаивать! — обиделась Алиса. — Я понимаю, что сделала глупость. Разве

можно было так доверяться этим ползунам? Вся эта компания мне с самого начала не понравилась.

— Вот и надо было сказать об этом вслух! — заявил робот Арх. — А то получается, что ты чувствовала с самого начала, а я ничего не чувствовал, потому что я механическая машина, никому не нужный и презираемый робот, то есть железная банка.

— Не ссорьтесь, дядя и тетя! — сказали девочки Рабэн. — Вы должны дружить.

Для этих малышей робот, похожий на шар с ножками и ручками, и старшая девочка были дядей и тетей. Двойняшки привыкли жить среди разумных машин.

— Еще пять минут! — сказал робот Арх.

— И что тогда? — спросила Алиса.

— Тогда я пойду в это прошлое и покажу им, где раки зимуют.

— Может, подождем, пока приедет Громозека?

— Ты жди, — ответил робот. — А я не могу рисковать. Каждая минута грозит жизни Ричарда. Неужели ты не понимаешь, в руки к каким палачам и обманщикам он угодил? Они же здесь только что уверяли, что они добрые, разумные, гуманные. А на самом деле?

— На самом деле я с тобой совершенно согласна, — сказала Алиса. — Мы с собой бластеры берем?

— Сомневаюсь, — ответил робот, — потому что я думаю, что их там тьма-тьмущая. И всех ты и не перестреляешь.

— Я не хочу никого перестреливать! — воскликнула Алиса.

— Тем более не надо. Мы должны одолеть их умом, сообразительностью и выдержкой. Вот наше оружие!

Алиса кинулась к компьютеру и включила видеофон. Она быстро наговорила ему краткий отчет о том, что случилось, пока Громозеки не было, и сказала, что они с роботом Архом решили спешно отправиться в прошлое — попытаться спасти Ричарда, потому что они опасаются за его жизнь.

После этого Алиса велела оставшимся роботам и сестричкам Рабэн беречь запись и дополнить ее рассказами наблюдениями. Девочки Рабэн тоже обещали все рассказать Громозеке.

Алиса вошла в кабину. Шар на коротких ножках вбежал за ней и прижался к ее ногам. Его голова-нашлепка крутилась у Алисиной груди.

— Поехали! — сказал робот.

Алиса нажала горящую кнопку перелета в 1190 год.

Тут же дверь закрылась, стало темно, голова закружилась, послышался звон, и показалось, что быстро-быстро падаешь с крутой горы. Неизвестно, сколько продолжалось это падение.

Затем свет в кабине зажегся.

И кабина тут же начала растворяться.

И исчезла. На ее месте осталось лишь легкое туманное облачко — для того чтобы путешественники во времени знали, где оставлена дверь в будущее.

Алиса и робот Арх стояли на том же месте Палестины, на котором будут стоять через девятьсот лет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как странно!

Местность почти не изменилась. Только развалины на вершине холма превратились в целый, грозный, с четырьмя башнями могучий каменный

замок. Там, где в наше время была сухая степь, добегавшая до сиреневого шоссе, тянулось уже убранное поле, на котором остались лишь сухие стебли. Вместо шоссе пыльная разбитая дорога вела наверх, к воротам замка. Вдоль дороги медленно брело небольшое стадо овец. За ним шел пастух.

Солнце пекло так же, как и в двадцать первом веке, и ветерок, долетавший от недалекого моря, почти не охлаждал кожу.

— Я ничего не понимаю, — произнесла Алиса.

— Если уж я не понимаю, — сказал робот, — то о тебе и говорить не приходится.

— Может, мы ошиблись временем? — спросила Алиса. — Два-три года могут показаться мелочью для кабины...

— Не говори глупостей, девочка, — оборвал ее робот. — Ты отлично знаешь, что для электроники ошибка в одну минуту уже трагедия. Лучше посмотри под ноги.

Алиса подчинилась роботу и посмотрела под ноги.

И поняла, почему он просил об этом: земля была истоптана, колоски вбиты в пыль — еще недавно здесь ходило много людей.

— Но где все люди? — спросила Алиса.

— Я предлагаю, — сказал робот Арх, — пойти к пастуху и спросить его: куда все ушли? Ведь он же здесь давно. И наверняка видел наших с тобой знакомых.

— Пойдем к пастуху, — согласилась Алиса.

Она не ожидала такого от ящериц. Ну ладно, не хотите освобождать Ричарда, мы этого добьемся и без вашего желания, но куда вы исчезли?

Они поднялись к дороге. Смуглый пастух смотрел на них, опершись о посох.

— Молодой человек! — крикнула Алиса. — Вы меня слышите?

— Ты на каком языке его зовешь? — удивился робот.

— Ой, я забыла! Я по-русски его позвала.

Алиса с роботом подбежали к пастуху. Овцы остановились и пропустили их и тут же снова принялись щипать скудную траву.

— Здравствуй! — произнесла по-арабски Алиса. — Ты здесь никого не видел?

Пастух оказался совсем молодым парнем в длинном сером халате, босиком. Его черные кудри были спутаны и лежали на голове, будто никогда не чесанная и не мытая шапка.

Пастух обратил к Алисе черные глаза. Он ее не боялся. Но ничего не понимал.

Лицо его было знакомо. Откуда? Конечно же, с фотографии, что ей показал Громозека! Но на той фотографии была и она сама. Кто же тогда сделал снимок? И не успела Алиса подумать об этом, как услышала слабый щелчок. Она оглянулась. Розовая тень мелькнула в траве.

— Это какая-то ловушка, — насторожился робот Арх. — Неужели ты не чувствуешь, как они за нами наблюдают?

— Не понимаю, — произнесла Алиса. — Зачем им за нами наблюдать? Мы же не прячемся. В крайнем случае они могут нас перестрелять из бластеров.

— Ну уж на это они не решатся! Громозека от них мокрого места не оставит.

— Во-первых, они незнакомы с Громозекой...

— Их счастье, — ответил робот.

Пастух, который слышал разговор Алисы с роботом, что-то сообразил, потому что стал показывать на замок и быстро говорить, словно предупреждал об опасности.

— Здравствуй! Ты здесь никого не видел?

— Я думаю, что он прав, — сказал робот, хотя Алиса была уверена, что он ничего не понял. — Кроме как в замке им негде спрятаться.

— Не будем терять время даром, — согласилась Алиса, и они побежали вверх по дороге, ведущей к воротам замка.

Замок был обнесен глубоким рвом, но воды в нем не оказалось — на дне лежали острые камни. Подъемный мост был опущен, а решетка, перекрывавшая ворота, приподнята.

У ворот в тени под башней стоял воин в кожаных штанах и кольчужной рубахе, но босой.

— Эй! — сказал он лениво. — Вы кто и куда?

Удивительный мир, подумала Алиса. Ничему они не удивляются, ни на кого глаза не таращат. Как будто эти средневековые люди уже всю Галактику облетели.

— Нам нужна графиня Констанца де Шатильон, — объяснила Алиса. — Как ее найти?

— А вот прямо пройдете, — ответил воин, — справа будет арка, поверните под нее и поднимитесь на второй этаж. Они только что туда пробежали, заседают, наверное.

— Кто — они? — заинтересовалась Алиса.

— Наша госпожа, — ответил воин, — и ее черти розовые.

— Все правильно. Черти розовые! — согласилась Алиса и вошла в замок.

За ней последовал робот Арх.

Внутри замка текла неспешная средневековая жизнь. Над кузницей поднимался черный дым, и слышны были удары молота по металлу, кони волновались, били копытами у коновязи, два поваренка свежевали барана, а какой-то бездельник рыцарь давал им ценные указания. Поджарая собака кружилась вокруг поварят, а за ней бегал

малыш, грязный и голый, — норовил схватить пса за хвост.

Алиса и ее спутник повернули под арку и поднялись на второй этаж.

Никто на них не обратил внимания.

Они оказались в гулком обширном зале, узкие окна которого располагались высоко над головой.

За длинным столом сидели известные уже Алисе средневековые люди, к которым прибавился еще один господин — толстый, плешивый, в вышитом золотом костюме, похожем на детскую распашонку, а его жирные ляжки были обтянуты серыми рейтузами. У толстяка был длинный тоскливыи нос, да и все лицо у него было тоскливым.

Несколько розовых ящериц сидели на столе или бегали по нему.

Центром внимания всех этих господ была куча вещей, лежащая посреди стола рядом с пустым мешком.

Алиса сразу сообразила, что это тот мешок, который таскал молодой рыцарь-храмовник, потому что посреди стола стояла электрическая кофемолка.

— Ого! — сообразил робот. — Они любуются трофеями из нашего века. Вот почему они забыли нас встретить.

Средневековые люди и ящерицы и теперь не обращали на Алису и робота никакого внимания.

Графиня Констанца подняла на руки обыкновенную говорящую куклу одной из сестричек Рабэн и наклонила ее. «Ой, мама, я хочу кушать!» — сказала кукла на языке иврит. И несколько раз хлопнула ресницами.

Графиня Констанца не поняла, но захочотала.

Никто ее не поддержал — купец любовался настольной лампой, рыцарь крутил в руке склад-

ной швейцарский ножик с тридцатью лезвиями, толстяк с длинным носом наслаждался стеклянной пепельницей с замурованной в ней настоящей бразильской бабочкой. Многое было украшено храмовником из дома гидрографов Рабэнов, но были там и предметы из других мест. Например, портативный микроскоп Громозеки и запасные глаза для роботов. Когда они успели все это украсть, Алиса не представляла.

Алиса с роботом подошли к столу поближе.

Тут хромая ящерица на протезе заметила, что в замке гости, и спросила:

— А вы что здесь делаете?

— Мы пришли освободить Ричарда, — произнесла Алиса.

— Какой Ричард! — воскликнула Констанца. — Какой еще Ричард! Вы же видите, мы изучаем трофеи!

— Это не совсем трофеи, — вежливо сказала Алиса. — Это вещи, которые вы у нас украле.

— Женщина, — возразила одна из ящериц, — в нашем языке нет слова «красть». Это глупое слово. Если тебе выгодно, если ты сильный, то ты сам берешь.

— Дельно сказано, — заявил рыцарь с тоскливым носом. — Неплохие парни эти дракончики.

Он обернулся к Алисе.

— А вы откуда будете, прекрасная дама? Из будущего?

— Да. И мне хочется поскорее найти нашего друга.

— Найдем. — Мужчина поднялся со стула. Алиса увидела, что у него странная фигура — маленькая головка с усами, громадный, отвисающий к ногам живот и тонкие ноги, которым трудно удержать этот мешок жира. — Ты мне

нравишься, неизвестная красавица. Я буду за тобой ухаживать.

— Не говори глупостей, мой дорогой супруг, — сказала ядовитым голосом графиня Констанца. — Неужели ты не видишь, что это просто рослый ребенок? Они там в будущем все переростки.

— Как жаль! — сказал толстяк и представился Алисе: — Граф Райнольд де Шатильон к вашим услугам. Владелец замка Крак де Шевалье и будущий король иерусалимский.

— Алиса Селезнева, — ответила Алиса.

— Ведущий специалист по археологии, — представился, выкатившись вперед, робот Арх. — Алиса сопровождает меня в моей поездке сюда.

Алиса хотела было возразить, но потом только улыбнулась.

— Ну сколько же можно спрашивать вас об одном и том же? — воскликнула Алиса. — Где Ричард? И если вы мне не ответите немедленно, то вам придется иметь дело не со мной, а с самим господином Громозекой.

— А господин Громозека шутить не любит, — добавил Арх.

— Это еще что за рыцарь? — спросил граф де Шатильон. — Я его не встречал в Святой земле.

— Не дай Бог вам его встретить! — предупредил Арх.

— Не ссорьтесь, — вмешалась в разговор хромая ящерица. — Мы видим, сколько в вашем будущем есть отличных вещей. Давайте дружить!

— При условии, что вы освободите Ричарда, — сказал робот Арх.

— Мы рады будем его освободить, — ответила ящерица. — Но сейчас он отдыхает в соседнем замке. Как только он отдохнет, мы его вернем.

— Почему я должен вам верить? — строго спросил Арх.

— Да потому, что трофеи, которые наш моло-
дой друг Солсбери принес из вашего времени,
куда ценнее всего, что мы добываем здесь. Нам
выгоднее иметь дело с вами, чем с этими дика-
рями! — Ящерица презрительно махнула лапкой.

— Как так? Как так? — возмутилась графиня
Констанца. — Кто посмел назвать нас дикарями?
Мы же мясо ножом режем, чай из чашек пьем —
не то что некоторые! — И графиня не менее
презрительно показала мизинцем на хромую яще-
рицу.

Но тут другая ящерица взлетела розовой мол-
нией на плечо графине и, приблизив губы к уху
Констанцы, начала быстро шептать, думая, навер-
ное, что ее не слышат. А Алиса, конечно же,
услышала.

— Мы их перехитрим, — шептала ящерица. —
Мы с вами всегда заодно. Если мы их обманем,
вам тоже достанется, вы у меня в золоте будете
купаться.

— Хочу стать королевой Иерусалима! — сказа-
ла Констанца.

— Тишиши! Мы вам гарантируем это.

Констанца хитро улыбнулась, прижимая к
груди украденную в двадцать первом веке детскую
куклу.

— А моего мужа можно отправить на завоева-
ние Индии, — прошептала она, глядя на моло-
дого рыцаря-храмовника.

— И это сделаем, — пообещала ящерица.

Дождавшись, пока разговор с графиней закон-
чится, хромая ящерица сказала:

— Сейчас мы перейдем на наш корабль, там
составим и напечатаем договор между вами и
нами. И будьте уверены, что мы вас не обидим.

Робот Арх толкнул Алису в бок. Но она и без
этого понимала, что ящерицы — великие масте-

— Граф Райнольд де Шатильон к вашим услугам.

рицы всем все обещать. Но ведь если обещаешь всем, то обязательно кого-то обманешь.

— Вы согласны, господа ахрологи? — спросила ящерица у Алисы и робота.

— Мы не ахрологи, а археологи! — обиделся робот.

— Вот именно, — не стала спорить ящерица.

— Первым пунктом будет возвращение Ричарда, — сказала Алиса. — И немедленное!

— Конечно, Ричард, разумеется, Ричард! — согласились ящерицы. — Мы немедленно за ним пошлем.

Но послать они никого не успели, потому что неожиданно встреча была прервана. В дверях показался пропыленный темнолицый рыцарь без шлема. Его щека была окровавлена, синий плащ разорван.

— Ваше сиятельство, граф! — прохрипел он, шатаясь и еле удерживаясь пальцами за косяк двери. — Случилось несчастье.

— Что еще? — Толстый граф де Шатильон вскочил с неожиданной ревностью.

— Саладин!

— Что Саладин? Говори, бездельник!

— Саладин наступает. Он уже разбил наши посты у озера! Вот-вот он будет здесь.

— Что?! — Де Шатильон побледнел как бумага. — Я тебе голову оторву! Почему не предупредили раньше? Чем я буду его останавливать? У меня половина отряда в Аккре! Я помогаю королю Филиппу! О горе! О горе!

— Перестань ныть, дорогой супруг. — Графиня Констанца поднялась со своего места. — С нами наши верные друзья. Они не дадут нас в обиду.

— Правильно! — обрадовался граф. — Это вы

меня соблазнили, вы заставили! Я бы без вашей подсказки никогда перемирия не нарушил!

— К сожалению, в нашем договоре, — сказала хромая ящерица, — нет пункта о нашем участии в ваших войнах, с바рах и стычках. Мы не можем рисковать жизнью или здоровьем хоть одного из нас. А если мы застрелим сто или тысячу сарацинов, они нам отомстят.

— Неужели вы их испугались? — спросил граф.

— Мы никого не боимся, но не хотим лезть в пустую драку.

— Предатели! — завопил граф Рено. — Всех вас перебью! — Он швырнул оловянный кубок с вином в каменную стену. — А потом отрублю голову самому Саладину.

— Пока мой супруг голыми руками воюет с сарацинами, — тихо сказала графиня Констанца, — мы тоже примем меры. У нас есть могущественные друзья, не так ли? — Графиня выразительно посмотрела на ящериц, которые, сблизив острые рыльца, о чем-то шептались.

— Да, — сказала наконец хромая ящерица. — Наступление Саладина — опасность для всех нас. Мы отправим людей за помощью к Старцу Горы.

— Правильно, у него есть ассасины, — проговорила графиня.

— Кто такие ассасины? — спросила Алиса шепотом у робота.

— Убийцы, — ответил тот.

— А я тут же отправляюсь к магистру нашего ордена, — сказал молодой рыцарь Солсбери. — Он находится у Аккры с отрядом рыцарей. Но надеюсь, что наш орден будет вознагражден за помощь?

— Он будет вознагражден, — ответил граф де

Шатильон, — уже тем, что не будет разбит и уничтожен проклятым Саладином!

— Это наше общее дело! — воскликнула хромая ящерица. — Мы должны стоять нерушимой стеной. Или мы вместе, или мы погибнем.

— И не получим богатств, которые сулит нам будущее, — тихо добавил купец.

Все его услышали и склонили головы, соглашаясь с мудростью бывалого человека.

Когда рыцарь Солсбери быстрыми шагами направился к выходу из зала замка, графиня Констанца сказала ему вслед:

— Если вам, Годфри, удастся уговорить английского короля Ричарда Львиное Сердце помочь нам, мы спасены.

— Надежды на это мало, графиня, — ответил рыцарь. — Король Англии не любит Старца Горы...

— И меня! — завершил фразу граф Рено.

Когда рыцарь ушел, графиня сказала, глядя на добро на столе:

— Чтобы Старец Горы быстро помог нам, нужен ценный подарок.

— Ты думаешь, что ему подойдет что-нибудь из этого? — спросил де Шатильон. И он несмело дотронулся до кофемолки.

— Нет, — сказала графиня. — Потребуется нечто более весомое. Нечто подходящее для его старческих вкусов...

— У меня есть идея! — воскликнула розовая ящерица. — Я знаю, что подарить старому него-дяю! У вас в подвале сидит девочка-сарацинка.

— У нее вся мордочка исцарапана и нос распух, — отмахнулась Констанца. — Кому такая уродина нужна?

— Но она все равно очень хороша и принадлежит к благородному сарацинскому роду.

— Мало. Он может не принять дар. И тогда из мстителей мы превратимся в жертв, — сказала Констанца.

— Но что тогда? — Ящерица растерялась.

— Я знаю, — тихо произнес купец. — Мы подарим ему сразу двух девочек.

Он показал грязным пальцем на Алису.

— Нет! — отрезала ящерица. — Нам эта девочка нужна как заложница.

— У вас уже есть заложник! — возразила Констанца. — Нельзя всех людей из будущего держать в заложниках. Хватит! На двух девочек старик обязательно клюнет! Такой подарок! Я бы сама хотела заиметь таких хорошеных маленьких рабынь!

— Может быть, ты и права, моя супруга... — произнес толстый граф де Шатильон. — Старец Горы — самый нужный нам союзник. Нужнее даже, чем дракончики.

— Каждый нужен в свое время, — мудро заметил купец.

— А кто их отвезет? — спросила Констанца. — Мне не следует появляться в крепости Старца, а ты занят подготовкой войска к битве с Саладином.

— Я отвезу, не беспокойтесь, графиня, — предложил купец.

— А мы постараемся, чтобы Старец Горы не отказал в вашей просьбе, — заметила одна из ящериц.

— Тогда пошевеливайтесь, — приказала графиня Констанца. — В путь!

— Надо подготовиться к поездке, — возразил купец. — Выбрать коней, взять с собой воду и провизию на дорогу.

— Какая тут дорога! Два шага, — отмахнулась графиня Констанца.

— Это зависит не от меня, а от ваших слуг, — произнес купец с ласковой улыбкой.

Пожалуй, Алиса даже не смогла бы сказать, кто ей противнее всех. Все были хороши! И худая Констанца с жестокими глазами, и ленивый длинноносый граф де Шатильон, и упругий, крепкий и наглый купец с грязными пальцами и жирными космами.

— А что делать с железным дьяволом, который приехал с девочкой? — спросил купец. — Я бы запер его как следует.

— А вот этого я вам не советую делать! — возразил робот Арх. — Совершенно неизвестно, кто главное всех. Возможно, я и есть то лицо, которое должно вести с вами переговоры.

Алиса еле сдержала улыбку, хоть ей было вовсе не смешно.

— Может быть, и на самом деле этот железный человек — самый главный в будущем? — усомнилась графиня Констанца.

— Вот именно! — закричал маленький робот.

— Нет, — раздался тихий голос ящерицы. — Не слушайте его. Это человеческий слуга. И он старается защитить своих хозяев. Он притворяется, чтобы перехитрить нас. Мы знаем о подобных слугах — они встречаются на различных планетах.

— Не слушайте его! — обиделся Арх. — Я не слуга, я равноправный сотрудник экспедиции.

— И что же вы прикажете с ним делать? — спросила графиня де Шатильон.

— Его следует кинуть в яму! — посоветовала ящерица. — И покрепче запереть. Такие слуги бывают очень сильными. Учтите, что господин Ричард ни в коем случае не должен его видеть. Иначе он догадается, что дело нечисто!

— Я вас всех раскидаю! — закричал робот. — Только посмейте подойти к Алисочке! Вам мало

того, что я сегодня победил в честном бою
рыцаря Солсбери?

Ящерица подняла лапку, давая кому-то сигнал.

И тут же сверху — непонятно, как она была там прикреплена, — упала крепкая толстая сеть, которая накрыла возмущенного робота. По другому знаку ящерицы сеть затянулась тугим мешком и медленно поднялась в воздух.

Когда Алиса попыталась броситься на помощь роботу, на нее накинулись два стражника и заломили ей руки за спину. Другие стражники быстро вытащили из зала опутанного сетью робота.

— А тебе, девочка, я не советую сопротивляться, кричать или драться, — сказала Констанца. — Нас тут много, мы все друзья. Лучше будет, если ты подчинишься и отправишься в гости к добруму дедушке Старцу Горы.

— Но вы же только что обещали освободить Ричарда и хотели с нами дружить!

— Ситуация изменилась, девочка, — ответила графиня. — Всему свое время. Сначала мы победим Саладина, а потом будем дружить.

— Будет поздно, — сказала Алиса.

Констанца щелкнула пальцами, и Алису поволокли к выходу. Ящерицы замерли на столе и поднялись на задние лапки, глядя Алисе вслед.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Алиса не видела ни Ричарда, ни робота — она провела следующий час в каком-то темном закутке, где таились днем летучие мыши, которые возмутились вторжением Алисы и начали бесшумно и быстро летать вокруг, а это было страшновато. На полу валялась солома, Алиса сгребла ее в кучу и уселась на ней. Свет в ее темницу

проникал лишь сквозь какую-то дырку под потолком. Зато было прохладно.

Целый час Алиса рассуждала, хотя, честно говоря, ничего особенного она не придумала. Она надеялась, что Громозека уже привез специалисты из Института Времени, что девочки Рабэн и археологические роботы рассказали им, что Алиса с Архом отправились на спасение Ричарда. И вот-вот должна прийти помочь из двадцать первого века. Но пока она не прибыла, лучше всего потерпеть, раз уж сама виновата в том, что попала в такое положение. Никто не заставлял ее пускаться в путешествие с Архом, не дождавшись, пока вернется Громозека.

Еще Алиса раздумывала о том, что она увидела в прошлом. Конечно же, эти ящерицы, они же дракончики, они же феи — как кому удобнее считать, — грабители и жулики. Но нельзя сказать, что они обратили в рабство или загипнотизировали жителей Земли. По крайней мере их союзники — графская семья де Шатильон, купец, рыцарь-храмовник — дружат с ящерицами, потому что им это кажется выгодным. Они занимаются своими делами, воюют, торгуют, грабят и используют ящериц в своих целях. А ящерицы используют людей в своих целях. Так что все вроде бы квадры.

Но Алиса понимала, что ящерицы в сто раз хитрее средневековых людей и в обмене получают рубль за каждую копейку. Например, подговорили графа Рено мирный караван ограбить, товары себе взяли, а султан Саладин ведет войско мстить не ящерицам, а графу.

Правда, союзники ящериц — тоже угнетатели и грабители. Это же надо придумать: подарить какому-то Старцу Горы двух девочек, в том числе Алису. Как вам это нравится? Если бы Алиса не

была уверена, что ее вот-вот освободят, она была сильно расстроилась, ведь ее еще никогда не дарили как простую вещь, как канарейку или говорящую куклу.

Хорошо бы приехал английский король Ричард Львиное Сердце. Он же благородный рыцарь, не то что этот молодой храмовник. Алиса уже читала роман Вальтера Скотта «Айвенго» и кое-что знала о храмовниках, рыцарях и самом Ричарде.

Хотелось есть. Ведь ей так толком и не удалось поесть сегодня. Приключения начались слишком рано и неожиданно. Хорошо бы Громозека привез с собой бутерброд...

И с этой мыслью Алиса задремала.

Ей показалось, что она проспала всего минуту, но часы показывали, что прошло больше часа. Алиса отлежала руку на каменном, еле покрытом соломой полу.

В камере стояли два стражника — они и разбудили Алису.

Один из них потянул Алису за руку. Пришлось подняться.

Алису вывели во двор замка.

Там уже ждали верховые воины, окружившие крытые носилки, подвешенные между двух коней. К ним и повели Алису.

Алиса решила дать о себе знать, ведь в окнах замка нет стекол и в комнатах каменных башен, окружавших двор, будет слышен ее голос.

— Эй! — закричала она. — Ричард! Арх! Меня увозят к Старцу Горы! Скажите об этом Громозеке.

Стражники потянули Алису к носилкам и попытались закрыть ей рот, но Алисе показалось, что в одной из бойниц башни мелькнуло лицо Ричарда. Но, может быть, она ошиблась?

Алису втолкнули в носилки и захлопнули деревянную дверцу.

Но внутри было достаточно светло — свет проникал сквозь щели.

Алиса поняла, что она не одна. В носилках сидела, прижав к груди колени, еще одна девочка. Черноволосая, худенькая, смуглая. На щеках у нее были глубокие царапины.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. Она сказала эти слова на старофранцузском языке, привыкнув уже, что рыцари и купцы здесь говорят на нем. Но девочка не была француженкой. Алиса уже догадалась, что она — та несчастная пленница графа де Шатильона.

Девочка тихо сказала: «Здравствуйте». У нее был гортанный, птичий голос.

К сожалению, это было единственное слово на французском языке, которое знала девочка. Алиса на арабском языке тоже знала мало слов. Правда, она быстро выучивала новые языки. И для начала она узнала, что ее спутницу зовут Мариам.

Носилки дрогнули, закачались. Стало трудно держаться, чтобы не скатиться друг на дружку. Девочки столкнулись, Мариам заплакала — так ей было больно. Алиса постаралась удержать ее, чтобы девочка не ударялась о стены носилок.

Слышно было, как скрипит, поднимается решетка крепостных ворот, как перекликаются стражники, потом носилки закачались мерно, и вскоре Алиса привыкла к этому движению. Они с Мариам даже стали разговаривать.

Пока их везли по пыльной дороге, Алиса узнала, что Мариам десять лет. Она жила в Дамаске со своей мамой. Они отправились с большим караваном в Египет, где у них жили родственники, но по дороге на караван неожиданно напали воины графа де Шатильона, и это

было нечестно, потому что сейчас между крестоносцами и арабами объявлено перемирие. Поэтому-то и отправился в Египет мирный караван. Но граф де Шатильон не признает благородных правил. Тогда господин султан Саладин прислал графу сердитое письмо, в котором потребовал немедленно освободить пленных и отдать награбленное добро, но де Шатильон ответил, что он уже распорядился добычей, потому что у него много долгов, и никаких переговоров с неверными он вести не намерен.

Султан Саладин хотел наказать наглого графа, но для этого надо было собрать войско, чтобы взять штурмом его замок Крак де Шевалье. Саладин не хотел новой войны, и он послал гонца к английскому королю Ричарду Львиное Сердце. Тот стоял с войском крестоносцев возле города Аккра, и король Ричард ответил, что раз граф де Шатильон поступил нечестно, то Саладин имеет право его наказать. А английский король вмешиваться не станет.

Как Мариам, сидя в подвале замка, смогла выведать все эти подробности, Алиса не знала, но подумала, что, наверное, в замке есть много слуг и рабов, в том числе арабов, которые и рассказали все девочке. Ведь, судя по всему, это была не простая девочка, а такая, из-за которой сам султан Саладин решил наказать наглого графа.

— А где твоя мама? — спросила Алиса.

Девочка заплакала. Она ничего не знала о судьбе своей мамы, но думала, что маму тоже подарили этому отвратительному Старцу Горы. Однако когда Алиса попыталась узнать еще что-нибудь о том Старце, к которому их везут, девочка Мариам начала рыдать и пришлось разговор прекратить, так Мариам боялась этого

человека. А когда Алиса ее успокоила, то оказалось, что они уже приехали.

Дверцы носилок открылись. Алиса выскочила наружу, и стражник сразу поймал ее за руку, чтобы она не убежала. Хотя Алиса и не собиралась пока убегать.

Перед ними возвышалась странная скала, похожая на крутую пирамиду со срезанным верхом.

На вершине — это было видно снизу — прислонилась крепость. Путь к ней шел по узкой тропинке, которая обтекала скалу узкой спиралью.

Подъем к крепости оказался трудным и долгим путешествием, потому что тропинка порой становилась очень крутой и иногда превращалась в лестницу, вырубленную в скале.

Когда они обогнули в первый раз скалу, Алиса удивилась, увидев неподалеку летающую тарелку. Тарелка была так удачно укрыта между обрывами соседних скал, что ее можно было увидеть только сверху. Вокруг тарелки сутились розовые точки, и Алиса догадалась, что именно там находятся посадочная площадка и штаб розовых ящериц.

Чем выше поднимались Алиса и Мариам, тем прохладнее становилось. Здесь уже не было пыли и веял свежий ветерок. В то же время все дальше и дальше открывался вид. Алиса разглядела в отдалении море и холм с замком Крак де Шевалье графа де Шатильона. В другой стороне у самого горизонта виднелся какой-то городок. В море черной полоской с белой ваткой паруса плыл корабль. Над самой головой медленно реял орел.

Какой простор, какой покой — и тут же несчастье, жестокость и смерть! Вот рядом с Алисой стоит девочка, такая слабенькая, беззащитная! Какими же надо быть тупыми извергами, чтобы избивать и мучить ее! И живут ведь, не

*Перед ними возвышалась
странная скала.*

раскаиваются и только говорят: она же другой расы, другой национальности, у нее другая кровь и она верит в другого бога. А эта девочка так надеется, что пройдут годы и на земле исчезнут жестокость и подлость. И она будет жить в мире, где царит справедливость, а зло наказывается. Как в сказке.

Но Алиса учila историю. К сожалению, она знала, что много веков люди будут жить дурно, сильные будут угнетать слабых, жестокие мучить добрых. И в двадцать первом веке Алиса тоже будет встречать нечестных людей. Впрочем, когда она говорила об этом Громозеке, мудрый археолог отвечал: «Если бы все были хорошие, то как бы мы об этом догадались? Не с кем было бы сравнивать».

Вспомнив голос Громозеки, Алиса улыбнулась — скоро, скоро все ее беды кончатся, только бы появился дорогой Громозека!

Наконец они достигли верхней площадки скалы, и, кинув последний взгляд на бесконечную равнину, на голубые горы на горизонте и морскую гладь, Алиса вошла внутрь крепости. Крепость эта куда как уступала замку графа де Шатильона — стены ее были ниже и сложены не так аккуратно, башен вообще не видно, внутри лишь несколько невысоких каменных строений, глядящих открытыми дверями внутрь двора. Половина замка отделена невысокой стеной, в которой лишь маленькая калитка. Оттуда доносились тихая восточная музыка.

Стражники графа передали пленниц и письмо появившимся из одного строения молодым людям в черных халатах и белых повязках, удерживающих длинные волосы. За их поясами торчали рукояти кинжалов.

— Фидаи, — прошептала в страхе Мариам. — Убийцы. Ученники имама.

Несколько минут девочкам пришлось простить под солнцем посреди двора.

Потом из дверей здания чуть побольше других вышел один из фидаев и велел девочкам войти внутрь.

Алиса и Мариам подчинились.

Они прошли через прихожую, на полу которой сидели молодые люди, затем оказались в просторном помещении, вырубленном в скале. Стены и пол его были устланы роскошными коврами, на которых лежали подушки, в дальнем конце комнаты находился мягкий широкий диван. На нем, сложив ноги, сидел нестарый еще человек с длинной черной бородой и в таком же простом черном халате, как у фидаев.

Алиса узнала этого человека. Она видела его на фотографии, откопанной Громозекой. Теперь она знала, кто был фотографом — одна из розовых ящериц. Разумеется, они проникли и сюда.

Освещалась комната ярким солнечным светом, который проникал сквозь широкую дверь, ведущую на балкон. За балконом Алиса увидела лишь синее небо.

— Подойдите ближе, — приказал человек с длинной бородой.

Он курил кальян — Алиса сразу догадалась, когда увидела это сооружение: длинную трубку, сосуд с водой и дымок, поднимающийся над ним. Алиса когда-то видела похожую картинку на иллюстрации к сказкам «Тысячи и одной ночи». Да и вообще вся эта комната была похожа на картинку к такой сказке.

— Так вот, значит, какие у меня новые гости, — сказал чернобородый старик и попытался улыбнуться. Губы у него были такие тонкие и

твёрдые, что улыбнуться ему было невозможно. Но порой он пытался это сделать, и зрелище получалось ужасное, словно улыбался скелет.

Алиса уже научилась понимать арабский язык — ей хватило часового путешествия в обществе Мариам, чтобы узнать достаточно слов для простой беседы.

Старик развернул свиток — письмо от графа де Шатильона — и прочитал вслух:

— «Мой высокий друг, Старец Горы, тайный имам, Повелитель исмаилитов, посылаю тебе с этим письмом двух редких рабынь, которые, наверное, доставят тебе удовольствие. Одна из них, по имени Алиса, будет жить через тысячу лет и может рассказать тебе интересные сказки о том времени. Но будь с ней осторожен, она очень опасна, потому что она хитрая и злобная. Но я думаю, что ты умеешь управляться с дикими кошками».

Старец Горы отвел в сторону руку со свитком и, прищурившись, посмотрел на девочек.

— Я так понимаю, — сказал он, — что Алиса — это та, что выше ростом и белая волосами. Надеюсь, что ты будешь хорошо вести себя у нас. Иначе мне придется тебя наказать. Я бываю очень строгим.

Сказав так, Старец вернулся к чтению:

— «Вторая девочка, к сожалению, плохо себя вела, и мне пришлось ее наказать. Щеки у нее скоро заживут, а во всем остальном она годится в танцовщицы и по хозяйству, а может, и в жены Вашей светлости. Зовут ее Мариам, она хорошего происхождения, и я ее отбил у сарацинов».

Отложив письмо в сторону, Старец Горы спросил у Мариам:

— Правда ли, что ты хорошего происхождения, но плохо себя вела и тебя пришлось наказать?

Но Мариам ничего не смогла ответить — у нее дрожали губы и слезы катились из глаз.

— Это правда! — сказала Алиса. Ей было трудно говорить по-арабски, и она понимала, что говорит не всегда правильно и с акцентом. Но это было не самое главное. — Это правда, что Мариам происходит из знатного семейства, а вот все остальное — наглая ложь!

— Ого! — медленно произнес Старец Горы. — Ты и в самом деле дикая кошка! Мне это даже нравится. Продолжай, продолжай, иноземная девочка.

— Мариам мучили, — сказала Алиса. — Ее терзали жестокие люди. Вы знаете графа Райнольда де Шатильона и его жену Констанцу?

— Это мои друзья, — ответил Старец. — И я не советую сопливой девчонке говорить о них плохо.

— Мне все равно, чьи они друзья, — ответила Алиса. — Я говорю правду. Они сами сознались в жутком преступлении.

— В каком же? — засмеялся Старец Горы.

— Им нужно было получить... Они допрашивали моего друга Ричарда.

— Что? — Старец прямо подпрыгнул на диване. — Им в плен попался английский король? Он твой друг?

Алиса поняла, что может сейчас воспользоваться недоразумением и обмануть Старца. Но ей было противно его обманывать, и Алиса только отмахнулась:

— Нет, это не тот Ричард. Мой Ричард не король, а старший научный сотрудник.

Алиса видела, как испуг исчез с лица черно-

бородого старца. Он снова пытался улыбнуться. Алиса продолжала:

— Они воспользовались тем, что Ричард — благородный человек, и стали при нем пытать беззащитную девочку.

— И он во всем признался? — спросил Старец.

— А что ему оставалось делать? Они избили Мариам.

— Вот молодцы, вот умники! — обрадовался Старец Горы. — Настоящие политики. Надо мне ввести этот обычай у меня в замке! Они мучили девочку, а твой рыцарь во всем признался! Ну и ничтожество же он! Совсем не настоящий воин!

— Нет, он настоящий воин.

— Настоящий воин никогда не смотрит на ничтожных женщин. Он их использует и презирает.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответила Алиса.

— Ладно, — сказал тогда Старец. — Уведите их. Мы ими займемся после битвы. Сейчас нам предстоят серьезные дела.

Алиса и Мариам послушно покинули покой Старца Горы и проследовали за фидаем в небольшой каменный дом без окон, примыкавший к стене.

Алиса осмотрелась. Приходится привыкать, подумала она, я сегодня уже попала во вторую средневековую тюрьму. Даже интересно.

Мариам села на пол. Она раскачивалась. Не то пела, не то стонала.

— Что с тобой? — спросила Алиса.

— Болит, — сказала Мариам. — Щека болит.

— Давай я посмотрю.

Хоть кровь и остановилась, глубокие царапины потемнели и вздулись.

— Им в плен попался английский король?
Он твой друг?

— Тебе надо немедленно к доктору, — сказала Алиса.

— Нет, — ответила Мариам. — Я боюсь доктора. Я хочу найти маму. Мама знает, к какому хакиму я пойду. Она отведет меня.

Алиса решительно подошла к двери и постучала.

Фидай в черном халате приоткрыл дверь.

— Поглядите! — произнесла Алиса. — Поглядите, в каком состоянии эта девочка. Срочно принесите мне чистой воды. Вы меня слышите?

Ничего не ответив, фидай закрыл дверь. Алиса подождала несколько минут и, хоть Мариам просила ее не сердить фидаев, снова постучала в дверь. Правда, ей и самой было страшновато, но она боялась за здоровье и даже жизнь девочки, ведь на такой жаре в пустыне можно получить заражение крови.

На этот раз в ответ на ее стук дверь почти тотчас открылась, и в сопровождении фидая вошел пожилой горбун в синем халате и высокой шапке. Как Алиса поняла — хаким, тамошний доктор. Он заговорил с Мариам вежливо, тихо, а потом послал фидая за водой, а сам достал из своего широкого пояса бутылочки и баночки и занялся ранами девочки. Алиса успокоилась за судьбу Мариам. Она решила, что теперь можно не спешить, ведь наверняка специалисты из Института Времени достигли уже замка графа де Шатильона, скоро они будут здесь.

Хаким разговаривал с Мариам вежливым и мягким голосом. Он спросил у нее, где она родилась, где жила, почему с ней случилась такая беда. А Мариам доверчиво рассказала ему то, что Алиса уже в общих чертах знала:

— Я родилась в великом городе Дамаске и жила в достатке с моей мамой.

— А твой отец?

— Мой отец погиб в боях с франками, — ответила Мариам. — Но это было давно, и я этого не помню.

— И что случилось дальше?

— Моя мама поехала в Египет, где живут ее сестры и дядя, и взяла меня с собой. Мы поехали с большим караваном, и водитель каравана имел золотой пропуск от всех государей. Включая повелителей франков, которые приехали к нам на кораблях и хотят воевать с моим дядей.

— Кто же твой дядя, с которым хотят воевать неверные? — спросил хаким.

— Мой дядя — повелитель миллиона воинов, — тихо произнесла Мариам, — лев пустыни, гроза неверных, Салах-ад-дин.

Стоявший у дверей фидай в черном халате тихо ахнул и исчез.

Доктор неожиданно поклонился до земли маленькой несчастной арабской девочке и задом выполз из комнаты.

— Что это он так? — удивилась Алиса.

— Не знаю, — ответила Мариам, — очень вежливый.

— Скорее бы нас спасли, — сказала Алиса. — Уже пора. Где же Громозека и спасатели из Института Времени?

Мариам ничего не ответила, потому что не знала ни Громозеку, ни Институт Времени.

— Послушай, — нарушила молчание Алиса, чтобы скоротать время, — а что ты знаешь об этом Старце Горы и его фидаях?

— Ой, — прошептала Мариам, — это ужасные люди. Лучше не говорить о них вслух.

— Как же не говорить, если мы с тобой сидим у них в плену и нас даже подарили этому чернобородому уроду.

— Это исмаилиты... — Мариам шептала так тихо, что Алисе пришлось сесть с ней рядом, подставив ухо к ее губам. — Они верят в скрытого, тайного имама.

— А кто такой имам?

— Это такой учитель. Он для них все равно что для нас Мухаммед.

— Значит, они не настоящие мусульмане?

— Они неправильные мусульмане. Они верят, что их Старец Горы и есть тайный имам. Что он даст бессмертие и вечную жизнь всем, кто его слушается. Они хотят покорить весь мир.

— Но как же они вас покорят? — удивилась Алиса.

— У них есть много крепостей. В самых недоступных местах, — шептала Мариам, — куда не могут пройти даже войска самого халифа. Они сидят в них, как стервятники в своих гнездах.

— Ну и пускай сидят, — сказала Алиса.

— Ты не понимаешь, потому что ты неверная, — возразила Мариам. — Ведь дети Исмаила посылают своих людей в разные города и страны, и они убивают всех, кто хочет их уничтожить или стоит у них на пути.

— Зачем?

— Потому что они считают, что самое сильное оружие — это страх. А когда все будут трепетать, дрожать перед ними, то они завоюют весь мир. Для этого у Старца Горы есть фидаи — это такие ужасные люди. Они самые верные рабы Старца. Он что прикажет, то они сделают. И только один человек не боится фидаев — это мой дядя Салах.

Алиса не стала спорить с несчастной девочкой. Ей так хочется надеяться на какого-то дядю. Если так легче, пускай тешит себя.

Главное — сейчас раскроется дверь и войдет спасатель...

Алиса не была бы так спокойна, если бы знала, что происходит у того замка на самом деле.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Примерно в то время, когда к Мариам явился доктор, из столба пыли, поднявшейся там, где туннель времени выходил в средневековые, возникла приятная молодая женщина, сотрудница Института Времени по имени Елена Простакова, очень ученая, очень организованная, готовая к любым неожиданностям — настоящий агент Института. Ей уже приходилось вызволять из невероятных ситуаций своих товарищей, и потому она была уверена, что и на этот раз сможет вытащить из прошлого всех, кто туда угодил, то есть Ричарда, Алису и даже робота Арха. Сам Громозека рад был бы последовать за спасательницей, но, к сожалению, не смог поместиться в эту модель кабины и вынужден был остаться в двадцать первом веке и переживать за судьбу своих друзей.

Елена Простакова, облаченная в одежду средневекового оруженосца и снаряженная не хуже, чем любой крестоносец, подождала, пока уляжется пыль, и стала осматриваться в надежде найти следы пропавших. Кстати, у Елены был с собой и «ричардоискатель». «Ричардоискатель» — это небольшой приборчик, в котором хранилась капелька крови Ричарда Темпеста. На расстоянии километра этот приборчик мог почуять Ричарда, и, чем ближе ты подходил к нему, тем ярче загорался в приборе огонек. К сожалению, Алиса убежала в прошлое без разрешения, и, конечно же, для нее такого прибора не сделали. Ее придется искать обычными способами.

Елена Простакова вышла из круга и обогнула

по траве это место. Трава была вытоптана, и следы направлялись вверх, к дороге, которая вела к воротам мрачного замка, оседлавшего низкий покатый холм. По дороге ей навстречу брел пастух, гнавший перед собой небольшое стадо овец. Елена не знала, что за три часа, прошедшие с того момента, как Алиса побывала здесь, пастух со стадом уже добрался до стен замка и теперь возвращался обратно к деревне, желтые стены глинобитных домиков которой были видны в отдалении.

Разумеется, Елена Сергеевна знала все языки всех народов средних веков — это обязательно для спасателей. Она начала задавать пастуху вопросы на иврите, арабском, финикийском, арамейском и других тамошних языках, а пастух не отвечал ни на один вопрос, потому что очень испугался странного оруженосца, от которого исходило слабое сияние и некоторый гул. Этот гул издавали приборы, которые берет с собой в прошлое каждый настоящий спасатель.

Не добившись ответа от пастуха, Елена направилась вверх по дороге, к воротам замка. Пастух смотрел ей вслед, а из-под его рубища высунулась розовая голова ящерицы, которая тоже смотрела вслед Елене. И когда спасательница удалилась на солидное расстояние, ящерица включила передатчик размером с горошину, который помещался у ее горла, и сообщила в замок, что из будущего прибыла женщина, изображающая из себя оруженосца. По-видимому, у нее много приборов и приспособлений для спасения человека по имени Ричард и железного урода по имени Арх. Из замка ответили, что передача принята. Ящерица спрятала плоскую голову под одежду пастуха, и тот погладил ящерицу по головке. Пастух любил свою ящерицу. Она была красивой, она разрешала

ему днем спать и сама следила за овцами, она даже приводила его в замок и там давала вкусные вещи. За это пастух носил ящерицу, куда она желала, и всегда ее слушался.

Спасательница Елена Простакова остановилась у поднятого моста через ров. Она включила силовое поле и поэтому не боялась стрел или камней со стены замка, но все равно соблюдала осторожность, и если ее не заметили, то пускай не замечают и дальше.

Конечно, Елене ничего не стоило перепрыгнуть через ров, пользуясь специальными пружинами, укрепленными в подошвах, но это ей ничего не давало, так как на высокую стену не запрыгнуть. Тогда спасательница отошла назад и вытащила из своего рюкзака складные пластиковые крылья, присоединила их к спине и подключила к элементу питания. Это заняло всего минуту. Ящерицы внимательно наблюдали за действиями Елены, глядя на нее между зубцов стены.

Елена включила двигатель, и крылья начали двигаться быстро, словно у пчелы. С легким жужжанием Елена поднялась в воздух и полетела вдоль стены, размышляя, где бы перелететь внутрь замка, чтобы ее никто не заметил. Правда, замок несколько смущал Елену тем, что был слишком уж неподвижен и безлюден, тих и даже казался из-за этого зловещим. К тому же огонек на запястье Елены не зажигался — значит, Ричарда в пределах километра не было.

Елена поднялась над стеной и заглянула внутрь замка. Двор его казался глубокой пропастью. И он был совершенно пуст.

Если бы вместе с Еленой Простаковой была сейчас Алиса, она бы очень удивилась: куда же делись все обитатели замка? Ведь всего два часа назад здесь кипела жизнь.

Осмотрев замок сверху, Елена Простакова осторожно спустилась внутрь двора. Никто ей не помешал. Она осмотрела двор и пришла к выводу, что совсем недавно здесь были люди. Даже очаг в кузнице еще не остыл, даже плита на кухне была геплой. И мухи еще кружились над оставленной в миске похлебкой.

Нет, здесь что-то неладно, сказала себе Елена Простакова. Она постаралась выйти на связь с двадцать первым веком, но связи не было. Дело в том, что связь во времени — штука очень ненадежная. И чаще всего если ты уходишь в прошлое, то лучше на нее не надеяться, а поскорее возвратиться.

Тогда Елена включила локатор — этот локатор показывал, есть ли пустые места в земле или камне или земля под тобой сплошная. При первом же взгляде на маленький экранчик, прикрепленный к запястью, Елена поняла, что под замком находятся обширные и глубокие подземелья. Так что Елена определила, где вход в подземелье, потом вошла в приоткрытую дверь главной башни, миновала не покрытый скатертью длинный обеденный стол, за который могли бы усесться сразу человек пятьдесят, и остановилась перед небольшой дверью, закрытой на засов.

Перед тем как отправиться в подземелье на поиски Ричарда, спасательница обвела стены и пол вокруг искателем живых существ. Искатель показал, что Елену окружают только мелкие животные: крысы, летучие мыши и ящерицы. И ни одного человека. Так что Елена спокойно отправилась обследовать подземелья, полагая, что в каком-нибудь каменном мешке может быть заточен Ричард, а искатель не показывает его, потому что их разделяет слишком толстый слой камня.

*С легким жужжанием Елена поднялась в воздух
и полетела вдоль стены.*

Когда Елена Простакова скрылась за дверью и начала спускаться по каменной лестнице в темноту подземелья, следом за ней туда же побежала розовая ящерица, которую спасательница, к сожалению, не заметила, потому что не подозревала, что космические пришельцы бывают такого вида. Елена светила перед собой сильным фонарем. Если в луч света попадал паук, летучая мышь, мокрица или ящерица, она думала, что все эти существа родились именно в подземелье.

Легкими шагами Елена Простакова обежала подвальный этаж башни, но ничего, конечно же, не отыскала. Тогда она снова включила локатор, и тот показал спасательнице, что под ней находится глубочайшая яма: как бы вторая башня, только опрокинутая вверх ногами — под землю. Получился колодец глубиной в двадцать метров.

Елена Сергеевна стала думать, как ей найти вход в этот гигантский колодец, но все плиты пола казались одинаковыми, и уложены они были так плотно, что между ними не протиснулось бы и лезвие ножа.

Елена медленно шла по плитам, и, когда она дошла до тринадцатой плиты справа от лестницы, ящерица, что сидела на потолке над головой спасательницы, тонко свистнула. Этот свист доносился до ниши первого этажа башни. Там ждал сигнала уже известный нам пастух. Он стоял возле длинного ржавого железного рычага.

Услышав свист, пастух изо всех сил потянул за рычаг, и тот медленно, со скрипом опустился. И тут же плита, на которую только что ступила спасательница Елена Сергеевна, встала ребром, и молодая женщина, не ожидавшая такой подлости, провалилась в черную дыру.

Ящерица свистнула снова, и пастух поднял рычаг. Плита легла на место и заглушила крик

Елены Сергеевны, которая хотела раскрыть крылья, прикрепленные за ее спиной, но не успела и сильно ударились о каменное дно колодца.

Ящерица, убедившись в том, что плита вернулась на место, выскользнула из подземелья и через несколько секунд уже улеглась на плечи пастуху. В тонкой лапке она держала дольку сушеной дыни, потому что знала, что ее друг пастух очень любит сушеную дыню.

— Спасибо, мой мальчик, — проворковала ящерица.

— Не стоит благодарности, — ответил пастух. — Ты же мне тоже всегда помогаешь. Но нам пора идти, овечки ждут.

И пастух со своим наездником поспешил прочь из замка, забыв о судьбе несчастной Елены Сергеевны, которая вместо того, чтобы спасти Ричарда и Алису, сама попала в яму, откуда еще никто никогда не выбирался.

Она лежала на каменном полу почти без сознания — так ей было больно. Но, разумеется, она не потеряла присутствия духа, иначе бы она не была спасательницей, а пошла бы в кондитеры или художницы.

Как только Елена Сергеевна немного отлежалась и пришла в себя, она достала из своего специального пояса обезболивающие лекарства. Она проглотила таблетку и подождала, пока та начнет действовать. Пока она ждала, ей показалось, что в страшной, абсолютной тишине каменного мешка она слышит отдаленный шум — словно кто-то пытается сверлить или пробить чем-то каменную твердь. «Может, это мне кажется?» — подумала отважная спасательница. Но нет — на самом деле в одной из камер, выдолбленных в скале, находился кто-то живой, и он рвался на волю.

«Ричард!» — поняла спасательница.

Ей сразу стало лучше. Вывихнутая нога перестала болеть, и девушка, поднатужившись, вправила ее, кровь перестала течь из рассеченной головы и руки. Елена Сергеевна перевязала себя, заклеила пластырем и включила «ричардоискатель».

Но «ричардоискатель» молчал.

На свободу стремился какой-то другой узник.

Тогда Елена Сергеевна решила, что у нее две задачи: выбраться на свободу, чтобы отыскать все же Ричарда и Алису, а также освободить неизвестного узника, заточенного в подземелье.

Из рукава кожаной куртки оруженосца Елена Сергеевна вытащила длинный бур, в поясе у нее была атомная батарейка, которую она подсоединила к буру. Прихрамывая и морщась от боли, Елена Сергеевна включила пропеллер, прикрепленный за спиной, и взлетела на высоту трехэтажного дома — именно оттуда доносились стуки и шум. Там она включила бур. Вскоре куски гранита начали откалываться от стены и с грохотом падать на каменный пол. Елена Сергеевна очень страдала от ран и от тяжести труда. Но когда Елена Сергеевна кого-то спасает, она забывает о себе. Такие все они — спасатели Института Времени.

Спасательнице искренне радовало то, что с каждой минутой шум, издаваемый пленником, который пробивался на свободу, становился все громче.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

После ухода доктора-хакима все сразу изменилось.

Не прошло и минуты, как фидай, который раньше сторожил девочек, вполз в комнату на коленях и ударился головой о ковер.

— О благородные гости! — воскликнул он. — Великий тайный имам, мудрый Хуссейн, просит вас пожаловать к нему.

Фидай отполз назад, освобождая выход, и Алиса спросила Мариам:

— Что с ним случилось? Может, наши уже побеждают?

Но Мариам ничего не ответила.

На этот раз Старец Горы встретил девочек у входа и сам отвел к дивану.

— Простите, что я говорил с вами как с простыми рабынями, которых подарили мне франки за некоторые услуги. Но теперь я узнал, что вы не простые рабыни. Так что теперь вы мои гости.

«Наверное, дядя Мариам — какой-то важный вельможа», — подумала Алиса.

— Дошло до меня, — продолжал имам Хуссейн, расчесывая черную бороду, — что одаренная милостью Аллаха Мариам по вине неизвестных злодеев жестоко страдала и нашему хакиму удалось облегчить ее страдания. Да пусть о нашей милости и доброте знают во всем мире!

Глаза у Старца Горы были хитрыми, а кричал он так громко, что, наверное, не только в его замке, но и по всей долине разнесся этот крик. Теперь все знали, какой добрый старик обитает в крепости исмаилитов.

Видно, Старец Горы решил, что Алиса недостаточно удивилась, и потому он спросил ее:

— Знаешь ли ты, неверная, но неплохая девочка, о моей власти?

— Я очень мало знаю о вас, — ответила Алиса.

— Наверное, враги мои и злопыхатели поведали тебе о моих страшных преступлениях? Ну, признавайся, поведали?

— Извините, — сказала Алиса, — но мне еще не приходилось разговаривать с вашими врагами.

— Врешь, врешь, по глазам вижу, что врешь! — закричал Старец и даже подпрыгнул на подушках. — Неужели тебе не рассказывали, как я собираю по деревням самых глупых и послушных мальчиков, а потом воспитываю из них страшных убийц — фидаев? Неужели франки не рассказали тебе, как я приучаю молодых людей к отвратительному наркотику — гашишу, и поэтому они, эти франки, и называют моих мальчиков ассасинами: гашишины-ашишины-ассасины, понятно? Будто мои мальчики всегда не в себе. Не знаешь?

— Не знаю, — призналась Алиса.

— А что перед тем, как послать их на задание, я отправляю их вон на ту половину крепости, где есть прекрасный сад, где красивые девушки поют песни и танцуют, где мальчикам дают любые сладости и напитки, и потом я говорю им: это вы побывали в раю! Если вас убьют, когда вы выполняете мое задание, знайте, что вы навсегда попадете в такой рай! — И Старец Горы расхохотался тонким голосом.

— И неужели они верят?

— Верят! — ответил Старец. — Еще как верят! Я же говорю, что самых тупых отбираю, а потом еще их наркотиками отравляю!

— Это подло! — сказала Алиса.

Старца Горы слова Алисы позабавили.

— Я же пошутил! — смеялся он. — Я всегда шучу! Я самый главный шутник во всем мире.

Отсмеявшись, Старец Горы продолжал:

— А если не шутить, то я должен сказать вам, мои гости, что моя цель — сделать всех людей счастливыми. А как?

— Как же вы хотите сделать всех счастливыми? — спросила Алиса.

— Для того чтобы люди стали счастливыми, — ответил Старец добрым голосом, — надо, чтобы все меня слушались, потому что только я один знаю истину. Только я один знаю, что нужно людям! Но люди — это стадо свиней! Они не понимают своего счастья. Мне приходится вбивать в людей счастье палками... И я это делаю! Главное — полное и абсолютное послушание! Вы мне не верите?

Глаза Старца сверкали черным зловещим блеском. Тонкие губы раздвигались, как шрам от удара саблей. Он казался сумасшедшим. Но если он и был сумасшедшим, то очень опасным.

— Хочешь увидеть, что значит моя полная власть? Власть, которая сильнее страха?

Старик вскочил и быстрыми шагами вышел на балкон. Балкон нависал над пропастью — земля была далеко внизу, и в первый момент Алисе захотелось спрятаться обратно в комнату. Бесконечная равнина открывалась перед глазами, но так как уже наступила вторая половина дня, то дали заволокло мглой.

— Видишь? — Старик показал на наблюдательную площадку выше их, на углу крепости.

Там стоял фидай в черном плаще с белой повязкой на лбу. Он внимательно всматривался вдаль.

— Видишь, как он молод и красив? — кричал старик. — Представляешь, какая долгая жизнь предстоит ему? Какая у него будет красивая невеста и какие у него вырастут чудесные дети?

— Представляю, — сказала Алиса, сжимаясь от ужаса.

— Так этого не будет, не будет, не будет, потому что я этого не хочу!

— Не надо! — вырвалось у Мариам.

— Эй, Ахмет! — позвал стариk.

— Я здесь! — откликнулся молодой страж.

Старец поднял руку. Рукав упал к плечу и обнажил коричневую старческую кожу.

Юноша колебался.

— Ну! — подхлестнул его Старец. — Тебя ждет счастье!

И вдруг — Алиса даже не успела закричать — юноша сделал большой шаг вперед и... рухнул вниз!

Его тело, как тряпичная кукла, медленно-медленно падало к острым скалам на невообразимой глубине. А Старец разинул от наслаждения рот. Так ему было приятно, что по его зловещей воле погиб молодой человек.

— Вы изверг! — воскликнула Алиса. — Вас судить надо.

— Я имам, я повелитель! Я господин всего мира!

Слова Старца срывались с его губ и летели над долиной. Алисе хотелось плакать.

А Старец радовался тому, как он напугал девочек.

— У меня много врагов, — говорил он, рассказывая по балкону. — Но они погибают один за другим. И мне помогает вражда между моими врагами. Как только я пожелаю смерти одного, приходят друзья и говорят: а не поможешь ли ты нам, великий имам, убить еще одного султана? Или короля. Или графа. Ах, говорю я, почему бы не помочь хорошему человеку!

— И поэтому вы подружились с этими гадкими розовыми ящерицами? — спросила Алиса.

— Они лучшие союзники и друзья, какие у меня были за много лет, — ответил Старец. — Вы и не представляете, как они мне полезны!

Они дают мне разные нужные вещи, они помогают мне убивать непокорных...

— Но моего дядю вам не убить! — неожиданно закричала Мариам. Алиса даже не ожидала, что она может так зло кричать. — Он вас самого убьет!

— Мой милый ребенок! — Старец заговорил нежно-нежно, словно мед сочился из его уст. — Как ты ошибаешься! Твой дядя очень меня боится. Но это не спасет его. Мои друзья розовые дракончики подсказали мне, где он будет сегодня. И нет ничего легче, чем послать туда верного фидая. Он убьет твоего дядю. Очень скоро он убьет его и тут же, как и положено фидаю, покончит с собой, ибо никто не должен узнать моих тайн.

— Где он? Его надо остановить! — воскликнула Мариам.

— Поздно. Армии уже сближаются. Твой дядя уже почти убит. Кинжал занесен над ним.

Мариам упала на пол и заплакала.

И вдруг, неожиданно для Алисы, Старец наклонился к девочке и осторожно поднял ее.

— Не плачь, все будет хорошо! — прошептал он.

— Ничего не может быть хорошо! — плакала Мариам. — Злобный франк напал на наш караван и убил мою мамочку! Твой фидай убьет моего дядю, и я останусь одна на свете!

— Нет, моя дорогая девочка, — сказал Старец. — В этом и есть чудо драгоценного дара, который сделали розовые дракончики. После смерти твоего дяди ты останешься последней в династии Айюбов. Ты унаследуешь Сирию и Египет. А это значит, что унаследую их я как твой опекун и любящий приемный отец.

— Нет, этому не бывать! — закричала Мариам, вырываясь из цепких рук имама.

Старец хлопнул в ладоши, и тут же появился доктор-хаким. Словно ждал под дверью.

— Дай успокоительного принцессе египетской, — велел он.

Хаким протянул Мариам чашку. Та сначала отказалась, но потом покорно выпила.

Старец между тем смотрел на долину. Затем шагнул к столику, стоявшему на балконе, и схватил с него подзорную трубу. Алиса сначала даже не сообразила, что у средневекового имама не может быть подзорной трубы. Да еще с такими большими линзами.

— Это подарок дракончиков, — сказал Старец, словно угадал невысказанный вопрос Алисы. — У меня много таких подарков. Недаром мои рабы копают для драконов медь, свинец и другие металлы и камни в наших ущельях. Без меня дракончики как без рук!

Старец поднес трубу к глазу и воскликнул:

— Они идут!

Потом добавил:

— Пойдем ко мне в комнату. Я покажу тебе такое, чего нет ни у одного султана и даже самого халифа.

Старец сделал знак хакиму, тот поднял с пола солнную Мариам и, внеся в комнату, положил на подушки.

Затем имам тоже прошел в свою комнату, откинул ковер со столика возле дивана, и Алиса увидела экран вроде телевизионного. Вот уж не ожидала она увидеть что-либо подобное!

Старец уверенно включил прибор, и Алиса поняла, что экран показывает отдаленный участок долины, покрытой тучей пыли. Старец стал настраивать изображение, и оно стремительно

приближалось. Вот уже стали видны отдельные всадники. Алиса увидела, что впереди войска, окруженный арабами в высоких тюрбанах и позолоченных шлемах, едет смуглый человек с красивым лицом, обрамленным небольшой бородкой. Конь под всадником был белым, белым был и плащ.

Алиса поняла, что экран, наверное, связан с небольшим наблюдательным спутником-шпионом, который сейчас завис над войском. Она уже догадалась, что видит: человек с бородкой — командующий арабской армией.

Но все же она спросила:

— Это твой дядя, Мариам?

Мариам откликнулась сонным голосом:

— Это мой дядя Салах.

— Да, это последний султан из рода Айубов, — подтвердил Старец Горы. — Который погибнет в этом сражении.

Потом имам настроил картинку и показал Алисе панораму долины. И Алиса увидела другое войско, которое приближалось к армии дяди Салаха.

Впереди того войска ехали рядом граф де Шатильон и рыцарь Солсбери. За ними несколько незнакомых Алисе рыцарей. Они были одеты куда тяжелее, чем арабы, кони их, тоже покрытые кольчугами, с трудом переступали по вязкой пыли. Порой пыль полностью застилала изображение.

Потом стали видны пехотинцы — Алиса поняла, что тяжелые рыцари графа де Шатильона составляют лишь малую часть войска крестоносцев. В основном оно состояло из пехотинцев в кожаных или кольчужных рубахах и в тяжелых шлемах. Эти люди с трудом брали по жаре, волоча за собой копья и мечи.

Враждебные армии двигались все медленнее и наконец остановились друг против друга.

К сожалению, не было слышно звуков. Но ведь раз ящерицы смогли сделать такой передатчик, значит, должен быть и звук.

Алиса подошла к монитору и внимательно приглядилась к нему. Конечно, он был неземного изготовления, но Алиса понимала, что его, вероятно, ящерицы сделали специально для человеческих пальцев, ушей и глаз. Значит, и она сможет разобраться.

— Не смей подходить! — рассердился Старец. — Сломаешь что-нибудь. Я за это волшебное сокровище отдал годовую добычу золота со всех моих рудников.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — Не сломаю. Мы такое в школе проходим. Во втором классе.

Одного взгляда ей было достаточно, чтобы понять, что Старцу просто забыли сказать, как включается звук. Или он от старости забыл об этом. Алиса нажала на кнопку, и комнату заполнил невнятный суровый гул надвигающегося боя.

— О! — признал ее достижение Старец. — Я оставлю тебя здесь. Ты будешь ухаживать за моими машинами.

Загудела труба. Это был сигнал к бою.

Дядя Салах — полное имя которого — Салах-ад-дин, или Саладин, Алиса вспомнила только сейчас — поднял руку: сейчас он прикажет коннице скакать вперед.

— Смотри! — закричал Старец. — Сейчас это случится! Сейчас твой проклятый дядя погибнет, и мы с тобой станем наследниками всего мира, моя приемная дочка!

Но в этот момент что-то сорвалось в зловещих планах Старца Горы. С отвратительным криком

он отшатнулся от экрана и, не выпуская из рук подзорной трубы, кинулся на балкон. Там он приставил трубу к глазу и замер, часто постукивая по полу пяткой.

Алиса внимательно смотрела на экран и, когда пыль на секунду отнесло ветром, увидела, что к месту начинающегося боя подъезжает еще одна группа рыцарей-франков.

Впереди скакал знаменосец, который держал в руке красное знамя с вышитыми на нем тремя золотыми львами. За ним ехал на черном громадном коне мощный белокурый рыцарь в алом плаще, но без шлема. Замыкали группу шесть или семь богато одетых рыцарей и толпа оруженосцев и слуг.

Белокурый рыцарь сразу оценил обстановку и направил своего вороного коня на невысокий холм, возвышавшийся как раз между армиями врагов, но чуть в стороне от их центра. Когда белокурый рыцарь оказался на вершине холма и знамя развернулось под ветром рядом с ним, оказалось, что он как бы вознесся над остальными — копыта вороного коня оказались на уровне голов сарацинов и франков.

— Злые духи прислали мне короля Ричарда! — злобно произнес Старец. — Мне вовсе не нужны лишние свидетели.

— Это король Англии Ричард Львиное Сердце? — спросила Алиса.

Несмотря на всю тревогу, владевшую ею, Алиса ощущала странное радостное чувство: ты читаешь, слышишь о человеке — и вдруг видишь его наяву! Как любимого писателя или космонавта!

— Да, это он, проклятие злых духов, вонючий шакал!

— А чего же вы так его испугались? Он будет сражаться против Саладина?

— Не будет он сражаться, — отмахнулся Старец Горы. — Сейчас перемирие, и этот проклятый рыцарь всегда соблюдает все правила и договоры. Но, видно, какая-то гадкая птичка донесла ему, что сегодня будет битва между Шатильоном и Саладином. Вот он и примчался поглядеть. Его хлебом не корми — дай поглядеть на битву или турнир! Мальчишка проклятый, да сразит его стрела справедливости!

— Или ваш убийца? — спросила Алиса.

— Или мой убийца, — твердо ответил старик.

Но Алиса-то знала из учебника истории, что Ричард Львиное Сердце благополучно возвратился из Палестины, и не боялась, что фидаи до него доберутся.

При виде рыцаря в красном плаще франки графа де Шатильона начали радостно кричать и размахивать копьями и мечами. А среди воинов Саладина произошло некоторое замешательство, и передние ряды подались назад, оставив Саладина в одиночестве.

Откуда-то, словно из-под копыт коней, выбежал фидай в черном халате, подобранным под пояс, чтобы не мешался, в руке его блеснул кинжал.

Фидай подпрыгнул, занеся руку с кинжалом, и все это произошло так быстро, что никто не успел пошевелиться или прийти на помощь султану. Но тот был начеку.

Каким-то чудом султан Саладин успел перехватить руку фидая, и тот повис в воздухе, пойманный во время прыжка. Он извивался как змея, но ничего не мог поделать. Саладин уже готов был отбросить неудачливого убийцу, но тут Алиса увидела, как в разрезе черного халата

возникла розовая мордочка ящерицы, затем показалась розовая лапка с маленьким бластером — как молния сверкнул луч, и Саладин, пошатнувшись, начал валиться с коня.

Алиса ахнула от ужаса и отвращения к злобному старику.

Но фидай не успел воспользоваться ранением султана, потому что охрана Саладина уже опомнилась и множество мечей и копий вонзилось в убийцу. Алиса увидела, как под ногами коней мелькнула, убегая, розовая ящерица, которая так хотела помочь убийце.

— О великий Аллах! — кричала девочка Мариам. — Как ты терпишь такое злодейство!

Оказалось, она очнулась и смотрела на экран.

Старец Горы стоял на балконе, бессильно опустив руку с подзорной трубой.

— Бездельник, — хрипло произнес он, — ничего нельзя доверить! Зачем я вас учу, если вы не можете вонзить кинжал в плоть ничтожного султана? О крушение моих планов!

Старец вошел в комнату.

Мариам метнулась в угол, словно она была виновата в том, что Старцу не удалось убить ее дядю.

Но Старец не обратил на нее внимания. Он впился взором в экран монитора.

— Может, он все же подох... — бормотал тайный имам.

Но Алиса увидела, как Саладина подняли обратно в седло. Правой рукой он придерживал левое плечо, куда попала лучом розовая ящерица. Сквозь пальцы сочилась кровь. Охрана пыталась увести Саладина с поля боя, но он и думать об этом не хотел.

Здоровой рукой он высоко поднял меч и, пришпорив коня, поскакал на войско франков.

И все его воины в едином порыве кинулись за своим раненым вождем.

— Нет, он погибнет, — шептал Старец Горы. — Он обязательно погибнет. Он должен погибнуть!

Началась отчаянная сеча, и в поднявшейся пыли Алисе трудно было понять, где там свои, где чужие, а для нее своими были арабские всадники султана Саладина, а чужими — крестоносцы. Вот как бывает, если столкнешься с историей наяву!

На несколько секунд пыль отнесло поднявшимся ветром, и Алиса увидела, что Ричард Львиное Сердце в красном плаще и его спутники не вмешиваются в бой. Они неподвижно, как статуи, стоят на пригорке, под знаменем с тремя львами.

Поднявшаяся пыль снова скрыла и короля Ричарда, и сражавшихся. Лишь звон металла, крики, проклятия, стоны, стук подков доносились с экрана.

Старец Горы метался по комнате, издавая дикие крики, как болельщик на стадионе, который видит, что его любимая команда проигрывает решающий матч, но ничем не может помочь.

По стене прокатился, упал на пол камешек. Алиса подняла глаза и успела увидеть, как в щель под потолком спряталась розовая ящерица. Так вот где они здесь таятся! Впрочем, было бы наивно думать, что ящериц не допускают на скалу исмаилитов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Битва продолжалась недолго, хотя Алисе показалось, что прошло несколько часов. Но, судя по всему, франки не успели собрать на помощь других рыцарей, а может быть, никто и не захотел

Алиса увидела, что Ричард Львиное Сердце в красном плаще и его спутники не вмешиваются в бой.

защищать графа де Шатильона. И видно было, как то тут, то там франки начинают отступать.

Ящерицы, как удалось заметить Алисе, старались помочь своим союзникам, но, видно, больше боялись за себя. Некоторые из них таились по окрестным холмам и тайком стреляли из бластеров. Им удалось убить и ранить нескольких сарацин, но это не повлияло на исход боя: все равно тяжелые рыцари в жаре и пыли стали жертвами быстрых всадников Саладина, а пехотинцы один за другим покидали поле боя. Сарацинские всадники догоняли их и либо убивали, либо брали в плен.

Бой все приближался к скале, на которой стояла крепость исмаилитов. С балкона уже можно было различить в громадном клубе пыли отдельные фигурки. А там, откуда бой ушел, в пыли валялись убитые и раненые бойцы. Как махонькие куколки, как раздавленные муравьи.

«Нельзя же! — думала Алиса. — Нельзя же воевать. Ведь воевать желают не те, кто погибает, не невинные люди, они хотят жить, как тот молодой фидай, которому Старец Горы приказал кинуться в пропасть. Те, кто хочет войны, умирают не на поле боя. Вот и эта война началась уже много лет назад, когда крестоносцы пришли сюда, чтобы завоевать Иерусалим. Жестокий толстяк Райнольд де Шатильон напал на мирный караван, убил мать Мариам и издевался над ее дочкой... Война нужна Шатильону! И Ричарду Львиное Сердце».

Алиса не успела додумать до конца, потому что в этот момент окончательно решилась судьба сражения — сломленные франки, бросая оружие и погоняя коней, ринулись с поля боя. Но бежали они не к замку де Шатильона, а сюда, к скале — убежищу Старца Горы.

Старец, наблюдавший бегство в подзорную трубу, отбросил ее и ворвался в комнату с криком:

— Сюда нельзя! Никто не должен знать, что мы союзники. Я с ними незнаком!

Алиса так удивилась, что не удержалась и сказала:

— Но ведь все видели, как ваш фидай хотел убить сultана Саладина!

— Нет! — закричал старик, дергая себя за черную бороду. — Это был не мой фидай, это был чужой убийца. Вы ничего не докажете!

И Алиса поняла, что этот изувер и страшный фанатик — на самом деле трус. Но ей от этого было не легче. Ведь такие трусы — самые опасные. А вдруг он решит избавиться от Алисы и Мариам, чтобы никто не узнал, что они получены им в подарок от графа? Ведь они свидетельницы того, что он хотел убить Саладина и с помощью несчастной Мариам завладеть его троном.

На экране монитора было видно, как сарацины окружают рыцарей. Вот сдаются графиня Констанца и храмовник Солсбери, вот стаскивают с коня отчаянно сопротивляющегося графа де Шатильона. Его волокут к Саладину, граф валится на пузо и едет как пингвин с ледяной горки.

По пустыне неслись, прижимаясь к песку и стараясь остаться незамеченными, розовые ящерицы — все они стремились к своему кораблю, который был спрятан за скалой Старца Горы. Ящерицы были покрыты пылью, и их никто не замечал.

Алиса переключила монитор на корабль. Вокруг него царила страшная суета, сотни, а может быть, и тысячи ящериц тащили внутрь какие-то ящички, ящики, тюки, пакеты, коробки — видно,

рассудили, что лучше утащить, что уже добыто, чем потерять все, втянувшись в земные войны.

— Смотрите, госпожа! — воскликнула Мариям, дергая Алису за рукав.

Алиса увидела, что по степи к кораблю присельцев несется, подпрыгивая, телега, запряженная четверкой коней. На телеге — клетка, в которой сидит скованный человек. Да это же Ричард!

Вот он поднялся и трясет прутья клетки, стараясь освободиться.

Значит, граф де Шатильон потащил Ричарда за собой в битву, не захотел оставлять его в замке. А теперь ящерицы спешат отвезти пленника на корабль.

Это зрелище могло показаться смешным, хотя Алисе было не до смеха. Лошади были буквально облеплены ящерицами, десятки их бежали по равнине, натягивая поводья коней, другие взобрались им на спины и щипали, били, погоняли несчастных животных, которые неслись, потеряв от страха рассудок.

— Мы должны спасти Ричарда! — закричала Алиса и кинулась вон из комнаты.

Но в дверях стоял мрачный фидай, который выставил ладонь. Алиса натолкнулась на нее и отлетела обратно в комнату.

— Это еще что такое! — рассердился Старец Горы, только сейчас заметивший ее попытку к бегству. — И не мечтай! Ты останешься со мной и будешь мне защитой. Пока ты у меня, мне ничто не грозит.

И Старец заквакал, растянув лягушачий рот.

Алисе пришлось подчиниться. Она была уверена, что обязательно убежит, вырвется. Но главное теперь — спокойствие и выдержка. Ей уже приходилось попадать в безвыходные положения.

*По степи к кораблю пришельцев неслась,
подпрыгивая, телега.*

И она знала, что и в безвыходных положениях всегда найдется выход.

Поэтому Алиса сделала вид, что ничего не случилось, и стала глядеть на долину внизу.

И вовремя. Потому что телегу с плененным Ричардом заметили и настигли всадники Саладина. При виде их розовые ящерицы ринулись в разные стороны.

Некоторые из них выхватывали бластеры и стреляли, но лучи бластеров не могли пробить кольчугу. Видно, что смертельно для ящерицы длиной в локоть, вовсе не столь опасно для человека. Из-за этого ящерицы не могли участвовать в сражении — только путались у всех под ногами. Пожалуй, союзникам лучше на ящериц не надеяться. Каждый спасается как может.

Понял это и Старец Горы.

— Убрать лестницы! — закричал он. — Закрыть ворота! Чтобы ни одна муха не проникла в мою крепость!

И как бы в ответ на этот дикий крик из-за дивана показались две розовые ящерицы. Они скользнули к двери и исчезли.

Тем временем всадники Саладина подскакали к скале Старца Горы, воины окружили телегу, но клетку не раскрывали. Ричард стоял, держась руками за прутья, и тяжело дышал. Ни одной ящерицы не было видно — они все скрылись в корабле по ту сторону скалы.

К Ричарду подскакала кавалькада: впереди султан Саладин, следом его свита — эмиры, ханы, шахи и другие начальники. Затем, чуть отстав, но спокойно и уверенно к этому месту подъехал и Ричард Львиное Сердце в алом плаще и под красным знаменем с тремя золотыми

львами. Он был похож на богатого туриста, попавшего на бой быков.

Чуть далее, окруженные арабскими всадниками, медленно брели связанные пленники — союзники розовых ящериц. Может быть, Алиса и пожалела бы графа и графиню Шатильон, но рядом с нею стояла девочка Мариам. И Ричард имел такой вид, словно по лицу его били молотком — а они наврали, что его и пальцем не тронули!

Войско скопилось вокруг телеги с Ричардом, и постепенно наступила тишина. Алиса думала, что Саладин, подъехавший к Ричарду, сейчас заговорит с ним, но вместо этого султан обратился к английскому королю, который сидел на таком большом коне и сам был так велик, что султан рядом с ним казался мальчиком.

— Добрый день, великий король, — произнес Саладин на языке франков.

— Добрый день, султан, — ответил король Ричард.

— Что привело тебя сюда? — спросил Саладин.

— Мне донесли, — сказал Ричард, — что ты решил напасть на благородного графа де Шатильона и рыцарей-храмовников. Я поспешил сюда, чтобы убедиться, не нарушили ли вы перемирие.

— Перемирие между войском Аллаха и неверными не нарушено! — ответил султан. — Я пришел сюда не для войны, а чтобы вернуть мою честь.

— Кто обидчик твой? — спросил английский король.

— Здешний граф Райнольд де Шатильон, — произнес Саладин.

— Это он нанял фидая, который хотел убить тебя?

— Я не знаю, кто нанял жалкого убийцу, но прислал его Старец Горы, и я накажу его.

— Так чем же граф оскорбил твою честь, сарацин?

— Хоть я и не обязан говорить о таких вещах с неверными, тебе, как смелому и справедливому рыцарю, я скажу: граф де Шатильон напал на мирный караван, с которым путешествовали в Египет моя сестра и ее маленькая дочка. Он ограбил караван, он убил мою сестру. Он захватил подарки, которые я посыпал с сестрой в Египет, и захватил в плен дочь моей сестры, мою любимую племянницу Мариам.

Саладин произнес эти слова срывающимся голосом.

— Не может быть! — возмутился английский король. — Неужели это правда, граф де Шатильон?

— Не может быть мира с неверными! — откликнулся хриплым голосом граф. — Я их уничтожал и буду уничтожать, как бешеных собак!

— Ты можешь уничтожать их в честном бою, — сказал английский король. — Но как ты посмел напасть на мирный караван в дни перемирия и убить женщин и детей?

— Эти женщины и дети, — с презрением воскликнул граф, — сами напали на моих людей! А меня там даже и не было. Я ничего об этом не знаю.

— Это ложь! — Саладин сделал знак, и из толпы воинов вышел старик с перевязанным глазом. — Вот, король, один из караванщиков. Ему удалось спастись. Он тебе все скажет.

— Что мне слова твоего караванщика, султан! — ответил английский король. — Против них есть слова знатного вельможи Франции и Иерусалимского королевства.

— Но моя сестра и племянница погибли!

— Я ничем не могу тебе помочь. Мне мало свидетелей, которых ты представил, — сказал английский король. — Поэтому я объявляю перемирие прерванным и завтра же начинаю штурм крепости Аккра.

Ну как сказать ему? Как донести до него правду? Алиса сжала кулаки. Неужели не найдется больше ни одного честного человека? Ричард, который стоит в клетке, наверное, не подозревает, что девочка, которую пытали из-за него, и есть племянница султана. Констанца же и рыцарь Солсбери никогда не признаются.

— Нет! — услышала Алиса крик Мариам. — Я так больше не могу!

Алиса не успела остановить девочку — та бросилась на балкон. Она тянула руки вниз, но люди, что казались близкими на экране монитора, на самом деле находились очень далеко. Если бы король Ричард поднял голову, он увидел бы лишь маленькую фигурку.

И тут в отчаянии девочка Мариам вспрыгнула на парапет и, широко расставив руки, кинулась вниз с балкона.

Алиса в ужасе закрыла глаза руками.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

К сожалению, в нашем рассказе мы совсем забыли о Елене Простаковой — отважной спасательнице, которая по недоразумению попала в подземные казематы замка Крак де Шевалье. Но Елена не из тех, кто сдается перед лицом трудностей. Вы можете замуровать ее в скалу, опустить на морское дно, выкинуть в космос, но, как и положено отважной спасательнице Института

Времени, она всегда найдет выход из положения. И не раз уже находила.

Мы оставили спасательницу в тот момент, когда она, прижавшись к стене колодца, старалась просверлить в камне туннель, чтобы помочь неизвестному пленнику, который пробивался сквозь гранит ей навстречу.

Два раза она обессиленно падала на пол. Но каждый раз вставала и снова как муха поднималась к потолку.

Пропеллер с трудом удерживал ее на весу, но с каждой секундой работать становилось все легче, потому что спасательница вскоре пробила в стене нишу, которая постепенно превратилась в туннель, вернее, в глубокую нору.

Вот уже можно выключить пропеллер и вытянуться во весь рост на животе.

Елена Сергеевна замерла и целую минуту лежала неподвижно, затаив дыхание. Она старалась понять, откуда и в каком направлении пробивается неведомый узник, на помощь которому она спешит.

Вот этот звук! Кто-то скребся совсем близко — правда, теперь Елене пришлось долбить свой лаз правее, чтобы не промахнуться.

Забыв об усталости, спасательница вгрызаясь буром в скалу и ловко сбрасывала отколотые камни назад, так что камни вылетали из ее норы как из пушки.

Елена Сергеевна так увлеклась своей работой, что забыла о времени. Она и не подозревала, что наверху, в пыли и грохоте, идет самое настоящее сражение, что Алиса и девочка Мариам смотрят за ним со скалы, где находится крепость Старца Горы.

Когда Елена остановилась в очередной раз, чтобы прислушаться, она поняла, что неведомый

узник находится всего в метре от нее — еще чуть-чуть, и она его спасет!

Но удивительное дело: словно услышав о том, что спасение близко, узник прибавил прыги и принялся уводить свой лаз в сторону — испугался, что ли?

Тогда спасательница тоже прибавила скорости. Узник еще больше заторопился.

Спасательница чувствовала, что уже догнала его, что роет ход параллельно с его ходом. Они были как два земляных червя, которые устроили соревнования, кто скорее прокопает лаз под грядкой.

И тут Елена сообразила, что делает лишнюю работу; она взяла левее и через три минуты оказалась в только что проделанном туннеле.

Туннель этот был заполнен камешками и песком, которые оставил узник, ведь он тоже отбрасывал назад камешки, которые отбивал от скалы. Так что Елене было нелегко дышать, к тому же она страшно устала, несмотря на то, что была очень выносливой.

— Ну, давай, немного осталось! — крикнула Елена сама себе.

Из последних сил она устремилась вперед, как крот, отбрасывая камни и песок, и еще через минуту луч ее фонаря уловил движение впереди — металлические подошвы отбрасывали сей в лицо куски породы. Вот он, узник!

К счастью, фонарь Елены был пуленепробиваемый. Доставалось только лицу. Но Елена протянула вперед руки и схватила узника за ноги.

Тот отчаянно сопротивлялся. Он же не знал, что его спасают; наверное, думал, что за ним гонятся.

Он тащил Елену как на буксире, только не

сквозь воду, а сквозь каменные крошки, что, конечно же, куда больнее для пловца.

Неизвестно, сколько это могло бы продолжаться. Вернее всего, спасательница бы погибла. Но впереди оказалось пустое пространство — большой подвал. И узник, которого Елена держала за дергающиеся металлические ноги, вывалился в подвал и потянул за собой Елену, которая упала на него сверху.

Оглушенные, они замерли.

Первым очнулся неизвестный узник. Он попытался убежать от Елены, но она смогла снова схватить его и громко сказала:

— Нет, голубчик! Ты спасен и можешь меня благодарить.

— Я не просил меня спасать! — раздался высокий тонкий голос. — Я сам спасаю Ричарда.

Елена Сергеевна зажгла свой фонарь и увидела, что по ошибке спасла вовсе не Ричарда Темпеста и даже не какого-нибудь другого человека, а странного на вид шарообразного робота с длинными руками и короткими ногами, неизвестно как оказавшегося в глубоком подземелье замка Крак де Шевалье в конце двенадцатого века нашей эры.

— Ты никого не можешь спасать, — заявила Елена Сергеевна, — потому что ты не спасатель и вообще неизвестно, кто ты такой.

— Я археологический робот первого класса по имени Арх. А вот с кем имею честь говорить, не знаю.

— А я спасатель Института Времени Елена Сергеевна Простакова. Я прибыла сюда из двадцать первого века.

— Вы не очень спешили, девушка, — сказал на это археологический робот. — Пока вы соби-

*Узник вывалился в подвал и потянул
за собой Елену.*

рались, нас всех могли перебить, отдать в рабство и посадить в тюрьму.

Елена Сергеевна Простакова немножко обиделась.

— Во-первых, — произнесла она, — как только я получила сигнал тревоги, я бросила все и кинулась сюда.

— Что такое — все? — строго спросил маленький робот.

Его бока были покрыты пылью и каменной крошкой, а кое-где даже помяты. И некоторые из инструментов, которые служили ему пальцами, были погнуты и обломаны.

— Я только-только села за стол, — призналась спасательница. — На моем дне рождения.

— И сколько же вам лет, спасатель?

— Мне уже двадцать два года, — ответила Елена Сергеевна. — Но, к сожалению, я слишком молодо выгляжу.

— Это исправимо, — утешил робот. — Но я бы не дал вам... Поверните фонарь, чтобы мне лучше было видно... Спасибо. Я не дам вам больше восемнадцати!

— Хватит разговорчиков. Спасая вас, я потеряла много времени. Мне пора спасать Ричарда и Алису, — сказала Елена.

— А вы думаете, я чем занимался? — удивился робот. — Ведь я пробивался именно сюда. В это подземелье.

— Почему?

— Да потому что я подслушал, что здесь они содержали Ричарда Темпеста.

— А где он теперь?

— Коллега, не задавайте глупых вопросов, — ответил робот Арх. — Вы же видите, что его здесь нет.

Спасательница согласилась с роботом и быстро

провела лучом фонаря по стенам подземелья. И не зря. Возле железной двери на стене было выцарапано чем-то острым:

«Меня уводят. Граф не хочет меня оставлять. Ричард».

— Вот видите, — сказал робот. — Я же знал, где искать.

— А я думаю, что теперь надо отыскать графа. Где граф, там и Ричард, — заметила спасательница.

— Замечательная мысль! — воскликнул робот. — Может, вы знаете, где Алиса?

— Нет еще. Но я ее тоже спасу.

— Тогда не будем терять время понапрасну.

Робот побежал к железной двери и отворил ее. Никакой охраны поблизости не было. Каменная лестница вела наверх.

Елена Сергеевна, сопровождаемая археологическим роботом, поспешила наружу, хотя, конечно же, ей больше всего хотелось отдохнуть.

Они пробежали через пустой двор. Ворота в крепость были приоткрыты — так спешили в бой стражники графа. Правда, на склоне холма Елена Сергеевна увидела пастуха, который медленно брел за стадом овец. И она подумала: что-то уж очень долго здесь гуляет одинокий пастух. И в этот момент археологический робот произнес:

— Что-то не нравится мне этот пастух. Когда мы с Алисой здесь проходили несколько часов назад, он уже здесь ошивался.

Спасательница подошла к пастуху. Тот очень удивился, увидев ее и робота. Но не убежал.

— Скажите, — спросила спасательница, — куда повезли нашего друга Ричарда Темпеста?

— И мою подругу Алису Селезневу? — спросил Арх.

Спасательница задала свой вопрос на арамей-

ском языке, а потом на арабском и еще шести языках. А Арх спросил на старофранцузском языке, потому что они с Алисой на этом языке уже со многими здесь разговаривали.

Но пастух ничего им не ответил. И неясно было, понял он что-нибудь или нет. Но потом он поднял руку и показал в сторону — туда, где над долиной клубилась туча пыли.

Робот и спасательница побежали к туче, догадавшись, что там кипит бой. Но через некоторое время Елена Сергеевна остановилась, чтобы проверить направление.

— Что это еще такое? — спросил робот, крутя головой.

— Это «ричардоискатель».

— Зачем он нужен?

— Чтобы отыскать Ричарда Темпеста, — сказала спасательница.

Робот вытянулся на коротких ногах, чтобы разглядеть циферблат небольшого приборчика. Там была стрелка. Она показывала в сторону тучи, и рядом было указано расстояние: «4 км 760 м».

— Ричард там? — спросил робот.

— Вот именно, — ответила девушка.

— Значит, граф утащил его с собой, не рискнул оставить в замке. А может, не сам догадался, а ящерицы подсказали.

— Кто подсказал? — не поняла спасательница.

— Его инопланетные союзники. Розовые ящерицы.

— А где же они?

— Вот это я и хочу проверить, — сказал робот Арх. — По моим расчетам, их космический корабль должен скрываться вон в том ущелье, за высокой скалой, на которой возвышается крепость.

— И вы пойдете туда? — удивилась спасательница.

— Да. Пока вы будете спасать своего Ричарда, я постараюсь выручить Алису Селезневу.

— Но почему вы решили, что она в корабле?

— Или в корабле, или вон в той крепости. Я не зря сидел в заточении в замке Крак де Шевалье. У меня замечательный слух.

— Хорошо, — согласилась спасательница. — Как только я спасу Ричарда, я сразу поспешу к вам на помощь.

Робот Арх не стал прощаться, а, с удивительной скоростью перебирая ногами, ринулся в сторону скал. И скоро лишь клуб пыли указывал, где он бежит.

Вдруг пыль перестала вздыматься — робот остановился и пронзительно крикнул Елене:

— Тебе не дашь двадцати двух. Я думаю, тебе сегодня исполнилось семнадцать!

Елена смотрела ему вслед и улыбалась — очень смешной и гордый робот! Она уже готова была включить пропеллер и нестись в сторону битвы, как вдруг ее внимание привлек далекий пронзительный крик. Подняв голову, она увидела, как с балкона крепости, нависшего над бездонной пропастью, сорвалась маленькая человеческая фигурка и, медленно переворачиваясь, полетела вниз.

Не забывайте, что Лена Простакова по своей натуре была спасательница. И если она видела, что может кого-то или что-то спасти, она забывала о себе и бросалась спасать. Именно таких людей и отбирают в спасатели Института Времени.

Поэтому, увидев человеческую фигуру, падающую со скалы, да еще поняв, что это ребенок, Елена забыла обо всем: о Ричарде, об Институте

Времени и даже о своей докторской диссертации «Опыт спасания сотрудников Института Времени в чрезвычайных ситуациях каменного века». Она понеслась вперед, чтобы подхватить девочку, прежде чем она коснется земли.

Лена обхватила девочку руками и бешено закрутила пропеллер, чтобы не разбиться вместе с нею.

Ей удалось удержать девочку лишь у самой земли, и она упала на спину, чтобы спасенный ребенок поменьше ушибся.

Пропеллер, конечно же, разлетелся вдребезги, спина превратилась в сплошную ссадину. На затылке выросла шишка с апельсин. Притом Елена так перепачкалась в пыли, что и родная мама не узнала бы спасательницу Простакову.

Пока Лена, совершенно оглушенная, лежала на жухлой траве, Мариам, которая даже и не поняла, что произошло — так она стремилась к дяде! — поднялась и, прихрамывая, побежала к Саладину.

Как ни странно, никто, кроме Алисы и Старца Горы, не заметил падения Мариам. А ее чудесное спасение вообще прошло незамеченным, потому что Алиса в этот момент в ужасе зажмурила глаза, а Старец отвернулся — какой бы он ни был жестокий, все же он не хотел смотреть, как разобьется несчастная девочка.

Алиса очнулась от взрыва голосов — множество людей кричали и бряцали оружием.

Непроизвольно Алиса обернулась к экрану монитора и, к своему изумлению, увидела, как к знатным воинам подбегает, хромая и горбясь, маленькая девочка в разорванном платье.

Султан Саладин уже издали узнал племянницу. При виде девочки султан ловко спрыгнул с коня

и ринулся к ней навстречу. Он подхватил ее, поднял и прижал к груди.

Его воины горячили коней, размахивали копьями и мечами, и в самый разгар этой суматохи султан поднял руку вверх, призывая к молчанию.

Алиса понимала, что чудес не бывает и люди не остаются живыми, упав с высокой скалы, но как не поверить собственным глазам? Племянница султана была жива и обнимала своего великого дядю.

Взгляд Алисы упал на супругов де Шатильон. Они были в ужасе. Граф Рено пытался спрятаться в толпе рыцарей, он тянул Констанцу за руку, чтобы прикрыться ею, а графиня зло отталкивала руки мужа.

Шум немного утих, и Алиса смогла различить голос султана, который обернулся к английскому королю.

— Аллах велик! — произнес он. — И не оставит в беде и несправедливости тех, кто верит в него. Ты видишь перед собой, король, мою единственную любимую племянницу Мариам. Откуда ты взялась, девочка?

Мариам с трудом оторвалась от груди дяди и показала наверх.

— Меня держали в плена, вон там! Я прыгнула и улетела оттуда!

— Этого не может быть! — воскликнул король Ричард Львиное Сердце.

— Это чудо, сотворенное Аллахом, — ответил Саладин. — Не так ли?

— Воистину! — закричали его воины, ударяя мечами о круглые щиты.

— Почему ты оказалась там? — спросил Саладин.

— Меня подарили страшному имаму, — ответила Мариам.

— Проклятие! — услышала Алиса голос Старца Горы. — Это гибель! Он никогда меня не простит. Он потратит всю жизнь, чтобы убить меня! И зачем я согласился взять эту проклятую девчонку!

И с этими словами Старец Горы выбежал из комнаты во двор крепости, и Алиса услышала, как он там отдавал приказания. Но она не прислушивалась, потому что ей интереснее было следить за тем, что происходило на равнине.

— Кто же подарил тебя мерзкому старику? — грозно спросил Саладин, когда гневные крики его воинов стихли.

— Вот этот человек, — сказала Мариам, — отдал старику в рабство меня и еще одну девочку.

И она показала здоровой ручкой на графа де Шатильона.

— Я его убью собственными руками! — закричал Саладин. — Я его порублю на куски!

— Погоди, султан. — Алиса увидела, как король Англии подъехал ближе к султану. — Я разделяю твою радость, потому что ты обрел потерянную родственницу. Но я хочу знать, может ли она быть свидетельницей других преступлений графа де Шатильона?

— Мариам, — попросил Саладин, — скажи королю франков, кто убил твою маму?

— Мою маму убил этот страшный толстый франк, — сказала девочка.

— Она лжет! — испуганно завопил граф. — Как вы можете верить грязной рабыне?

Король Ричард Львиное Сердце поморщился — он не любил трусов.

— Он убил мою маму, — повторила Мариам, — потом он меня мучил.

— Мучил? — Саладин побледнел от гнева.

— Мне трудно в это поверить, — сказал Ри-

чард. — Я не слышал раньше о подобной жестокости.

И тут неожиданно в разговор вмешался второй Ричард — пленный сотрудник Института Времени.

— Клянусь вам, — произнес он, вцепившись в толстые прутья клетки, — эта девочка говорит правду. Я попал в плен к графу де Шатильону и его друзьям. И они никак не могли добиться от меня нужных сведений. И когда они поняли, что не заставят меня заговорить... — Голос Ричарда сорвался, и он с трудом продолжал: — Они... — он показал на графа и графиню, — велели привести девочку. Клянусь, я не сразу понял, что они могут пойти на это.

— Проклятый гяур! — закричал султан Саладин. — Значит, ты причина всех моих несчастий! Убейте этого негодяя!

Воины рванулись к Ричарду, и лишь прутья клетки спасли ему жизнь. Девочка Мариам закричала:

— Нет, не трогайте его, он добрый. Как только этот дядя понял, что они со мной делают, он им все сразу рассказал — только чтобы избавить меня от боли!

— Остановитесь! — приказал воинам Саладин. — Если принцесса Мариам сказала, значит, так тому и быть. Ты свободен, франк, и можешь уйти куда хочешь.

Султан Саладин передал племяннице одному из воинов, а сам посмотрел на короля Англии.

— Ну как, король Ричард? — спросил он. — Теперь наконец ты мне веришь?

Вместо ответа король обернулся к Ричарду-временщику:

— Чем ты так провинился перед графом де Шатильоном, что он пытал тебя? Что за тайну

ты скрывал от него? Может быть, ты посланник дьявола?

— Вот именно! — закричала графиня Констанца. — Вы только поглядите на него! Это сам дьявол!

— Если бы я был дьяволом, — улыбнулся Ричард, который отлично умел владеть собой — этому учат в Институте Времени, — то кто бы удержал меня в такой клетке?

— Это так, — кивнул Ричард-король. — Продолжай.

— Я путешественник из дальней страны. А графу нужны были секреты.

— Какие?

— Секреты пути в мою страну. Но ты знаешь, король, как тщательно берегут торговые пути купцы всех стран.

— Так, значит, ты купец?

— Значит, я купец, — сказал Ричард.

Некоторое время король Ричард размышлял, разглядывая своего тезку — оборванного, избитого, грязного, измученного, в котором родная мама не узнала бы сотрудника Института Времени. Потом он произнес:

— Я верю этому человеку. У него добрые глаза.

— Значит, ты веришь и мне, король франков? — спросил Саладин.

Ричард Львиное Сердце наклонил голову.

Саладин глядел теперь на своих пленников.

— Я не виновата! — воскликнула графиня Констанца, увидев смерть в его взгляде.

— Я не воюю с женщинами, хоть ты и виновата, — сурово сказал султан. — Уходи! Ну, уходи же!

Констанца подобрала подол платья и побежала прочь, в пустыню, не оборачиваясь и даже не попрощавшись с мужем. Ее черные длинные

*Некоторое время король Ричард размышлял,
разглядывая своего тезку.*

волосы растрепались — она стала похожа на ведьму.

— Констанца! — закричал граф де Шатильон. — Ты почему покинула меня?

Но та не слышала.

— Ты, рыцарь Храма, — сказал Саладин, обернувшись к молодому храмовнику Солсбери, — тоже присутствовал при этом и не вступился за ребенка. Ты проведешь остаток своих дней в моей тюрьме. Если тебя не выкупит твой орден за сто фунтов золота.

— Мой орден никогда не заплатит столько за меня! — в ужасе воскликнул храмовник.

— Это ваше дело, — ответил султан. — Уведите его.

После этого он посмотрел в глаза графу де Шатильону.

— Что же мне делать с тобой? — спросил он. — Что мне делать с тобой, вонючая собака?

— Я ни в чем не виноват! — закричал граф. — Меня оклеветали. Это все розовые дьяволы виноваты. И ваш Старец Горы. Они опутали меня.

— Молчи! — приказал ему Ричард Львиное Сердце. — Я не хочу стыдиться за благородных рыцарей.

— Король, выкупи меня! Я верну тебе любой долг.

— Ты отдашь мне этого человека? — спросил английский король.

— Есть вещи, которые нельзя купить, — ответил султан Саладин. — Это слезы и смерть беззащитных женщин и детей.

— Ты прав, султан, — произнес король Англии и легонько натянул поводья своего черного коня.

И тот послушно понес своего всадника прочь. За ним поскакали знаменосец и несколько молчаливых рыцарей — свита английского короля.

И тогда султан Саладин легким движением выхватил свой меч.

И больше Алиса никогда его не видела.

— Король! — кричал ему вслед граф де Шатильон. — Я тебе расскажу страшные тайны. Ты станешь владыкой мира!

Но Ричард не обернулся.

И тогда султан Саладин легким движением выхватил свой меч. Шатильон отшатнулся, но Саладин был быстрее — граф упал на землю...

Воины и вельможи, окружившие султана, радостными криками приветствовали смерть графа Рено.

— Месть свершилась! — воскликнул Саладин.

Все внимание было приковано к Саладину и мертвому графу.

И никто не заметил, как из тучи пыли вышла еще одна молодая женщина — такая пыльная, измученная, что никто не обратил на нее внимания. Ведь за средневековыми армиями всегда следовали толпы нищих, попрошаек, воров и мародеров, которые, как вороны, питались падалью войны. Вот и эта женщина казалась такой бродяжкой.

И когда она подошла к забытой всеми клетке, в которой был заперт Ричард Темпест, на нее никто не смотрел.

Ловким движением спасательница сунула в отверстие замка, что закрывал клетку, стальную заколку, которой скреплялись ее волосы. Замок послушно щелкнул и открылся.

— Быстрее! — прошептала спасательница.

Она подставила Ричарду руку, и тот с трудом, опираясь на нее, выскоцил из клетки и побрел, прихрамывая, прочь.

Но и тогда никто не обратил на них внимания.

Когда они удалились от места битвы, спасательница включила пропеллер, который хоть и был сломан, все же помогал ей идти вперед.

— Так это ты, Елена! — воскликнул Ричард. — Я тебя сразу и не узнал.

— Ничего, — ответила Елена, улыбаясь, — вымоюсь, причешусь, и узнаешь.

— Но у тебя на лице такие кровоподтеки! У тебя выбит зуб, под глазом синяк.

— Ричард, — строго проговорила спасательница, — ты ведешь себя невежливо. Ты забыл, что я спасательница и мне положено получать синяки и шишки. А зуб вырастим новый.

— Мне тоже досталось, — виновато сказал Ричард.

И, помогая друг другу, они пошли к замку Крак де Шевалье.

По дороге они обогнали графиню Констанцу, но она их даже не заметила — наверное, приняла за раненых из ее собственного войска.

Доведя Ричарда до круга, посреди которого находился воздушный туннель в будущее, спасательница помогла ему войти в круг и сделать нужные движения, чтобы включилась машина времени.

— А я сейчас слетаю за Алисой и вернусь, — сообщила Елена.

— Я хотел бы тебе помочь... — вздохнул Ричард.

— Ничего, не беспокойся, — ответила спасательница, — я не одна. Со мной археологический робот Арх.

— Я буду ждать тебя, — предупредил Ричард и исчез. Улетел в двадцать первый век.

Спасательница Елена Сергеевна оглянулась. Было тихо. Природа забыла о сражении. Графиня Констанца медленно и устало поднималась по дорожке к замку. Никто ее не встречал. И розового шарфа на ее шее в этот раз не было.

Пастух, который стоял у дороги возле стада овец, смотрел ей вслед.

Потом обернулся к Елене Сергеевне и подмигнул ей.

Та ничего не ответила, потому что так и не знала, на каком языке надо разговаривать с пастухом.

Собрав последние силы, она побежала — потому что пропеллер совсем уж никуда не годился — в сторону крепости исмаилитов.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Алиса больше не хотела смотреть на то, что происходит внизу. Честно говоря, и смотреть-то было не на что.

В туче пыли, на фоне темнеющего восточного неба, скрывалась армия Саладина, которая медленно уползала к Дамаску, уводя пленных и унося добычу. Где-то там, на роскошных носилках, едет несчастная принцесса Мариам. А может, она сейчас счастлива — для нее все хорошо закончилось... не то чтобы хорошо, но могло быть хуже.

Алиса осторожно толкнула дверь комнаты.

Дверь послушно отворилась.

В крепостном дворе не было ни души. Там царило такое запустение, словно последние фидаи вместе со своим имамом убежали лет сто назад.

Неужели они так испугались мести Саладина?

Впрочем, какое дело Алисе до всего этого? Она почувствовала, что страшно устала за такой длинный день. Наверное, никогда в жизни она еще так не уставала.

Теперь домой, в двадцать первый век...

Еле переставляя ноги от усталости, Алиса пересекла крепостной двор. Ворота были полуоткрыты. Она протиснулась в щель и стала спус-

каться вниз по крутой лестнице, вырубленной в скале.

Стояла тишина, особенно ясной и спокойной она была после грохота битвы, шума и криков.

Спуск казался ей бесконечным, и она вдруг испугалась: а что, если Ричард уйдет в будущее и оставит ее здесь? Но тут же она улыбнулась своим страхам — ее никогда не оставят в беде. Ведь даже в средние века Саладин не оставил в беде свою племянницу. А в двадцать первом веке люди друг друга никогда не подводят.

Едва лестница обогнула скалу, перед глазами Алисы оказался космический корабль розовых ящериц. А она вовсе забыла о них! Как же так? Ведь все из-за них и началось. Алисе казалось, что эти ящерицы уже давно улетели к себе, награбив, что могли, и внеся свару в наш мир.

Возле корабля было несколько ящериц — видно, они заканчивали последние приготовления к отлету. Им очень повезло, что во время боя их не заметили ни Саладин, ни король Ричард.

«Ладно уж, летите, — мысленно разрешила Алиса. — Но впредь мы будем тщательно проверять прошлое время — нам совсем не хочется, чтобы нашу планету грабили все кому не лень».

Размысляя так, она спустилась на землю и только сделала два шага в сторону долины, как неожиданно кто-то накинул на нее прочную непроницаемую ткань и сшиб с ног.

Вокруг раздавались шуршание, неясный шум.

Алиса попыталась вырваться, но потом поняла, что ее крепко держат — наверное, напали какие-то работорговцы, и она сама виновата, что потеряла осторожность — будто гуляла по Москве, а не по Палестине двенадцатого века.

Алису куда-то волокли, она не сопротивлялась,

потому что хотела сохранить силы, когда убежит. А в том, что убежит, она не сомневалась.

Прошло минуты три-четыре. Алиса почувствовала, что ее похитители начали втаскивать ее наверх. И было странно — она поняла, что у похитителей не было рук. Ведь если тебя схватили и тащат, ты чувствуешь руки, которыми тебя схватили. А ее тянут десятки маленьких лапок... Ну конечно же, это маленькие лапки! Ящерицы!

— Этого еще не хватало! — возмутилась Алиса. — Мало вам грабить нашу Землю, вы еще решили меня похитить. Нет, вам это даром не пройдет!

Тут лапки отпустили ее, Алиса сбросила с себя покрывало, и оказалось, что она стоит посреди грузового отсека космического корабля, который представлял собой обширный зал, набитый вещами и добром, которое ящерицы набрали на Земле. Множество ящериц окружало Алису.

— Добро пожаловать на наш корабль! — сказала хромая ящерица.

— Немедленно отпустите меня! — потребовала Алиса.

— Нам нужен заложник, — ответила ящерица. — Мы потеряли твоего друга Ричарда, но нашли ему хорошую замену.

— Но зачем вам я?

— Мы хотим спокойно улететь отсюда и знать, что никто не будет нас преследовать. За пределами Солнечной системы мы тебя отпустим.

— Но ведь я буду жить через тысячу лет! Здесь у нас нет космических кораблей. Кто меня найдет и вернет родителям?

— Ничего не знаем! — заявила ящерица. — Никому не верим! Ты наша заложница.

Алиса разозлилась и, потеряв терпение, кинулась на ящериц.

— Перестань! — крикнула хромая ящерица. — Мы тебя расстреляем паралитическими пулями. Ты этого хочешь?

И чтобы Алиса не сомневалась в ее словах, она выстрелила в девочку из бластера. Алиса почувствовала боль в плече, и тут же плечо онемело.

— Ничего у вас не выйдет! — сказала Алиса, хотя ей больше всего хотелось плакать.

— Приготовить корабль к полету! К нам приближается опасный противник! — раздался голос сверху — видно, из пульта управления корабля.

— Ложись! — прозвучал приказ.

Все ящерицы вокруг — а было их несколько сот — улеглись на мягкий пол, прижались к нему и покрыли центр отсека словно розовым ковром.

«Сейчас мы поднимемся в небо, и тогда я уж никогда не увижу моих друзей», — подумала Алиса, но ничем не показала своего страха и даже не стала ложиться, как велела главная ящерица. Она верила в спасение.

И в самом деле — в тот момент, когда по внутренней связи начался отсчет последних секунд, случилось вот что.

В закрытом и задраенном люке появилась раскаленная белая точка. Точка двигалась и превращалась в окружную линию. Ящерицы в ужасе заверещали.

И тут же такая точно белая точка появилась внизу в полу и тоже превратилась в окружную раскаленную линию.

Раз-два-три!

Круг, вырезанный в люке из сверхпрочного металла, упал внутрь корабля, пропустив вечерний свет пустыни, и одновременно другой такой же круг выпал из корабля на землю.

Сквозь входной люк в корабль ворвалась длин-

ноногая встрепанная худая девушка с резаком в руке и сломанным пропеллером за спиной.

— Ни с места! — приказала она. — Спасатель Института Времени требует немедленно отпустить Алису Селезневу!

А в полу корабля показалась нашлепка на шаре — голова робота Арха.

— Лапы вверх! — велел он. — Немедленно освободите мою подругу Алису Селезневу!

— Ну вот, — сказала Алиса, — доигрались. Вы сами виноваты в том, что заставили моих друзей сделать в вашем корабле по крайней мере две дырки. Как вы теперь улетите от нас — ума не приложу!

На самом деле Алисе хотелось сразу и плакать, и смеяться. От счастья, что все кончилось, и от жуткой усталости.

Ящерицы принялись стенать и кричать. Даже требовать, чтобы люди починили им корабль.

— Ничего особенного, — успокоила их Елена Простакова, которая отлично разбиралась в кораблях всех марок. — Если вы выгрузите все награбленное у нас, то сможете починить корабль и кое-как доберетесь до дому.

— Мы не грабили! — закричали ящерицы. — Мы менялись.

Но Алиса, Елена и робот не стали задерживаться.

Они вышли из корабля ящериц и не спеша направились к замку де Шатильонов. У Алисы ноги подгибались, и поэтому она проехала часть пути верхом на шаре — роботе Архе, который без передышки рассказывал о своих приключениях. Но Алиса не слушала. Она дремала.

— Кстати, Алиса, — разбудил ее Арх. — Ты знаешь, что у нашей спасательницы сегодня день рождения? Ей исполняется пятнадцать лет!

*У Алисы ноги подгибались, и поэтому она проехала
часть пути верхом на шаре.*

— Не говори глупостей. Мне двадцать два, — отозвалась спасательница.

— Ты красивая, но слишком худая! — не сдавался робот.

Они легко отыскали обведенный бороздкой туннель времени.

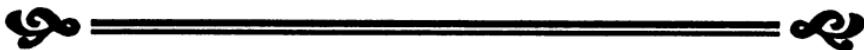
Воздух внутри этой бороздки был туманным и дрожал.

У дороги стоял молодой пастух.

— До встречи! — крикнул он по-старофранцузски.

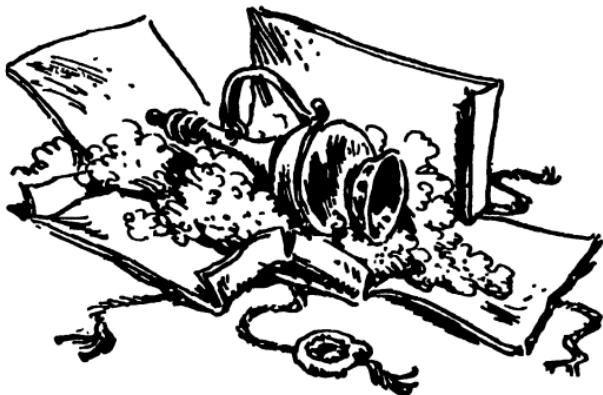
Алиса зашла в кабину, — а ее с роботом Архом отправили первой, — кинула последний взгляд на замок Крак де Шевалье и увидела, что на башне стоит графиня Констанца. Наверное, все от нее убежали, подумала Алиса.

Но тут машина времени заработала — Алису потянуло наверх, и через минуту она уже стояла возле сверкающей кабинки времени, перед которой ее ждал похудевший вдвое от переживаний милейший археолог Громозека.

ГОСТЬ
В КУВШИНЕ

*Замечательному художнику
Евгению Мигунову, другу Алисы,
подарившему идею этой повести*

Глава 1 НЕЖДАННЫЙ ДЖИНН

Просто нежданный гость — это полбеды. Нежданный джинн в доме — это целая беда.

Однажды в июне Алиса получила посылку.

Посылка была тяжелой и со всех сторон оклеенной надписями «Не кантовать!», «Верх», «Низ», «Бок».

Семья собралась вокруг стола, на котором лежала посылка.

Дедушка считал, что посылка напоминает коробку с хрустальным сервизом. Бабушка решила, что внутри ящика находится аквариум, папа предположил, что Алисе прислали супертелевизор, принимающий программы с Марса, только мама призналась, что не представляет, что там находится. Тогда домашний робот Поля, которого все называют домработником, поднял руку и произнес:

— Попрошу всех покинуть квартиру.

— Почему? — спросил дедушка.

— Потому что скорее всего в ящике находится бомба замедленного действия. Наконец-то террористы добрались до семейства Селезневых. Они хотят отомстить Алисочке за то, что она разоблачила космических пиратов.

Все засмеялись, но не очень громко.

Когда тебе говорят, что на столе лежит самая настоящая бомба, ты, конечно, понимаешь, что это шутка. А потом думаешь: а вдруг это не шутка?

— Чепуха! — решил папа и добавил: — А по какому номеру вызывать саперов?

— Ты меня смешишь, — сказал дедушка. — Неужели мы с тобой сами не обезвредим какую-то глупую бомбочку?

Но робот Поля уже укатился на кухню и оттуда вызвал группу саперов, которые через три минуты влетели в открытое окно. Саперов было двое, они были одеты в бронекостюмы, за их спинами вертелись пропеллеры. Саперы понюхали, потрогали, осмотрели ящик. Особенно их заинтересовал обратный адрес: «Эпоха легенд. Древняя Аравия. Пещера джиннов».

— Скорее всего, — сказал главный сапер, — это сказочная посылка. — Он вынул из чемоданчика генератор силового поля и добавил: — Сейчас мы его обесточим, а потом посмотрим.

Силовое поле окутalo посылку невидимой преградой, которая все пропускает снаружи, но ничего не пропускает изнутри.

Затем главный сапер со всей осторожностью разрезал ножницами шпагат, которым была обвязана посылка, снял оберточную бумагу, сильными пальцами раскрыл фанерный ящик, и оказалось, что внутри него находится большой ком ваты.

Сапер принялся распутывать вату и вскоре утонул в ней по уши. Вата не могла выбраться

из силового поля, и поэтому саперу было очень неудобно работать.

— Есть! — закричал он, но никто не увидел, что же он нашел.

— Это не бомба, — сказал он. — Снимай защиту!

Второй сапер отключил силовое поле, и первый сапер упал на пол в ворохе ваты. В руках он держал большой медный кувшин. Старинный, украшенный чеканными узорами и заткнутый медной пробкой.

Сапер сказал:

— Тяжелый кувшин. Видно, полный вина.

— Алисочка не пьет вина! — возмутился девушка.

Сапер поболтал кувшином, и изнутри донесся глухой звук. Словно крик, заглушенный подушкой.

— Там кто-то есть! — воскликнула бабушка. — Там находится несчастный пленник! Срочно освободите его.

— Я бы на вашем месте хорошенъко поду-

мал, — ответил главный сапер. — А если это кричит какой-нибудь гигантский зловещий микроб?

— Или чудовище из болот Ядовитых гор? — поддержал его второй сапер.

Сапер поставил кувшин на стол, и все смотрели на него, ожидая, что будет дальше.

И тогда в полной тишине кто-то постучал по стенке кувшина изнутри.

— Неужели злобный микроб будет стучать? — спросила Алиса.

— А тем более чудовище из Ядовитых болот, — сказал папа.

— Они бывают жутко коварными, — не сдавался второй сапер.

— Тогда придется кому-то окружить себя силовой защитой, открыть кувшин и рискнуть жизнью. Я старый, меня не жалко, — решил дедушка.

— Я возражаю, — сказал сапер. — Человеческая жизнь бесцenna.

И все посмотрели на Полю, потому что понимали, что робота в крайнем случае можно починить.

— Почему вы так на меня смотрите? — взъярился робот. — Вы хотите пожертвовать мною? Говорите правду! И ты, Алиса, такая же жестокая, как все?

— Я согласна сама открыть кувшин, — заявила Алиса.

— Но мы ей этого не позволим! — хором закричали саперы.

— А если меня исковеркает до неузнаваемости? — спросил домработник Поля.

— Мы сделаем тебе оболочку лучше прежней, — сказал дедушка.

— А я могу отказаться? — робко поинтересовался робот.

— Отказаться ты можешь, — ответил первый сапер. — Каждый робот, который забывает, что его главная задача — охранять людей, может отказаться. Но тогда нам придется...

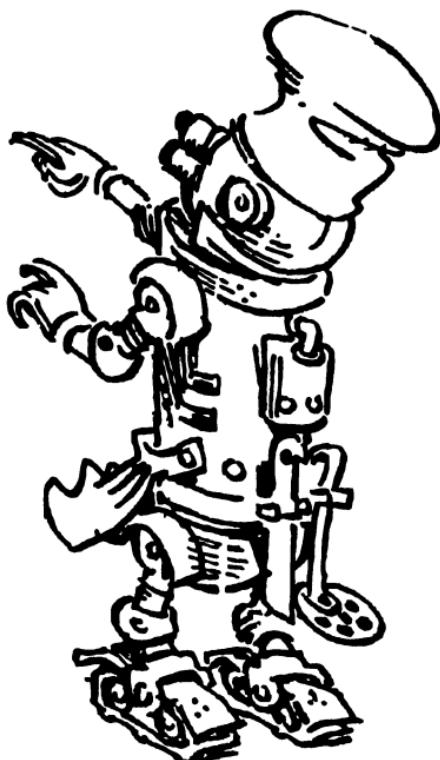
— Пустить его на переплавку, — вздохнул второй сапер.

— Они шутят! — воскликнула бабушка.

— Вот расплавим, тогда и посмотрим, — ответил ей сапер. — У саперов не бывает чувства юмора, потому что бомбы не смеются.

— Алиса, — произнес робот Поля, — я завещаю тебе коллекцию монет.

— Я сама! — закричала Алиса, так ей стало жалко робота.

Отец схватил ее и прижал к себе.

Робот Поля подошел к столу. Саперы выпустили из генератора невидимое силовое поле, и робот оказался в нем, как в круглой банке.

Он обернулся, встретился взглядом с Алисой и кивнул ей. Алиса с трудом сдерживала слезы.

Робот поднатужился, вытащил пробку из кувшина, и оттуда вырвались клубы черного дыма. Видно было, как в дыму шевелится кто-то большой и страшный.

— Разве так встречают гостей? — послышался из дыма громовой голос.

Могучими ручищами неизвестное чудовище разорвало силовое поле и выросло до потолка.

Оказывается, в кувшине скрывался мужчина пожилого возраста с собачьими ушами, в чалме, украшенной драгоценными камнями, в расшитой куртке, распахнутой на груди, и широких шелковых синих шароварах. Его наряд заканчивался золотыми туфлями с острыми загнутыми носками.

— Я оскорблен и унижен! — рычал гость.

— Простите, — сказала Алиса, вырываясь из папиных рук и кидаясь к чудовищу. — Я вас узнала!

— Узнала?

— Вы Мустафа! Вы младший брат джинна Хасана ибн-Хасана, который помог мне, когда я путешествовала в эпохе легенд! Но почему вас прислали в посылке?

— А как мне еще до тебя добраться? — спросил джинн. — Я сидел в пещере на берегу Аравийского моря в медном кувшине и ждал, когда наступит ледниковый период. Но мне же было скучно! И я тогда спросил своего брата Хасана: «У тебя есть знакомая молодая волшебница, которая будет жить в далеком будущем?» И мой брат Хасан кивнул своей мудрой головой.

«Ты сделал ей одолжение?» — спросил я. И мой брат Хасан подтвердил, что это именно так. И тогда я спросил: «Брат Хасан, можно ли мне немного размять ноги и слетать в далекое будущее, чтобы познакомиться с девочкой Алисой и слегка развлечься у нее в гостях?» И мой брат Хасан дал мне на это согласие. Тогда меня вместе с кувшином поместили в посылку. Эту посылку

мой друг Синдбад-мореход отвез на край дикого леса, там отыскал в дупле векового дуба глубокоуважаемую машину времени, положил посылку со мной, то есть с кувшином, в машину времени и нажал соответствующую кнопку. Как я понимаю, посылку получили в вашем Институте Времени и послали по почте дальше. И вот я оказался в твоем доме, я жду радости по поводу моего приезда, я жду музыки и развлечений, а вместо этого надо мной издеваются эти железные человечки.

— Простите, Мустафа, — сказала Алиса, — мне очень приятно с вами познакомиться. Но я совсем не ожидала, что вы приедете к нам в таком ящике. Я думала, что джинны приезжают на шелковых носилках или хотя бы верхом на слонах.

Мустафа сделал вид, что не услышал слов Алисы. Вместо этого он строго спросил:

— А это что за людишки здесь собирались?

— Я как раз собиралась вас со всеми познакомить. Сначала с моей бабушкой Клавдией Матвеевной.

Джинн расплылся в улыбке. Он вытащил из мешочка, висевшего у него на поясе, скромный, но изящный нефритовый браслет и произнес:

— Дорогая Клавдия-джан. Всю свою жизнь я мечтал встретиться с такой мудрой и заслуженной женщиной, как ты. Я мечтал, что мы будем обсуждать с тобой строки древних сказаний, будем говорить о воспитании внуков и правнуков. Возьми мой скромный дар, Клавдия-джан, да хранит тебя небо. Этот браслет вырезан руками гномов в пещерах Бадахшанских гор.

Бабушка поблагодарила джинна, а Алиса познакомила с джинном дедушку. Алексей-ага получил в подарок от джинна сапфировые четки и

шелковую чалму. Затем по-дошла очередь мамы. Маме досталось коралловое ожерелье. Папа Алисы особенно понравился джинну, и поэтому профессору Селезневу пришлось принять от джинна в подарок кривую саблю дамасской стали в серебряных ножнах. Джинн сказал при этом:

— Учи, профессор-ага, этот клинок разрезает на лету конский волос. Хочешь попробовать? Возьми у любого своего коня и разруби!

— Простите, Мустафа, — сказал профессор, — но у меня дома нет ни одного коня.

— Не может быть, чтобы волшебница Алиса жила в такой бедной семье! Но у тебя должен быть хоть один верблюд!

— Простите, но у меня нет верблюда.

— Неужели на все хозяйство у вас только один осел? — расстроился джинн.

Он разволновался, пыхтел черным дымом, из глаз капали на ковер слезы, состоящие из серной кислоты, и прожигали в ковре дырки.

И тогда Алиса спасла положение.

— Вы не правы, глубокоуважаемый Мустафа! — воскликнула она. — Мой отец, премудрый профессор Селезнев, владеет несметными богатствами. У него есть железные слуги. Вот трое перед вами. — Она показала на саперов в касках и бронекостюмах и на домашнего робота Полю.

— То есть как? — удивился первый сапер. — Нас вызывали на обезвреживание, а теперь называют слугами!

— Вы свободны, — сказала им Алиса. — Спасибо за службу.

И она им так выразительно подмигнула, что саперы догадались, что Алиса шутит, взяли под козырек и дружно ответили:

— Рады стараться!

— Кроме того, мой премудрый отец, — продолжала Алиса, — владеет особым царством под названием Космический зоопарк, или Космозо. Слышали ли вы, Мустафа, о таком царстве?

— Нет, не приходилось, госпожа.

— Именно там собраны все самые страшные чудовища с разных звезд. И мой глубокомудрый отец повелевает ими, но держит в клетках, чтобы они не сожрали все живое.

— О небо! Какое счастье! — закричал Мустафа. — Я не ошибся! Я и на самом деле приехал в гости к могущественнейшему семейству на земле.

— Можно считать, что так, уважаемый Мустафа, — согласилась Алиса и подумала, что даже такой требовательный к другим людям человек, как ее друг Пашка Гераскин, порадовался бы находчивости Алисы.

И тут в комнату вошел марсианский богомол.

Надо сказать, что у Алисы всегда живут разные звери и птицы. Одни немного, другие подолгу, а марсианский богомол прижился на всегда. Потому что его почти не надо кормить

и поить. Как известно, марсианские богомолы едят раз в месяц, а пьют только 29 февраля, в високосном году. Так что даже если все Селезневы, народ, как известно, беспокойный и непоседливый, разъедутся по разным концам Галактики, а домработник Поля отправится на конгресс нумизматов, ничего с богомолом не случится. Он замрет посреди комнаты и не двинется, пока кто-нибудь не вернется.

Марсианский богомол похож на палку с круглыми глазами, приделанную к шести длинным, тонким, членистым, но очень крепким ногам. Ростом он Алисе по пояс. На первый взгляд к нему страшно подойти: заденешь слегка, и его ноги сломаются. Ничего подобного! Как-то богомол задумался, вышел на улицу и столкнулся со снегоуборочным комбайном. Комбайн спереди погнулся, а богомол только испугался и убежал обратно. Если, правда, бег богомола можно считать бегом. Его догонит и маленький ребенок. А когда он гуляет, то переставляет ноги как сонная черепаха.

Надо добавить, что марсианский богомол — существо совершенно безмозглое, но доброе и привязчивое. И страшно любопытное.

Поэтому неудивительно, что, услышав шум в соседней комнате, богомол решил проверить, что же там случилось.

Он вошел в комнату, и никто, кроме Алисы, не обратил на это внимания. К марсианскому богомолу за несколько лет все настолько привыкли, что его не замечали. Алиса же испугалась — вдруг джинн Мустафа примет богомола за злого духа и захочет его убить?

— Не бойся, Мустафа! — воскликнула Алиса, кидаясь вперед, чтобы встать между богомолом и джинном. — Он не кусается.

— А я знаю, что он не кусается, — спокойно ответил джинн.

Он шагнул вперед, протянул лапищу и почесал когтем между выпуклыми круглыми глазами богомола.

Только знатоки марсианского животного мира и сами марсиане знают, что богомолы любят, чтобы их чесали между глазами.

Богомол замер от наслаждения, а Мустафа, ко всеобщему удивлению, объяснил:

— Не удивляйтесь, уважаемые Селезневы. Я хотел бы признаться, что свою бурную молодость я провел не в кувшине, а немало путешествовал и шалил. Как-то мой дядя Эль-Менеджер взял меня на загадочную красную планету, которая поднимается кровавым оком над уснувшей пустыней. Мы побыли там недолго, потому что там нечего пить, нечего есть и нечем дышать. Сами жители той планеты обитают в пещерах и прячутся от яркого света. А по пустыне бегает только вот такая саранча, как ваш друг. Есть саранчу нельзя, потому что в ней только жилы и кости.

— Вы бывали и на других планетах? — спросил дедушка.

— Бывал, — ответил джинн и широко зевнул. Из его пасти вырвалось облако дыма.

Алиса поняла, что первое знакомство состоялось и обошлось без жертв. Пора сделать перерыв.

— А теперь, наш дорогой гость, — сказала она, — вам пора отдохнуть. Дорога была трудная, ваш возраст требует отдыха.

— О, как ты права, премудрая девица! — согласился Мустафа.

— Но где ты будешь спать?

— Удобнее всего мне спать в кувшине. Я уже привык. Ты меня заткнешь пробкой, чтобы шум

вашего уважаемого города не мешал мне отдохнуть.

Алиса, конечно же, согласилась.

Джинн подпрыгнул, взялся руками за горло кувшина, опустил внутрь ноги и, уменьшаясь, исчез в его горлышке. Когда снаружи остались только голова и руки, джинн помахал на прощание Алисе и сказал:

— Спокойного сна, до встречи завтра утром. Разбуди меня на рассвете и не забудь, что на завтрак я пью чай с молоком!

С этими словами джинн исчез и сразу захрапел.

Алиса плотно заткнула кувшин пробкой.

И все на цыпочках, чтобы не побеспокоить гостя, разошлись по своим комнатам.

Так джинн Мустафа поселился в доме Селезневых.

Глава 2 ПРОДАЙ КОЗУ!

Жизнь в доме сильно осложнилась. Джинн Мустафа оказался существом неумным, жестоким и совершенно невоспитанным. Работа Полю он считал ничтожным рабом, пользоваться вилкой и ложкой не желал, все хватал со стола руками, жаловался, что его плохо кормят, и грозился уйти жить к соседям. К тому же он скучал и требовал, чтобы его развлекали.

В театр его водить было нельзя. Однажды Алиса попыталась это сделать. Она повела его на балет «Лебединое озеро». Джинн вел себя там так неприлично, что лучше и не вспоминать.

Мало того, что он выскоцил на сцену и стал танцевать «Танец маленьких лебедей», так потом

еще гонялся за одной балериной и кричал, что хочет на ней жениться.

Спектакль был сорван, женщины плакали, мужчины едва сдерживали гнев, некоторые даже требовали отправить джинна обратно в сказочную Аравию.

В книжках описаны случаи, когда джинны по разным причинам попадали в наши времена. И в конце концов с ними справлялись. Правда, это были выдумки писателей, а Мустафа существовал на самом деле. Джинны из книжек бывают скорее смешными, чем страшными. Какой-нибудь старик Хоттабыч и вообще кажется добрым, хоть и сварливым дедушкой. Разумеется, на самом деле ничего подобного от джинна ожидать нельзя. Тем более что он всего-навсего приехал в гости, и за месяц его не перевоспитаешь.

К тому же было неизвестно, на сколько джинн приехал в гости.

— Не расстраивайся, Алиса, — сказал механик Зеленый, который как-то зашел к Селезневым в гости. — В крайнем случае мы его возьмем с собой в космос и потеряем вместе с кувшином в вакууме. Лет через тысячу его найдут...

— Это жестоко, — ответила Алиса. — Он же не виноват, что его никто никогда не воспитывал.

— Вот именно, — прорычал джинн Мустафа. Он беззвучно вошел в комнату, где происходил этот разговор, неожиданно схватил механика за шиворот и выкинул в окно.

— Как ты смеешь! — закричала Алиса.

— А как он смеет терять меня в космосе? — ответил вопросом на вопрос джинн.

Алиса побежала вниз, Зеленый с трудом поднялся с клумбы и сказал грустно:

— Я вас предупреждал!

С ним всегда случаются неприятности. И

механик Зеленый давно не ждет от жизни ничего хорошего.

На третий день Алиса повела Мустафу на станцию юных натуралистов, ту самую, что занимает часть парка, бывшего Гоголевского бульвара. В зарослях пальм и сосен раскинулся мир чудес. Юные ботаники из соседних школ выращивают здесь вишни размером с арбузы и квадратные арбузы, чтобы их было удобнее перевозить, там вывели породу кур, покрытых курчавой шерстью, и назвали их кур-овцами. Эти кур-овцы несут яйца, а кроме того, их раз в месяц стригут. Известный многим Пашка Гераскин скрестил как-то обыкновенного комара с серой перелетной птицей. Получился ком-гусь — комар крупнее вороны и настолько страшный, что от него разбегалось все живое.

В этом уголке, который еще называют биостанцией, с увлечением трудятся Алиса и ее друзья, а также постоянно живут некоторые звери и птицы. Самые знаменитые из них жираф Злодей и питекантроп Геракл. Геракла привезли на машине времени из древнейшей Индонезии, где он начал превращаться в человека, но не успел, потому что его хотел сожрать саблезубый тигр. Про него рассказывают, что он не дал улететь ком-гусю в Ледовитый океан, а убил его дубинкой, сделав таким образом важный шаг на пути превращения обезьяны в человека.

Алиса с утра позвонила на биостанцию и сообщила друзьям, что приведет гостя — джинна Мустафу. Близняшки Маша и Наташа Белые стали готовить к его приходу халву и шербет, потому что знали, как ублажить джинна, а Джавад Рахимов обещал сделать плов, какой делают только в его родном городе Баку.

Жираф Злодей, добрейшее существо высотой

шесть метров, вымылся с шампунем, и только обезьяночеловек не проявил никакого интереса к визиту настоящего джинна, а объелся бананами и заснул.

Джинн потребовал, чтобы его везли по городу в кувшине, потому что вдруг начал стесняться людей отдаленного будущего. Алиса так и сделала. Она опустилась на флаере биостанции, вытащила

медный кувшин и под музыку игравшего на губной гармошке Пашки Гераскина принесла кувшин на площадку у входа на станцию, поставила его на песок и вытащила пробку.

— Вылезай, Мустафа-ага, — сказала она, — приехали.

— Что-то мне не хочется вылезать, — ответил из глубины кувшина джинн, — поехали домой.

— Еще чего не хватало! — возмутился Пашка. — Мы готовились, старались, а он не хочет. Дай-ка мне кувшин, я вытряхну твоего джинна наружу!

Пожалуй, этого говорить не следовало.

Раздался отвратительный вой, и джинн Мустафа выскочил из кувшина со скоростью прыгающего льва.

Кувшин покатился в сторону, жираф Злодей подскочил так, что ударился рогом о пролетавший мимо воздушный шар, но, к счастью, никто не пострадал.

— Это кто меня чуть не вытряхнул? — взревел джинн, играя мышцами. — Мысленно попрощайся с матерью, которая имела неосторожность произвести тебя на свет, бездельник!

Аркаша Сапожков, который стоял неподалеку, развернув лист со стихами приветствия гостю из эпохи легенд, упал от поднявшейся бури. А стихи унесло на другой конец Москвы.

Лишь питекантроп Геракл ничего не испугался.

Он вышел вперед и начал бить себя кулаками в грудь, отчего получался звук, словно колотят молотком по пустой железной бочке.

Джинн Мустафа оторопел от звука и, конечно же, от вида обезьяночеловека.

— Это еще что такое? — спросил он куда тише, чем вопил минуту назад.

Геракл, переваливаясь, направился к всесильному джинну.

— Изыди! — загремел джинн и дыхнул в питекантропа огнем, опалив тому шерсть. Но Геракл — самое отважное создание в мире.

Он продолжал наступать на джинна, а джинн продолжал отступать.

— Это див! — закричал он. — Это сам дьявол! Мое могущество бессильно перед порождением адского пламени.

Мустафа упал на колени и наклонился вперед, намереваясь удариться головой о песок.

Все могло плохо кончиться, но Алиса не растерялась. Она кинулась вперед, обняла руками толстую шею Геракла и начала быстро шептать ему в ухо:

— Геракл, миленький, это свой, свой, только очень глупый джинн! Это гость! Давай его встретим и будем любить! Ну, Геракл, не опозорь нас!

Геракл почти не умеет говорить, но все понимает. И, уж конечно, он не хотел бы подвести свою любимицу Алису.

Он поднял волосатую ногу и поставил ступню на затылок джинна, замотанный шелковой чалмой.

— Геракл! — произнесла тогда Машенька Белая. — Сейчас же отойди, а то останешься сегодня без компота.

Это была страшная угроза. Геракл задрожал, взывил и отскочил от джинна.

Мустафа приподнял голову, но так и остался стоять на коленях.

— Алиса, — сказал он, — попрошу немедленно вернуть меня в кувшин. Ваш мир захвачен страшными дивами, суккубами и инкубами. Честному джинну здесь нечего делать.

— Открой глаза, о высокочтимый Мустафа, — ответила Алиса. — И посмотри, с каким почетом тебя встречают на нашей биостанции.

Мустафа осмелился открыть глаза и увидел Пашку, который играл на гармошке «Танец с саблями» из балета «Гаянэ» композитора Хачатуриана. Он считал, что древние джинны любят эту мелодию.

Затем Мустафа увидел вежливого и воспитанного молодого человека Аркашу Сапожкова, который на хорошем персидском языке читал стихи Омара Хайяма, приветствуя высокого гостя. К сожалению, джинн никогда не был в Персии и персидского языка не знал. Да и с Омаром Хайямом не встречался.

И, наконец, Мустафа увидел двух девочек и одного мальчика, которые приглашали его за стол, накрытый в лаборатории. Посреди стола дымился чудесный плов, а вокруг теснились другие кушанья, изготовленные хозяевами.

И тогда Мустафа решил всех их простить и проследовал к столу.

Он много съел и много выпил, но с самого

начала не согласился, чтобы питекантроп Геракл сидел с ним за одним столом.

И сколько ни уверяли джинна натуралисты, что Геракл — это обезьяна, которая уже превращается в человека, но еще не успела, джинн возражал:

— Может быть, это не див, не суккуб и не инкуб. Я верю вам, юные шалуны. Но за долгую мою жизнь я никогда не слышал, чтобы хоть одна обезьяна захотела превратиться в человека и даже смогла это сделать. И теперь я понимаю, как хорошо, что они и не пробовали! Иначе Землю заселили бы эти страшные уроды. Я бы повесил за ноги того жулика, который придумал сказку о том, что человек произошел от обезьяны. Как фамилия этого обманщика?

— Его звали Чарлз Дарвин, — сказал Аркаша Сапожков. — Но мы его считаем великим ученым, а Геракла называем недостающим звеном между обезьянкой и человеком.

— Попрошу дать мне адрес этого Дарвина, — сказал Мустафа, захмелевший от шербета. — Я с ним сведу счеты. Я спасу человечество.

— Так от кого мы, по вашему мнению, произошли? — спросила Алиса.

— От своих родителей! — отрезал джинн. — А некоторые — от меня!

Больше никто не стал спорить с Мустафой, а он огорчился, когда узнал, что Чарлз Дарвин давно умер.

— Как жаль, что я не поговорил с ним как мужчина с мужчиной!

— И что бы ты ему сказал, Мустафа? — спросила Алиса.

— Я бы сказал ему: не женись на обезьяне и твои дети вырастут порядочными джигитами.

Так они и не смогли ничего объяснить джинну Мустафе.

После обеда джинн признался Алисе, что ему очень понравилась пятнистая коза с длинной шеей, хотя он понимает, что такой козы быть не может.

Алиса не сразу сообразила, что он имеет в виду жирафа Злодея.

— Это не коза, а жираф, — сказала Алиса.

— Называй его хоть коровой, — ответил джинн, — но, на мой взгляд, он совершенная

коза в пятнах. И мне его шкура очень нравится. Я хочу сделать себе из нее теплый халат. Сколько стоит эта коза?

От испуга жираф заморгал своими длинными ресницами и начал отступать от джинна, который стоял посреди газона и ковырял палкой в ухе.

— Мы не можем тебе помочь, Мустафа, — сказала Алиса. — Жираф наш друг, а мы не снимаем шкур со своих друзей.

— Я гость! — возразил джинн. — И слово гостя — закон. Я хочу получить шкуру этого козла и еще хочу взять в жены этих двух красавиц.

Он показал на Машу и Наташу Белых.

— Зачем тебе такие молоденькие жены? — удивился Джавад.

— Они замечательно умеют готовить. Мне нужны жены, которые будут для меня готовить. А вот тебя я в жены не возьму. У тебя плов подгорел.

Джавад от удивления открыл рот и забыл его закрыть. Он точно знал, что плов не подгорел.

Взяв с собой вишню размером с арбуз, джинн потребовал, чтобы Алиса отвезла его домой. Он залез в свой кувшин и закричал изнутри:

— Алиса, затыкай меня пробкой. Больше я сюда ни ногой! Плов подгорел! Козла не дали, жен не дали! Плохие люди! Я им буду мстить!

Алиса не стала спорить с джинном, а заткнула кувшин пробкой, и ребята помогли донести его до флаера.

— Простите, — сказала Алиса. — Честное слово, я не думала, что он так себя будет нести.

— Сидел бы в своей эпохе легенд, — сказал Аркаша.

— И учил бы правила поведения в приличном обществе, — добавил Пашка.

— Вы должны его понять, — вступилась за джинна Алиса. — Просидели бы вы тысячу лет в кувшине, без всякого общества, без развлечений. Он ведь даже неграмотный.

— Кто ему мешал вылезти и принести пользу людям? — спросил Джавад.

— Обстоятельства! — глухо донесся голос из закрытого кувшина. — Во всем виноваты обстоятельства моей жизни. Меня всегда окружали враги и завистники.

Глава 3

МУСТАФА И БРОНТИЯ

На следующий день Алиса пригласила Мустафу в Космический зоопарк, директором которого был ее отец, профессор Селезнев.

Путешествие через город Мустафа снова совершил в кувшине.

Алиса уже знала, что внутри слышно все, что говорят снаружи.

— Все-таки ты меня удивляешь, — произнесла она, поднимая в воздух флаер. — Зачем прятаться в кувшине, когда вокруг столько интересного? Ну чего ты боишься?

— Я... ничего... не боюсь...

— Сколько интересного можно увидеть, когда смотришь на Москву с высоты птичьего полета!

— Ничего... интересного.

— А может, ты боишься высоты?

— Джинны... ничего... не боятся.

Алиса не поверила ему. Но спорить не стала.

— Скоро прилетим? — спросил джинн из кувшина.

— Уже прилетели.

Они опустились перед самым Космозо.

Вход в зоопарк представлял собой большую пещеру, стены которой выложены светящимися кристаллами с разных планет. В этих стенах размещены также аквариумы и террариумы, в которых обитают разные рыбы и пресмыкающиеся со всей Галактики.

Вот гуськом плывут рыбки-мигалки. Они исчезают и снова появляются, но в другом месте. А если покажется хищник, они начинают исчезать и появляться с такой скоростью, что у того кружится голова. А вот стоит та самая сороконожка, которую в детстве спросили, с какой ноги она начинает шагать, с левой или с правой. Вот она и стоит с тех пор... Многоножка уже состарилась, обзавелась детьми, стоят они всем семейством и думают. В аквариумах есть цветы, похожие на рыб, и рыбы — вылитые цветы. Там из стены торчат кристаллы, у которых вдруг вырастают крылья, и они летают, сталкиваясь и звяня, как колокольчики. По песку ползают

короткие змейки различных цветов. Когда им становится скучно, они соединяются по две, три, четыре, превращаясь в длиннющих разноцветных змей. Там же разбросаны камни, которые могут превратиться в героев ваших любимых книг, а потом исчезнуть.

Алиса с джинном миновали ворота и оказались между невысокими барьераами, за которыми гуляли, отдыхали, ходили и спали различные безопасные для зрителей животные. А хищные и опасные животные жили дальше, в клетках, большей частью невидимых, сделанных из силовых преград.

Джинн довольно спокойно рассматривал удивительных и страшных зверей со всех концов Галактики, но потрясли его собаки с планеты Пенелопа. Эти собаки видны по половинкам. Отдельно целой стаей гуляют передние половинки собак, а отдельно — задние половинки. Если не знать, в чем дело, можно с ума сойти. На самом же деле все объясняется просто: каждая собака живет в двух днях. Передняя половинка сегодня, а задняя завтра. И они не могут встретиться.

Затем джинн остановился перед клеткой со страшным тигрокрысом — полосатой крысой размером с тигра и втрое злобней. Тигрокрыс зарычал на джинна, а Мустафа зарычал на тигрокрыса. Начали сбегаться зрители, споря, кто кого перерычит. Алиса пыталась увести джинна, но безуспешно. В конце концов тигрокрыс сдался и уполз в угол клетки. Но несколько

посетителей в зоопарке оглохли, а редкая птица карузель потеряла голос.

— Ну и что? — спросил джинн. — Это и есть Космозо? Ни одного настоящего чудовища.

И тут Алиса вспомнила о Бронте — ее любимом динозавре, которого знала со дня его рождения и даже раньше, когда Бронтя сидел в яйце. Теперь ему уже пять лет, ростом он с кита, но Алису узнает и любит по-прежнему.

— Сейчас я тебе покажу одного водяного змея, — сказала Алиса джинну. — Он еще молодой, не вырос до своего настоящего размера, но, может быть, тебе он покажется настоящим чудовищем.

— Мы с ним сразимся? — с надеждой спросил джинн.

— Нет, — ответила Алиса. — Броня травоядный, добрый, он никого не трогает.

Они вышли к пруду, в котором жил динозавр Броня. Броня спал. Он весь ушел под воду, и снаружи торчали только его ноздри и глаза, как будто островки посреди пруда.

— Ну, где твоя морская корова? — спросил Мустафа. — Уже спряталась от меня?

Алиса свистнула в два пальца, и Броня, услышав свист, медленно поднялся над водой.

Сначала долго-долго высовывалась его шея с маленькой головой, потом вода пруда разбежалась, и уровень ее опустился на метр, потому что Броня встал на ноги и его туша показалась над водой.

Конечно же, Мустафа был выше ростом, чем любой человек, и видом куда страшнее, да к тому же отличался невероятной силой и наглостью, но за две тысячи лет жизни ему не приходилось видеть динозавра, потому что динозавры, как известно каждому школьнику, вымерли на Земле несколько миллионов лет назад.

Приоткрав свою пасть, в которой без труда могла бы уместиться телефонная будка, Броня издал радостный вопль, отчего вокруг зашатались павильоны, а некоторые зрители даже убежали из зоопарка, и двинулся к Алисе.

Но откуда необразованному аравийскому джинну знать, что Броня спешит к любимой девочке? Ему показалось, что чудовище хочет ее сожрать.

— В кувшин! — закричал он. — Где мой кувшин?

— Кувшин во флаере остался, — сказала Алиса. — А зачем тебе кувшин?

— Спрятаться хочу и не вылезать наружу тысячу лет! Ты заманила меня в коварную ловушку! Я с самого начала подозревал, что мелкие волшебницы хорошими не бывают! Но я перед смертью убью и тебя! Пускай только твой прудовой змей посмеет тронуть хоть волос на моей голове, я тебя растерзаю.

Алиса вдруг захихикала.

От удивления джинн поперхнулся. Нет ничего обиднее для сильного негодяя, чем смех мотылька. Значит, он недостаточно страшный! Значит, надо стать еще страшней.

— Как ты смеешь смеяться!

— Но ведь у тебя на голове ничего не растет, — невинно ответила Алиса.

Тем временем глупый и добрый Броня вытащил из воды все двадцать метров своего покрытого непробиваемой блестящей шкурой тела. Он надеялся, что Алиса принесла ему булочку.

— Не смей, — грозно сказал джинн динозавру. — Я погибну, но перед смертью уничтожу тебя и все живое вокруг!

Алиса испугалась, что Мустафа накинется на

Бронтю, но, к счастью, в последний момент отвага отказалась от Мустафе, и он попытался спрятаться в урне для мусора, которая стояла возле дорожки. Он влез туда и начал выкидывать из

урны обертки от мороженого и банки из-под сока
При этом он кричал:

— Алиса, немедленно заткни меня пробкой!
— Какая еще пробка! — воскликнула Алиса.

А динозавр Бронтя в первый раз в своей жизни рассмеялся, потому что раньше никогда не видел богатыря, который скорчился в урне для мусора. Наружу торчала только лысая макушка джинна, похожая на страусиное яйцо. Мудрый орел Мафусайл спикировал сверху и клюнул в лысину, думая, что яйцо никому не пригодится.

Бронтя фыркнул на орла, осторожно взял урну в зубы и перевернул ее. Он решил, что уважаемому джинну тесно и не очень удобно сидеть в урне для мусора. Джинн вывалился наружу и на четвереньках побежал из зоосада.

— Я маленькая собачка! — кричал он. — Меня никто не видит.

Алиса почти догнала его у выхода. Тогда джинн сделал усилие и взлетел в небо.

Он летел невысоко и небыстро, но все флаеры, воздушные автобусы и прочие аппараты, которые подчинялись правилам воздушного движения, рассыпались во все стороны, чтобы не столкнуться с джинном.

Алиса кинулась к своему флаеру, прыгнула в него и поднялась в небо.

Она поравнялась с летящим джинном Мустафой и стала его уговаривать:

— Дорогой Мустафа, я очень перед тобой виновата. Я же не думала, что ты испугаешься моего очаровательного Бронти...

— Я? Испугался? Да я испугался, что нечаянно зашибу его! Однозначно! — кричал в ответ джинн.

— Пойдем дальше пешком, — просила Алиса.

— Я вообще улетаю от вас! — кричал в ответ Мустафа, выковыривая из-за шиворота мусор и бумажки.

В конце концов ценой многих усилий и извинений Алисе удалось уговорить строптивого гостя залезть в кувшин, который стоял на заднем сиденье.

Дома Мустафа отказался вылезать из кувшина и не захотел обедать. Пришлось Алисе кидать в кувшин куски котлеты, а потом лить туда чай. Наевшись, джинн заснул и проспал два дня.

Глава 4 КИНОЗВЕЗДА МУСТАФА

Через два дня Алиса, опасаясь, как бы джинн не умер от голода и не задохнулся, спросила, вытащив пробку:

— У тебя все в порядке, Мустафа?

— У меня все в порядке, — ответил джинн. — Но скоро я подохну от скуки. Ты должна отвести меня в гости к своим друзьям.

— К каким?

— К маленьким. Я не люблю больших друзей. Друг должен меня бояться, разве не понятно?

Алисе это было неприятно, но она не стала спорить с джинном.

И когда Алиса совсем уж было пришла в отчаяние, выход нашелся сам собой.

Ей позвонил старый папин приятель Герман Шатров.

— Алиса, — сказал он, — вся Москва говорит, что у тебя живет настоящий джинн, куда страшнее любого дракона.

Алиса оглянулась, не подслушивает ли гость. Но гостя не было. Его голос доносился из кухни — Мустафа давал советы домашнему роботу Поле, как жарить курицу.

— Живет, — призналась Алиса Герману. — Страшное дело! Весь дом ждет не дождется, когда же он нагостится.

— А он что думает по этому поводу?

— Ах, Герман, — сказала Алиса, — эти джинны живут так подолгу, что для них наше «долго» все равно что минутка. Не исключено, что он проживет у нас...

— Пять лет?

— Не пугай, — рассмеялась Алиса. — Я хотела сказать: до осени.

— Почему не дольше?

— Потому что все эти джинны страшно теплолюбивые. Он боится сквозняков, холода, ветров и даже росы. С минуты на минуту он ждет начала ледникового периода.

— Послушай, Алиса, — сказал Герман. — А

как ты смотришь на то, чтобы отдать мне твоего джинна недельки на полторы?

— Замечательно!

— Мы тут снимаем фильм. По старинной детской повести «Старик Хоттабыч». Ты не читала такую?

— Нет.

— Этой повести больше ста лет. Написал ее писатель Лагин. Там рассказывается о том, как один мальчик, который жил у нас в первой половине двадцатого века, случайно нашел кувшин, где был спрятан джинн.

— Трудно поверить.

— Почему?

— Что джиннам у нас делать?

— Ну, это фантастическая повесть! Это сказка! Ее очень любили дети двадцатого века.

— И что же делал тот джинн? — спросила Алиса.

— Они с мальчиком очень подружились, и постепенно джинн настолько привык к нашей стране, что решил никогда ее не покидать. Он даже устроился работать радиистом на полярную станцию.

— Зачем на полярной станции радиист? — спросила Алиса.

— Все это происходило очень давно. Тогда даже телевизора не было. Но книжка получилась веселая. Старик Хоттабыч, так звали джинна, ходил в цирк, на стадион и всюду попадал в смешные истории. Фокуснику он решил показать, как делать настоящие чудеса, а футболистам подкинул на поле много мячей, чтобы им всем хватило. И вот мы снимаем исторический фильм для детей о старике Хоттабыче.

— А зачем вам нужен мой Мустафа?

— Одного джинна мы нашли. Это пенсионер,

чемпион мира по длине бороды. Добрейший старишок. Его теперь даже внуки Хоттабычем зовут. Но в фильме у нас должен быть еще один джинн — старший брат Хоттабыча по имени Омар Юсуф. Это отрицательный герой. Настолько отрицательный, что в конце концов от него отделались, запустив в космос. Как ты думаешь, твой джинн не согласится у нас сняться в такой роли?

— Мустафа никогда не согласится быть плохим джинном, — сказала Алиса. — Он думает, что все джинны хорошие.

— Вот именно! — рявкнул Мустафа, который

незаметно вошел в комнату. — Кто решил, что я плохой джинн? Тогда он пускай готовится к смерти. От него останется порошок и мокрое место.

Герман Шатров смотрел на Мустафу, широко открыв глаза.

— Это чудо! — воскликнул он. — Второго такого джинна нам никогда не найти. Теперь я понимаю, почему джиннов так боялись дети!

— И не только дети, — поправил его Мустафа и почесал когтями волосатую голую грудь. — Меня боялись целые армии. Из-за меня убежал из Индии Александр Македонский. Ты его знаешь?

— Читал, — осторожно сказал Герман.

Алиса подмигнула Герману. Мустафа опять выдумывал — он только вчера посмотрел по телевизору исторический фильм об Александре Македонском и страшно завидовал славе древнего полководца.

— Чем ты мне заплатишь? — спросил Мустафа.

— Боюсь, что рубинов, алмазов и жемчуга у меня нет, — признался Герман.

— Этого добра у меня целые сундуки, — расхохотался джинн. — Ты меня соблазни чем-нибудь бесценным, чистым, как весенний цветок.

— Я обещаю тебе славу, — сказал Герман.

— Какую? Неужели ты дашь мне войско, чтобы победить твоего ничтожного соседа и стать славным полководцем?

— Нет. Я обещаю тебе аплодисменты зрителей, цветы поклонниц, наградные вазы и миллион писем от почитателей.

— Чепуха, — проворчал джинн, — я не умею читать и не намерен учиться. Пускай учатся слабые!

— Тебе даже не надо учиться, — сказал Герман. — Мы дадим тебе секретаря, который будет читать для тебя все вывески и объявления. Конечно, если тебе некогда играть в кино, то скажи, и мы найдем другого артиста.

— Только попробуй! — рассердился Муста-

фа. — Или я играю главную роль, или я разнесу на куски все твое кино.

— Просто уж и не знаю, что тебе сказать, — произнес Герман.

Но глаза у него были хитрые и смеялись. Он заманил к себе Мустафу, хоть Мустафа думает, что это он сам решил играть в кино.

Мустафа обернулся к Алисе и спросил:

— А что думает по этому поводу моя недостойная сестра?

— Я всю жизнь мечтала сняться в кино, — сказала Алиса, — чтобы потом все жители Земли и всей Галактики видели меня на экране или по телевизору и говорили: «Какая красивая девочка! Какая талантливая актриса!»

Мустафа знал, что такое кино и что такое телевизор. По вечерам его было не оттащить от экрана, особенно если показывали мультики. Поэтому слова Алисы ему были понятны. Но все же он продолжал сомневаться.

— А вдруг, — сказал он не очень уверенно, — они захотят посмеяться над несчастным доверчивым и добрым джинном!

— Если ты заподозришь что-то подобное, — удивилась Алиса, — неужели ты не сотрешь с лица земли всю съемочную группу, а заодно и всю киностудию?

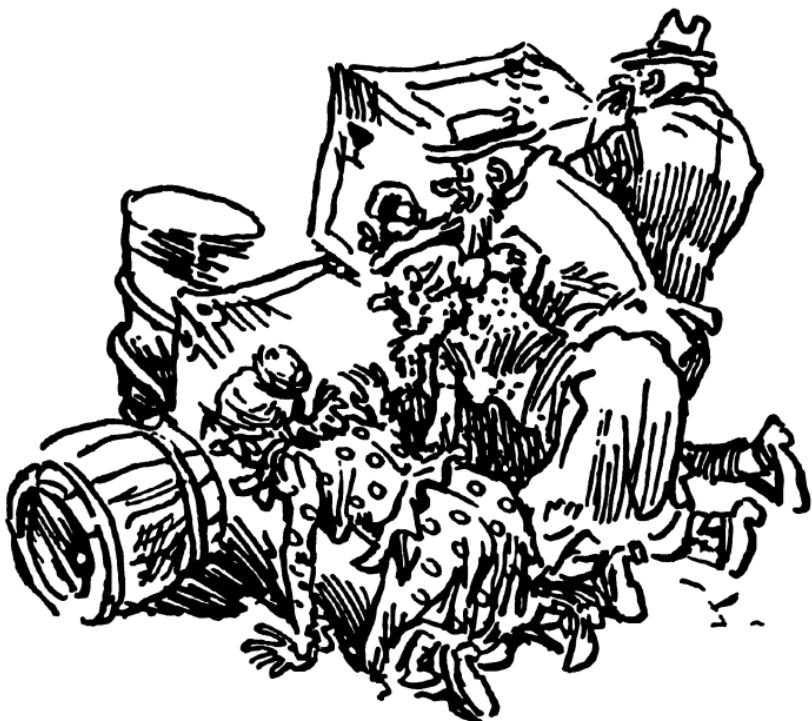
— Сотру, — согласился джинн и обернулся к экрану видеофона. — Я согласен сниматься в вашем ничтожном фильме. Но только попробуйте не заплатить мне аплодисментами и премиями!

Нужно ли говорить, что, когда Алиса привезла Мустафу на съемочную площадку, при виде настоящего дикого и злобного джинна все заверещали, а некоторые смертельно перепугались. Мустафе там понравилось.

Только старика Хоттабыча он не уважал. Он

его щипал, дергал исподтишка за бороду и ругал по-арабски.

Так как снимали исторический фильм, то со всей Москвы, из всех театров и даже музеев на площадку свезли множество вещей и инструментов, которыми пользовались древние люди в середине двадцатого века. Когда Алиса пришла в первый зал, где подготавливали декорации, она там увидела вот что: трамвай, примус, галоши, чайник, железный утюг, гладильную доску, этажерку, покрытую кружевной салфеточкой, патефон, модель самолета биплана, кровать с никелированными шариками на спинке, красный галстук, много портретов всяких забытых людей с усами и лысинами, в париках и шляпах, корыто, подкову, колесо от телеги, амбарный замок, эмалированную кастрюлю, шесть сково-

родок, валенки с заплатами, лапти изношенные и лапти новые, прялку, сани, ящик гвоздей и шурупов, костили, шелковый веер, керосиновую лампу, связку толстых свечей, сундук, ножную швейную машинку, карету и еще массу вещей, которые Алиса не успела разглядеть.

Среди всего этого богатства стояла костюмерша, а может, реквизиторша Оксана с толстой белой косой и розовыми щеками. От нее пахло земляникой, и она казалась случайно залетевшей на свалку бабочкой.

— Что делать? — спросила она у Алисы.

— Что делать? — раздались голоса.

И тут Алиса увидела, что в глубине зала, за грудами вещей, стоят пожилые и даже старые люди. Человек десять.

Девушка-реквизитор заметила удивление Алисы и объяснила:

— А это наши консультанты. Мы позвали сюда самых ученых стариков и старушек, чтобы они объяснили нам, какие из этих вещей были в ходу в тысяча девятьсот тридцатом году, а какие еще раньше. Вот они и думают.

— Это очень сложно, — сказала Алисе одна бабушка. — Мне вот сто двадцать лет, и я совершенно забыла, в каком году по Пушкинской площади ходил трамвай, а в каком — троллейбус.

— А я стараюсь решить, — вмешался в разговор старик с бородой почти такой же длинной, как у джинна, — что было сначала: свечки или керосиновые лампы? А вы как думаете?

— Сначала все грелись у костра, — сказала Алиса, — и ложились спать на закате.

— Чепуха! — возразил Мустафа, который тоже стоял в зале, где были разложены вещи. — Сначала были светильники. Причем некоторые из них волшебные. У нас в Аравии рассказывают о

недостойном отроке Аладдине, который вызывал джинна с помощью светильника. Так вот, я уполномочен заявить, что это сказка, и только сказка! Ни один уважающий себя джинн не будет связываться со светильниками.

Старики и старушки попрятались среди перин, сундуков, а некоторые даже залезли в трамвай. Девушка-реквизитор покраснела, но решительно заявила:

— Я попрошу вас не путать консультантов. Мы обещали докторам и правнучатам консультантов не волновать их. Пожалуйста, уходите отсюда и не кричите.

— Смелая девушка! — вдруг улыбнулся Мустафа. — И очень красивая. Я ее беру.

— Куда же ты ее берешь? — спросила Алиса.

— Я ее беру к себе в гарем, — сказал джинн. — Она будет моей младшей любимой женой.

— А где же твои старшие и нелюбимые жены? — спросила Алиса. Она и не подозревала раньше, что у Мустафы есть семья.

— Мои старшие жены, к сожалению, умерли от старости, — ответил Мустафа. — Я же джинн, а они просто женщины. Я должен откровенно сказать, что, когда эта ваша русская красавица умрет от старости, я все еще буду таким же молодым и крепким мужчиной, как сегодня.

Джинн подкрутил усы, вытащил свой золотой гребень и принялся их расчесывать, как кот, который вылизывает свою шерсть.

— Нет, — сказала Оксана, — пожалуй, нам лучше обойтись без вас, господин Мустафа. У вас совершенно неподходящий характер.

— А у тебя, красавица? — спросил джинн. — Разве у тебя не отвратительный характер?

— Мой характер нравится моему жениху, к тому же я не люблю лысых ушастых брюнетов.

— Я подстригу уши, — ответил джинн. — Затем я растерзаю твоего жениха, а потом украду тебя на ковре-самолете.

Тут в зал вошел Герман Шатров вместе с

режиссером картины, невысоким человеком по фамилии Юзовский.

Они так и замерли, увидев Мустафу.

— Это то, что мне нужно! — воскликнул Юзовский. — Это самый настоящий Омар Юсуф, джинн-хулиган. Я искал его всю жизнь!

Он протянул джинну руку и сказал:

— Рад с вами познакомиться. Мы будем работать вместе. Мы получим самые высокие премии! Я вам гарантирую «Оскара».

Джинн Мустафа не знал, что «Оскар» — это знаменитая премия, которую дают за лучшее кино. Поэтому он ответил:

— Никакого Оскара мне не нужно. У меня и без него достаточно рабов. Я буду у вас сниматься, если получу в награду вот эту красавицу!

— Пускай не мечтает! — обиделась Оксана-реквизитор. — Дожили! Только посмейте расплачиваться с актерами честными девушками! Профсоюз не даст меня в обиду!

— Может быть, вам подойдет дворец? Или катер? Или космический корабль? — спросил режиссер.

— Все призы и премия Мира! — крикнул Герман.

— Или девица, или ничего!

— Подождите, — сказала тогда Алиса. — Я знаю, что делать. Можно я одну минуту поговорю с джинном один на один?

Разумеется, никто не возражал.

Алиса потянула джинна в угол за позолоченную карету и шепотом сказала:

— Я полностью на твоей стороне, Мустафа. Я согласна с тем, что тебе нужна новая младшая красивая жена.

— Разумеется, — ответил Мустафа. — Представляешь, возвращаюсь я в свою аравийскую

пещеру, и тут же открываются все кувшины, в которых сидят мои родственники. Они выглядывают оттуда и спрашивают: что же ты привез из отдаленного холодного будущего, Мустафа? А я откидываю чадру с моей младшей жены, и они умирают от зависти! И я остаюсь последним и единственным джинном на Земле.

— Замечательно! — сказала Алиса. — Я представляю, как погибают от зависти Хасан, Максуд, Мухаммед...

— Али, — подхватил Мустафа. — Другой Хасан, Саллахаддин, Хуссейн...

— Но есть одна маленькая сложность, — прошептала Алиса. — Конечно, тебе она покажется пустяком. И ты даже рассмешишься. Но я как друг должна тебя предупредить.

— Говори свой пустяк!

— Ты не спросил, кто же жених этой девушки с золотой косой и розовыми щеками.

— Наверно, какой-нибудь ничтожный студент-математик или, что еще хуже, поэт-песенник!

— Ты не угадал, мой драгоценный Мустафа, — сказала Алиса. — Хотя ты даже знаком с ее женихом.

— Знаком?

— Конечно! Ее жених живет в Космическом зоопарке, в пруду, и его зовут Бронтя. Помнишь бронтозавра, большого, как гора? Это он, ее жених. Он очень любит свою невесту. Но я думаю, что, когда ты скажешь ему, что берешь Оксану в младшие жены, бронтозавр тут же заплачет и согласится с тобой.

— Конечно, — важно кивнул Мустафа. — Он заплачет и убежит. И я его презираю за это. Ничтожная ящерица! Как я его презираю!.. И ты говоришь, что он посмел напроситься в женихи к этой девушке?

— Но он же не знал, что ты приедешь сюда!

— Конечно... — Мустафа задумался. Он думал минуты две, причем думал так напряженно, что слышно было, как поскрипывают его мозги, когда мысли пробираются сквозь узкие извилины.

— А знаешь что? — вдруг спросил Мустафа. — Я тут подумал... я подумал и решил. Зачем мне такая толстая некрасивая невеста? Обойдусь я без нее! Я найду себе лучше... Может быть, подожду, пока ты подрастешь, и возьму тебя, Алиса, в младшие жены. Разве ты хуже этой щекастой девицы?

— Кому что нравится, — скромно ответила Алиса.

— Пускай они дадут мне все награды, которые этот фильм получит на международных и галактических фестивалях! — сказал джинн. — И еще пускай мне дадут этого самого Оскара. Он будет чистить мне лаковые туфли!

— И девушка Оксана нам не нужна?

— Какая еще Оксана? — удивился джинн. — Не знаю никакой Оксаны. Где режиссер? Мне не терпится начать сниматься в кино! Я покажу всему человечеству, какие добрые, интеллигентные и сообразительные бывают джинны.

И, подмигнув Алисе, джинн Мустафа зашагал в съемочный зал. Свой медный кувшин он держал под мышкой.

Вслед ему со страхом глядели консультанты и девушка Оксана.

Глава 5

ПРЕЗИДЕНТ ПРОСТОЙ ПЛАНЕТЫ

С тех пор как джинн Мустафа стал сниматься в кино, в доме Селезневых наступил покой. Джинн возвращался со съемок поздно, уставший,

хриплый, быстро проглатывал барабанка или осетра, которого ему жарил домашний робот Поля, и тут же заваливался спать. Спал он в кувшине — так ему было спокойнее. Кувшин ставили в комнате робота, иначе никто бы не заснул, потому что из горлышка всю ночь вырывался богатырский храп. Роботу же было все равно — он выключал на ночь слух.

Утром, ожидая, когда за ним прилетит флаер, Мустафа завтракал и рассказывал Селезневым о том, что делал накануне. Искусство хорошо влияло на злобного джинна, с некоторыми коллегами он подружился, а девушка Оксана почти перестала его бояться.

Однажды Мустафа обмолвился, что, как только закончатся съемки, он улетит отдохнуть в свою древнюю Аравию, но обязательно вернется на Каннский фестиваль и на все остальные фестивали. И жить он будет в самом шикарном отеле, и ходить станет во фраке, потому что кинозвезды не живут в обычновенных домах и не носят шаровар.

Так прошло недели две. Все уже привыкли к тому, что джинн трудится. И вдруг он утром объявил, что наступает последний съемочный день. Завтра — расставание. Он заплакал, и горячая слеза упала в манную кашу.

Все повздыхали и сказали, что не знают, как им теперь жить без Мустафы, но, честно говоря, никто особенно не расстроился. Мустафа был незваным джинном.

В тот день Мустафа, как всегда, улетел на студию, Алиса побежала на биостанцию, а остальные разошлись по своим домам.

Начиналось лето, у всех было много дел и планов.

Когда у Алисы выдалась свободная минутка,

она позвонила на киностудию и позвала к видеоФону Германа Шатрова.

— Здравствуй, Герман, — сказала она. — Мне Мустафа сказал, что вы кончаете съемки?

— Да, сегодня последний день, — ответил оператор. — Устали все смертельно, но очень надеемся, что получился эпохальный, нетленный фильм!

— А как наш джинн? Вы им довольны? Он ничего страшного не натворил?

— Как тебе сказать... Были трудности! Но в целом мы довольны! Он создал запоминающийся образ чудовища. Зрители будут плакать и смеяться. Так что мы все тебе благодарны за помощь.

— Ты не знаешь, — спросила Алиса, — когда он сегодня вернется домой?

— А что?

— Мы с Полей хотели устроить Мустафе прощальный ужин.

— Одну минутку, — сказал Герман. — Тут как раз Мустафа идет! Мустафа, возьми трубочку!

На экране возникло лицо джинна. Лицо было задумчивым и очень важным.

— Ах, это ты, Алиса! — произнес джинн. — Я тебя с трудом узнал! У меня столько поклонниц, что я уж не знаю, что с ними делать. Целый гарем!

— Ты опять о женитьбе думаешь! — вздохнула Алиса. — Ну зачем тебе держать женщин в кувшине!

— Не вмешивайся в мою частную жизнь! — остановил Алису джинн. — И быстро говори, что тебе от меня нужно. А то через две минуты начинаются последние съемки, и мне некогда с тобой рассусоливать!

Алиса удержалась, чтобы не засмеяться, и сказала:

— Я только хотела спросить, когда тебя ждать домой? Мы с Полей собирались приготовить для тебя прощальный ужин.

— Не нужен мне ваш ужин, — отрезал джинн. — Оксаночка пригласила меня в ресторан, а оттуда я прямым ходом отправлюсь в машину времени. Так что обедайте без меня. Прощай!

И Мустафа бросил трубку.

Герман подхватил трубку и включил экран видеофона.

— Выражаю тебе сочувствие, — сказал он. — Но у джиннов свои понятия о вежливости. Боюсь, что этот господин уже вычеркнул тебя из памяти.

— Ну, что поделаешь...

Алиса улыбнулась, но, честно говоря, ей было неприятно. Все-таки почти месяц они заботились об этом злом волшебнике, кормили его, стирали его шаровары, выслушивали его глупости, его бесконечное хвастовство, а в благодарность... он уезжает, даже не попрощавшись.

Но потом Алиса пожала плечами и подумала: «Так ли уж это плохо? Теперь дома будет тихо и спокойно».

Алиса позвонила домой, сказала домашнему роботу Поле, что торжественный ужин отменяется, и занялась своими делами.

День стоял чудесный, не очень жаркий, облака медленно плыли по синему небу, возле дорожек уже розовела земляника, жираф Злодей нарвал ромашек и, осторожно сжав букетик мягкими губами, подарил его Алисе.

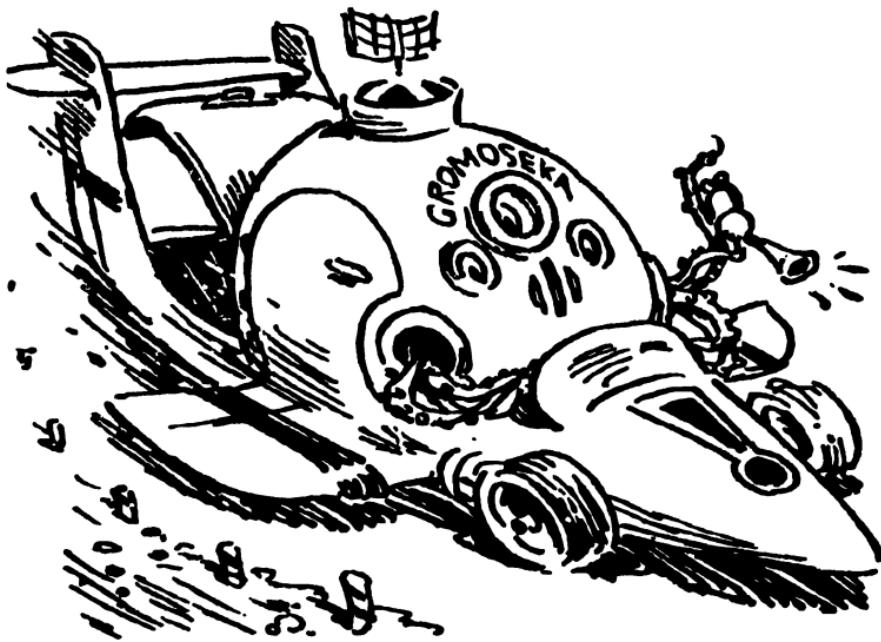
А когда Алиса возвратилась домой, ее ждал приятный сюрприз.

Только что приехал старый друг Селезневых, космический археолог, великий ученый и путешественник Громозека, ростом почти со слона, с

глазами вокруг носа, щупальцами вместо пальцев. Кому-то он, может, и покажется не очень красивым, но Алиса обожала его с раннего детства. А Громозека считал Алису своей старшей дочкой и готов был ради нее пройти пешком через всю Галактику, в одиночку разгромить пиратский флот или победить тигрокрыса.

Громозека еле уместился в большой комнате.

Мама принесла ему бокал валерьянки, и он выпил его за здоровье хозяев дома.

Потом он объяснил, что у него есть дело к Селезневым. Надо помочь одному хорошему человеку.

— Если надо, то поможем, — сказал папа. — При условии, что он не ископаемый аравийский джинн.

— Что? — не понял Громозека. — Какой еще джинн?

И Алиса рассказала Громозеке о том, какого гостя они терпели целый месяц и как этот гость решил улететь, не попрощавшись.

— А вы пересчитали ложки и вилки? — спросил Громозека.

— Почему мы должны пересчитывать ложки? — удивился папа.

— Бывают такие гости, особенно среди древ-

них волшебников. Поживет, поживет, а потом ложек не хватает.

Все засмеялись, а Громозека сказал:

— Мой знакомый, которого я привез с собой, немного задержался по дороге. Он увидел антикварный магазин и застрял в нем. Но как только он кончит там дела, он придет.

— Он коллекционер? — спросил папа.

— Сами увидите, — ответил Громозека. — Он большой оригинал.

Пока ждали нового гостя, Громозека рассказывал о своей последней экспедиции, о том, как растут его дети и толстеют его жены, об общих знакомых и друзьях. Время летело незаметно...

— Но совсем недавно попал я на отдаленную и почти необитаемую планету, — сказал Громозека. — Представьте себе, еду я по бездорожью в своем вездеходе и вижу, что у обочины стоит и ждет попутки странно одетый человек. Конечно, я его довез до дома. И оказалось, что та планета населена всего одной семьей переселенцев. Живет на ней Авдеев Корней, его сыновья Фаддей,

Алексей, Бамлей, Кирей, их жены Валерия, Калерия, Фалерия и Домна, а также их дети числом двадцать шесть, разного возраста.

— Они сектанты? — спросила мама.

— Нет, они просто эмигранты.

— Откуда?

— С Земли.

— Но почему?

— Потому что... — начал Громозека, но в это время раздался звонок в дверь. — А вот и сам Авдеев Корней. Он вам все расскажет, — закончил археолог.

В квартиру быстро вошел невысокий мужчина. На нем были сетчатая футболка, мятые брюки на подтяжках и кожаные сандалии.

Мужчина поклонился всем присутствующим. Его редкие бесцветные волосы лежали поперек лысины. Маленькие подбритые усики топорчились над верхней губой.

— Прошу прощения за столь нежданный визит, — сказал он. — Разрешите представиться — Авдеев Корней, президент планеты Обиталище.

Домашний робот Поля подкатился к нему и протянул руки, чтобы принять его пальто.

— Простите, — обратился к нему гость, — но я принципиально не пользуюсь услугами роботов.

Он сам снял пальто и повесил его на вешалку в коридоре.

На президенте были черный костюм и белая рубашка с синим галстуком под жестким стоячим воротником.

— Куда прикажете садиться? — спросил он.

— Может, вы хотите чаю? — предложила мама.

— Не откажусь, — улыбнулся Авдеев Корней. — Но я не вижу самовара.

— Простите, — откликнулся обиженный робот Поля, — мы не держим музейных вещей.

— Тогда я так посижу, — сказал президент Авдеев.

Он сел на стул и положил ладони на коленки.

Всем стало неловко, будто они нарочно обижают хорошего человека.

— Может, вы бублик съедите? — спросила Алиса.

Но тут засмеялся Громозека.

— Я тоже сначала растерялся! — проговорил он. — Но потом мы поговорили, и оказалось, что все не так страшно. Авдеев Корней, расскажи моим друзьям о своих проблемах.

— Но им, наверное, неинтересно, — сказал президент.

— Ничего, потерпят, — успокоил его Громозека.

— Человечество зашло в тупик, — негромко, но внушительно произнес президент Авдеев Корней. — Я убедился в этом много лет назад. Мы все больше отаемся во власть бессмысленных машин и пластиковых роботов! — Он указал пальцем на робота Поля, и тот испуганно отступил в угол комнаты. — Мы живем в пластиковом мире, но человеку так жить вредно. Все люди умрут, и останутся только роботы...

— Может, вы ошибаетесь?.. — неуверенно сказал дедушка. — Мне уже немало лет, но мне нравится жить.

— Вот именно! — воскликнул президент. — Именно! Вы ничего не чувствуете! Но враги беспощадны!

Дедушка молчал.

— Я понял, что единственное спасение — вернуться к нашему славному прошлому. Молоко должно быть парным, ботинки кожаными, а

шляпы соломенными или валяными! Все должно быть естественным и настоящим. Долой комбайны и уборочные агрегаты! Долой фабрики-автоматы и летающие автобусы! Человек рожден свободным!

— А как насчет электричества? — спросил профессор Селезнев.

— Зачем свободному человеку электричество, — ответил вопросом на вопрос Авдеев, — если у него есть свечи и лампа? Зачем ему жевать какой-то «орбит без сахара», если он может откусить кусок морковки?

Президент Авдеев Корней замолчал, переводя дух.

— Я у них на планете был, — поддержал его Громозека. — И даже позавидовал. Все Авдеевы полностью отказались от современной цивилизации. Они вернулись к экологической чистоте и демократической простоте. Ходят только пешком, пашут землю плугом и лопатой, сами доят коров и плетут корзины. Они сами строят себе дома с помощью топора, без единого гвоздя.

— Вот именно! — воскликнул Авдеев Корней.

— Они встают с петухами и ложатся с закатом солнца. Они не знают телевизора и даже не умеют читать и писать.

— Но у нас возникла проблема, — признался президент. — У нас подрастают дети — мои многочисленные внуки. Население нашей планеты увеличивается с каждым годом. Нам не хватает свечей и самоваров, домотканой материи и глиняных горшков, даже кастрюль нам уже мало. Ведь мы далеко не все можем сделать сами! И я воспользовался кораблем Громозеки, чтобы вновь посетить мою Землю и попросить помощи.

Все замолчали. Можно было смеяться над президентом Обиталища, можно было сочувство-

вать ему, но скажите, пожалуйста, где можно достать в конце XXI века на Земле не нужные никому самовары, горшки, швейные машины или калоши? Где купить топор или заступ? Куда проще взять садового робота, огородный автомат, электронного уборщика, микроволнового повара — на Земле есть множество предметов и приборов, придуманных для того, чтобы помогать людям. Но совсем не осталось предметов, которыми трудно управлять. Они сохранились только в музеях или в коллекциях.

— Надо будет спросить в историческом музее, — сказал дедушка. — У них много всякого барахла скапливается. Может быть, им не все нужно?

— Ты не знаешь музеев, — возразила мама. — Даже если у них есть сто одинаковых ненужных вещей, они лучше создадут специальный отдел по хранению ненужных вещей, но никогда не расстанутся с пуговицей.

— На Обиталище все зависит от моей поездки, — сказал президент Авдеев Корней. — Я должен срочно научить моих детей и внуков жить простой жизнью. Иначе операция по спасению человечества от изобретений провалится. И что тогда со всеми нами станет лет через двести, я не берусь предсказать! Но я представляю себе людей будущего как откормленных свиней на пуховых подушках. А роботы и автоматы будут кормить их с ложечки сгущенным молоком.

— Стойте! — обрадовалась Алиса. — Я знаю!

— Что? — Все обернулись к ней.

— Я знаю, где можно достать ненужные старинные вещи!

— Где же? — спросил президент.

Алиса кинулась к видеофону и набрала номер Германа Шатрова. Герман был дома, он как раз собирался обедать.

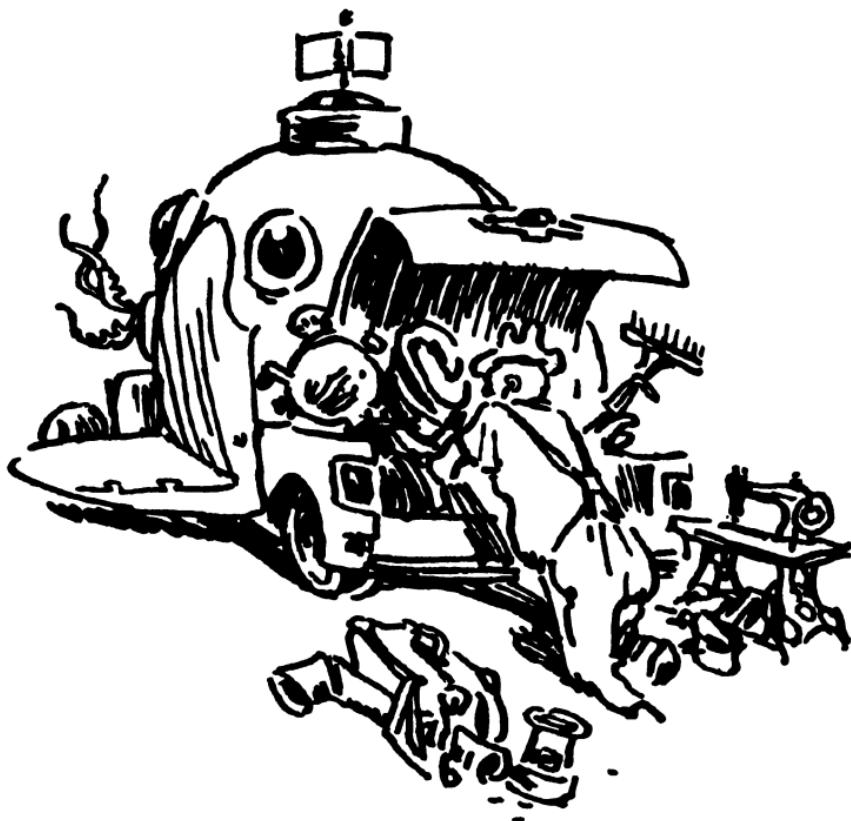
— Герман, миленький, у меня проблема, и она зависит от того, кончили ли вы снимать свою картину!

— Сегодня кончили, — ответил Шатров. — И получилась гениальная нетленка!

— А не могли бы мы с тобой, — сказала Алиса, — помочь одной хорошей планете?

— Я очень люблю помогать планетам. И если ты мне объяснишь все в двух словах, чтобы суп не остыл, я рад тебе помочь.

И тогда Алиса в трех, а может, в десяти словах объяснила Шатрову, что президент Авдеев Корней ищет и не может найти старинные вещи для своей планеты, чтобы его внуки могли расти

среди керосиновых ламп и хрустеть редиской, выращенной на своем огороде.

Шатров сдержанно улыбнулся и сказал:

— Хорошо, что ты позвонила сегодня. Завтра мы собирались разбирать наш склад. Что интересно — отдадим в музеи, а что никому не нужно, собирались выкинуть. Так что я могу сейчас позвонить Оксане-реквизитору, которая пока дежурит на складе. Она откроет зал для твоего друга, и пускай он берет то, что ему пригодится.

Алиса поблагодарила Шатрова и обернулась к президенту. Она хотела сказать ему: «Теперь вы можете ехать по такому-то адресу», но тут поняла,

что гость смотрит на нее и ждет, что она сама ему все и покажет.

Алиса вздохнула и сказала:

— Уважаемый президент Авдеев Корней, давайте я провожу вас на студию и помогу вам.

Но Громозека пожалел Алису.

— Не надо, — сказал он громовым голосом. — Я в Москве все знаю как в собственном доме. И дорогу на студию знаю. Так что отвезу президента куда нужно и помогу ему отобрать тряпки и коробки. Тем более у меня с собой есть специальная платформа, на которой я разъезжаю по Москве, ведь в такси или во флаере мне не поместиться.

Громозека поднялся и пошел к двери, возле которой уже стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, президент планеты Обиталище Авдеев Корней, которому сказочно повезло, что именно сегодня кончились съемки исторического фильма о старике Хоттабыче.

Глава 6

ПИСЬМО ИЗ АРАВИИ

Больше Алиса не видела президента Авдеева Корнея.

Громозека позвонил из космопорта и радостно сообщил, что президент набрал на студии целую платформу старых вещей и, счастливый, улетает к себе домой. Потом пришла космограмма: президент благодарил семью Селезневых и в первую очередь Алису Селезневу за исключительно важную помощь в освоении планеты Обиталище и приглашал в гости на ягоды, грибы и парное молоко.

За летними делами и заботами Алиса забыла о джинне Мустафе и даже о президенте Авдееве

Корнее. Лето оказалось очень бурным — сначала Алиса с Пашкой Гераскиным попали на Тихий океан и пережили там подводные приключения: нашли то, что осталось от Атлантиды, и даже ее последних обитателей и уже перед самыми каникулами слетали на Планету Без Памяти. Впрочем, это только со стороны кажется, что лето было очень бурным и занятым — Алиса-то считала, что это самое обычновенное лето, бывает куда интересней.

Когда она вернулась после космических путешествий домой и приняла ванну, домашний робот Поля выложил ей на письменный стол посылки, бандероли, письма, кассеты и капсулы, которые накопились дома за последний месяц.

Среди этой корреспонденции Алиса обнаружила письмо от старого знакомого джинна по имени Хасан ибн-Хасан, с которым встречалась в эпохе легенд.

В письме говорилось вот что:

«Достопочтенная и мудрая девочка Алиса!

Шлю тебе привет из солнечной Аравии, где я провожу дни и годы в темной пещере, ожидая наступления ледникового периода. Надеюсь, что ты, светлоокая, здорова, а также здоровы твои уважаемые родители и почитаемые дедушки и бабушки. От имени всех джиннов древней Аравии выражаю тебе благодарность за заботу о нашем младшем брате — недостойном джинне Мустафе. Спроси его, пожалуйста, собирается ли он возвращаться в родные края? Может быть, он погиб или, что еще хуже, женился на чужбине? Если он погиб, беда невелика, но мы, его родственники, должны знать об этом и поделить его имущество, а также занять его место в пещере. Ты его не жалей, потому что Мустафа был большим негодяем и эгоистом. Мы до сих пор подозреваем, что он убил свою бабушку. Не бойся, напиши всю правду, мстить не будем.

Твой друг Хасан ибн-Хасан.

Жду ответа, как соловей лета!»

— Погляди, Поля, что ты об этом думаешь? — сказала Алиса и протянула письмо роботу.

Робот прочел письмо, потом понюхал его и сказал:

— Пахнет сандаловым деревом, Аравийской пустыней, слезами верблюда и невероятной древностью.

— Все правильно, — согласилась Алиса. — Но скажи мне, что означают вопросы о Мустафе? Неужели он пропал без вести?

— Не исключено, — ответил робот. — Я до сих пор не доверяю путешествиям во времени. Один знакомый робот рассказывал мне, что каждый третий путешественник во времени прилетает подмененный.

— Как так подмененный? — удивилась Алиса. Она знала, что робот Поля свободное время

проводит на завалинке в мастерской по починке роботов в Кратове и там набирается глупых слухов и сплетен, которыми обмениваются старые роботы.

— Из себя он точно такой, как прежде, — сказал робот. — Даже родная мама не узнает. Но на самом деле от него остается одна оболочка. Все внутренности перехватываются на полпути заговорщиками, которые подстерегают его и отправляют воевать в армию Серой Дыры.

— Ясно, — вздохнула Алиса, — от тебя мне толку не добиться. Но я на самом деле волнуюсь, что же могло произойти с джинном? Где мне узнать?..

— В Институте Времени, где же еще, — сказал робот. — Но правды не знают и они.

— Помолчи, Поля, — рассердилась Алиса. — Разговор о серьезных вещах, а ты придумываешь неизвестно что!

— Я придумываю гипотезы, — возразил домашний робот. — Я настоящий ученый. Не исключено, что я уйду от вас и поступлю в университет!

Алиса отмахнулась от робота и набрала номер справочной Института Времени.

На экране появилась девушка, остриженная почти наголо — так стригутся все сотрудники Института Времени, чтобы легче было надевать парики и маскироваться.

— Чем я могу вам помочь? — спросила девушка у Алисы.

— Один знакомый, — сказала Алиса, — прилетел ко мне в гости из эпохи легенд, пожил у меня месяц и отправился обратно. А его родственники прислали мне письмо, в котором утверждают, что он не вернулся домой.

— Наверняка по дороге его перехватили, —

вмешался в разговор робот Поля. — Украли, это точно! И теперь он воюет в армии Серой Дыры.

— Такого быть не может! — возмутилась девушка. — Случалось, что наши сотрудники пропадали без вести в прошлом. Некоторые даже оставались там добровольно... Впрочем, вам все это знать не обязательно.

— А куда Мустафа делся? — строго спросил Поля.

— Мустафа — это имя вашего гостя? — спросила девушка.

— Да, — сказала Алиса. — Он джинн, из древней Аравии.

— Одну минутку! — попросила девушка, и видно было, что она смотрит на экран своего компьютера.

— Подождите, — попросила ее Алиса. — Не ищите, пожалуйста, Мустафу в списке гостей из прошлого. Его там нет.

— Почему же? Имена всех гостей обязательно вводятся в наш компьютер.

— Но он прибыл к нам в кувшине, — сказала Алиса. — Он был запечатанный.

— Откуда такая жестокость? — удивилась девушка.

— У древних джиннов так принято путешествовать, — сказала Алиса. — Они предпочитают жить в кувшинах или бутылках. Вот и Мустафа приехал к нам в кувшине. А кувшин был в ящике. В посылке. И если вы проверите, то увидите, что в июне вы получали из эпохи легенд посылку на имя Алисы Селезневой.

Девушка снова обратилась к экрану и через минуту сказала:

— Вы совершенно правы, девочка. В июне сего года поступала посылка на имя Алисы Селезневой из эпохи легенд с обратным адресом: «Древняя

Аравия. Пещера джиннов, джинну Хасану ибн-Хасану». Правильно?

— Правильно, — сказала Алиса. — А теперь скажите, пожалуйста, когда джинн Мустафа улетел от нас обратно в эпоху легенд?

— Не путайте меня! — воскликнула девушка. — Вы сказали, что получили из эпохи легенд посылку, а теперь спрашиваете, когда вернулся Мустафа. Вы же не получили Мустафу?

— А кто тогда был в посылке?

— Это вам лучше знать, — сказала девушка.

— В посылке был джинн Мустафа. Вернее, в посылке был кувшин, а в кувшине путешествовал джинн Мустафа. И мне хочется узнать, когда он вернулся обратно.

— В кувшине? В посылке? Или просто так?

— Мне все равно как! — сказала Алиса. — Мне только хочется узнать, когда это случилось.

Девушка поняла и долго смотрела на экран своего компьютера. Потом вздохнула и сказала:

— Простите, Алиса, но, к сожалению, за все лето от нас в эпоху легенд не было никаких отправлений!

— Но, может быть...

— Что может быть?

— Может быть, он по ошибке куда-то еще полетел?

— Послушайте! Какая может быть ошибка? Если мы отправляем кого-то в прошлое, то мы делаем это в соответствии с законом и всеми правилами. Никто не может просто так, без разрешения, кинуться в прошлое, тем более в эпоху легенд.

— А он полетел в другую эпоху! — крикнул робот Поля. — Ищите его в самой безобразной эпохе. В самой жуткой и варварской эпохе. В армии Серой Дыры! Там ему и место.

— Да поймите же! — совсем расстроилась девочка. — Если вы не верите мне, я могу позвать директора института. Если бы в машину времени забрался кто-то неучтенный, то компьютеры сразу бы определили его вес и размеры. После того как один мальчик из двадцатого века попал к нам, а потом одна девочка убежала от нас в двадцатый век, у нас очень строго по этой части. Очень строго.

— Знаю, знаю, — сказала Алиса, — я и была этой девочкой.

— Тогда вы тем более должны понимать, что никакой джинн у нас не проскочит без разрешения. Даже в коробке.

Алиса отключила видеофон и пригорюнилась.

Как сообщить теперь джиннам в древней Аравии, что не знаешь, куда делся их родственник Мустафа?

— Кто мог его видеть последним? — задала себе вопрос Алиса.

— Кто-то на киностудии, — отозвался умный робот Поля. — Наверняка ему дали флаер, чтобы он долетел... Только вот вопрос: куда он долетел?

Алиса уже кинулась к видеофону.

К счастью, Герман Шатров был в Москве.

— Герман, — спросила она, — ты помнишь последний день съемок вашей картины?

— Конечно, помню.

— Когда съемки кончились, что делал джинн Мустафа? — спросила она.

— Совершенно не представляю. Я его в суматохе и не разглядел.

— Кто мог его видеть?

— А что случилось?

— Пропал Мустафа. Не вернулся в Аравию. Родственники волнуются.

— Но не мог же он остаться в Москве! Мы
бы об этом узнали.

— Мы бы узнали... но есть одна ужасная
возможность... мне даже страшно подумать...

— Алиса, что ты думаешь? Чего ты боишься?

— Скажи, куда делись все декорации вашей
картины, все предметы и вещи?

— Они, наверное, на складе, а может, их
вернули в музей.

— Где склад?

— Я сейчас позову Оксане-реквизитору. Она
должна знать.

— Срочно звони! Я не отхожу от экрана!

Герман стал звонить девушки с золотой косой,
а робот Поля спросил Алису:

— Ты чего боишься? Мне-то можешь сказать?

— Я боюсь... я боюсь, что Мустафу могли забыть!

— Как забыть? Где забыть?

— На складе забыть, — сказала Алиса. — Он же в кувшине! А что если он лег отдохнуть и кто-то заткнул кувшин пробкой? А потом все ушли, и наш несчастный Мустафа до сих пор сидит в кувшине на складе?

Такая мысль перепугала и Полю.

— Это слишком жестоко! — сказал он.

Тут позвонила Оксана.

Алиса сказала ей, что боится, не забыли ли на складе кувшин. Оксана сказала, что, конечно, этого быть не должно, но мало ли что может случиться с таким противным и приставучим джинном, как Мустафа. Она согласилась тут же поехать на склад, открыть его и поглядеть, нет ли там кувшина.

Алиса с Полей помчались на флаере туда же.

Вместе с Оксаной и прилетевшим Германом они открыли большой склад, где хранился реквизит от разных картин, и начали искать кувшин с джинном. Они переворачивали вещи, они звали Мустафу, надеясь, что джинн отзовется из кувшина... но все напрасно!

Потом они обзвонили все музеи и школьные исторические кабинеты, куда могли передать вещи со съемок. Но и там не было ни одного подходящего кувшина.

Так что пришлось смириться с мыслью, что джинн Мустафа пропал без вести. Осталось только послать телеграмму в эпоху легенд, чтобы родственники-джинны начинали делить его имущество и место в пещере, но Алиса все откладывала этот момент. Как будто еще на что-то надеялась.

Глава 7

АЛИСА ЛЕТИТ НА ПЛАНЕТУ ОБИТАЛИЩЕ

Светлые идеи приходят в любое время суток. Захочет такая идея тебя посетить — вот и пришла. И ей все равно — ночь это или разгар дня. Так случилось и с Алисой.

Она проснулась среди ночи и совершенно явственно подумала: «Я знаю, где сейчас бедный Мустафа. Он попал на планету Обиталище к президенту Авдееву Корнею вместе со старинными предметами со съемок».

Алиса была настолько уверена в своей догадке, что тут же прошла босиком в папин кабинет и включила там галактическую связь. Археолог Громозека копал затерянный город на какой-то отдаленной планете, но его межпланетный телефон у папы был записан в компьютерную книжку. Так что Алиса тут же набрала код и номер. К счастью, в месте, где происходили раскопки, была середина дня. Громозека тут же подошел к телефону и узнал Алису.

— Что случилось? — переполошился он. — Ты попала под флаер? Мама утонула? Дедушка сломал ногу?

— Погоди, Громозека, — остановила его Алиса. — Все куда проще. Постарайся вспомнить, какие вещи брал президент Авдеев Корней со склада на киностудии.

— Ну как теперь вспомнишь! Несколько месяцев прошло!

— Постарайся, это очень важно.

— Он брал стол, самовар, сундук, валенки... Он брал массу вещей.

— А среди вещей был большой восточный медный кувшин?

— Может быть, — сказал Громозека, — я за ним специально не наблюдал.

— Вспомни, миленький! От этого зависит жизнь одного... существа.

— Какого?

— Джинна Мустафы! Может быть, вы нечаянно забрали со съемок кувшин, в котором он спал, и никто этого не заметил.

— Как же не заметил? А разве джинн не снимался в кино?

— Вы попали туда как раз в конце съемок. Была суматоха, все собирались, разъезжались. И никто не хватился несчастного Мустафы.

Громозека горько вздохнул и сказал:

— Нет, не помню. С одной стороны, мне кажется, что вроде бы я видел какой-то кувшин, но, с другой стороны, я ничего не видел...

— Тогда, — решительно произнесла Алиса, — у меня нет выбора. Я лечу на планету Обиталище. Туда ходят рейсовые?

— Какие рейсовые! — удивился Громозека. — Туда ничего не ходит. Только раз в году привозят почту, новые ботинки, соль и спички...

— Дай координаты!

— Координаты есть в справочнике. Но, Алиса, это же неразумно!

— Разумно, — возразила Алиса. — Я виновата и должна это дело распутать.

— Ты туда не попадешь, — сказал Громозека. — Представь себе — это же самая отсталая и первобытная планета во всей Галактике. Они отказались от всего, даже от электричества. К ним никто не летает, они никуда не летают...

— Тем лучше. До встречи, Громозека! — попрощалась Алиса. — У меня как раз осталось два дня до конца каникул.

— Но кто тебя повезет?

— Мой друг, — ответила Алиса.

И она говорила правду.

У Алисы на самом деле есть добрый друг — это маленький разумный космический корабль Гай-до. Он живет под Вроцлавом в семье Ирии Гай, воспитывает ее малышку. Алиса с Гай-до побывали во многих переделках. Алиса надеялась, что Ирия разрешит ей взять кораблик на два дня, чтобы поискать на первобытной планете кувшин с потерявшимся джинном.

Ирия отпустила Гай-до на выходные, папа и мама согласились с Алисой, что ей необходимо поискать Мустафу, и вот через два дня она отправилась на Гай-до на поиски планеты Обиталище.

Дорога была нелегкой, но Гай-до промчал Алису как на гонках, и к вечеру следующего дня они подлетали к планете Обиталище.

— Учи, кораблик, — сказала Алиса, стоя у пульта управления, — что нас никто не встретит. У них даже нет электричества... Такие они все принципиальные.

— Вытерпим, — ответил Гай-до.

Сделав круг, Гай-до снизился над небольшой, поросшей лесами планетой Обиталище.

Алиса стояла у иллюминатора, стараясь отыскать поле, на краю которого должна стоять избушка поселенцев.

Но вместо нее она увидела, как навстречу им с планеты поднялся гравитолет, небольшой, но вполне современный.

Сделав круг, он приблизился к Гай-до.

— Кто к нам в гости? — спросили с корабля. — С какой целью?

— Это я, Алиса Селезнева.

Алиса подумала, что ошиблась и попала на другую планету.

— Сверяю с компьютером, — сказали с гравитолета, — есть ли в списке наших друзей Алиса Селезнева.

И через минуту Алиса услышала:

— Добро пожаловать, Алиса! Наша планета ждет тебя. Ты у нас желанный гость. Следуйте за мной.

Гай-до полетел за гравитолетом и вскоре опустился на пластиковую посадочную площадку неподалеку от небольшого, но странного города. В том городе не было домов, магазинов и улиц. Только несколько высоких дворцов и замков, каждый из которых был окружен садом. Но самое удивительное заключалось в том, что эти дворцы не были придуманы архитекторами, а повторяли какое-нибудь всем известное здание. Там стояли в окружении клумб и цветников, пальм и магнолий Эйфелева башня, пирамида Хеопса, дворец Мамакарда Четвертого Паталикутры, Эмпайр Стейтс Билдинг из Нью-Йорка,

московская Останкинская телевизионная башня, собор Парижской Богоматери, индийский мавзолей Тадж-Махал, дворец императора планеты Прохладные Струи, известный тем, что был выпилен из гигантского изумруда...

— Какое странное у них представление о простоте и древности! — сказала Алиса. — Я-то была уверена, что мы выйдем на лужайку, где пасется стадо коров, что мы будем пить чай из самовара в маленькой избушке...

— Не делай выводов раньше времени, — сказал Гай-до. — Вылезай, осмотрись. Тем более что тебя здесь знают и даже, кажется, ждут.

С этими словами Гай-до открыл люк, и Алиса вышла на пластиковое покрытие.

И тут она увидела, что от дворцов и башен к ней летит несколько флаеров самых разнообразных моделей, размеров и раскраски. Но все это были современные машины, скоростные, автоматические, чудо техники.

Из флаеров высказывали молодые люди и дети, одетые легко и ярко, все чем-то похожие друг на друга.

Они кидались к Алисе, обнимали ее, целовали, дети называли ее сестренкой, взрослые — дочкой.

Первый из мужчин, знакомясь с Алисой, представился:

— Авдеев Фаддей. Жду в гости!

Второй сказал:

— Авдеев Алексей. Я вам так благодарен за подарок! А вот моя жена Валерия.

Третий мужчина назвался:

— А я Авдеев Кирей, жену мою зовут Калерий.

Алиса уже догадалась, что она встретилась с семейством Авдеева Корнея, президента планеты Обиталище.

Поэтому она спросила:

— А где же ваш пapa, президент планеты?

— К сожалению, — ответил Алексей, — пapa не сможет вас приветствовать. И я не знаю даже, захочет ли он вас увидеть.

— Я к вам ненадолго, — сказала тогда Алиса. — Мне только хотелось у вас спросить, не знаете ли вы о судьбе... Может быть, вы видели кувшин... Я ищу... — Ну никак Алиса не могла задать вопрос о джинне, потому что дети и взрослые тянули ее к себе, приглашали в гости в свои дворцы и замки, которые, оказывается, и были их домами.

— Подождите! — раздался сверху голос. — Выслушайте Алису. Не кричите все сразу!

Авдеевы замолчали. И посмотрели вверх.

— Извините, — сказала Алиса, — это говорил мой кораблик.

— Правильно, — громким голосом произнес Гай-до. — Мы прилетели узнать, не попал ли к вам на планету случайно кувшин с джинном Мустафой. Он пропал без вести, и его родственники беспокоятся, не погиб ли он?

— Ничего подобного! — послышался голос джинна Мустафы, который опускался с неба на ковре-самолете. — Я жив, здоров, счастлив. И отлично понимаю, что мои родственники-джинны ждут не дождутся, чтобы я помер, тогда они поделят все мои драгоценности и вещи, займут мое место в пещере и тут же забудут обо мне.

Глава 8

ОДИНОКИЙ ПРЕЗИДЕНТ

Ковер-самолет повис над землей как диван. Мустафа величественно сошел с него, и все жители планеты Обиталище поклонились ему. А

маленькие дети, которых там было видимо-невидимо, подбежали к нему, чтобы он взял их на руки и подбросил к небу. Через полчаса все Авдеевы, Алиса, джинн Мустафа и даже кораблик Гай-до собрались на верхней площадке Эйфелевой башни.

Всем известно, что Эйфелева башня уже много лет стоит посреди города Парижа, и туристы со всего мира съезжаются туда, чтобы ею полюбоваться.

И вот, оказывается, на планете Обиталище недавно построена точная копия французской башни, такая же высокая, как в Париже. Ее вершина часто скрывается в облаках.

На вершине Эйфелевой башни есть площадка. На ней стоит большой стол, окруженный креслами. Кресла там разные. Есть обыкновенные для взрослых Авдеевых, есть широкое кресло для джинна Мустафы, есть маленькие кресла на высоких ножках для авдеевских детей. Только, разумеется, для Гай-до кресла не нашлось, и он повис в воздухе над перилами площадки.

С шумом, смехом, разговорами Авдеевы заняли места за столом.

Рядом с Алисой кресло пустовало.

— А тут кто должен сидеть? — спросила она.

Авдеевы грустно замолчали. Потом Алексей сказал:

— Это кресло ждет нашего папу, Авдеева Корнея, президента нашей планеты.

— А где же он?

— Он там, за рекой, в тени деревьев, — сказал Кирей. И грустно вздохнул.

Существовала какая-то тайна, но Алиса понимала, что, когда нужно, эту тайну раскроют. Самой же лучше не вмешиваться в чужие дела.

Валерия и Калерия принесли большой само-

вар, и все принялись пить чай. Алиса заметила, что самовар был единственной старинной вещью на столе — все остальное было совершенно современным, даже гренки саморазогревались, стоило до них дотронуться, сахар сам пересыпался из сахарницы в чашку, стоило тебе этого захотеть. Кроме чая, конфет и торта, на столе стояли блюда с киви, ананасами, бананами, виноградом и другими фруктами.

День клонился к закату, но солнце еще пригревало. Поэтому было очень приятно пить чай на вершине Эйфелевой башни, где веял свежий ветерок. Авдеевы расспрашивали Алису о новостях на Земле и в Галактическом центре. Оказывается, они были в курсе многих событий и поддерживали с Землей связь. По системе нольтранспортировки им пересыпали кассеты с новыми фильмами и компьютерными играми. Кстати,

дети, которым надоело слушать, как разговаривают с Алисой взрослые, стали играть, а другие принялись летать вокруг, надев крылья или сапоги-самолеты.

— Расскажи, Мустафа, — попросила Алиса джинна, который подошел к ней с бокалом апельсинового сока, — как случилось, что ты сюда попал? Правильно ли я догадалась, что тебя увезли по ошибке?

— О мудрая из мудрейших девочек Вселенной, — сказал Мустафа, — я счастлив тем, что могу считать себя в числе твоих ближайших друзей! Ты права, о, как ты права! Три месяца назад, в день окончания съемок, я утомился и залез в свой кувшин, чтобы немного отдохнуть. Девушка Оксана, да продлит небо ее жизнь и золотую косу, обещала мне, что за мной пришлют флаер. Но, конечно же, коварное создание, она об этом позабыла. Только заткнула кувшин пробкой, чтобы актеры и режиссеры не отвлекали меня от отдыха. Когда же я очнулся, то понял, что меня куда-то везут. Но и это меня не встревожило, я думал, что меня везут на флаере домой. И я снова заснул и проспал до тех пор, пока не очнулся в космосе, куда меня нечаянно увез уважаемый президент Авдеев Корней, да продлит небо его жизни!

— И что же случилось потом? — спросила Алиса.

Авдеевы собрались вокруг и внимали рассказу джинна, словно слышали его впервые.

— А потом я стал стучаться, потому что проголодался. И можешь представить мой гнев, когда кувшин открыли и вместо тебя и робота Поли я увидел незнакомое мне лицо президента Авдеева Корнея. О ужас, я был готов растерзать его на части! Но не мог.

— Почему же? — спросил Гай-до, который с интересом слушал рассказ, повиснув над перила-ми площадки.

— Да потому, невежественная железка, — от-ветил джинн, — что по правилам судьбы я ста-новлюсь слугой тому человеку, который выпустил меня из кувшина. А таким человеком стал Кор-ней.

— И что же ты делал?

— Первые три дня, — сказал джинн Муста-фа, — я помогал этому человеку строить новую избу для его детей, затем он заставил меня пасти стадо, плести лапти, доить коров и отгонять медведей, которые зачастили на пасеку. Ты пред-ставляешь, как унизительно было великому из великих, первой кинозвезде среди джиннов Мус-тафе заниматься этими делами?

— Да, я могу представить, — улыбнулась Алиса.

— На ночь Корней сажал меня в кувшин и затыкал пробкой. И я был обязан его слушаться. И если бы не доброта моих друзей, — джинн обвел когтистой рукой вокруг, показывая на семейство Авдеевых, — мне бы пришлось навечно остаться в грязных рабах на скотном дворе.

— И что же случилось? — спросила Алиса у Авдеева Алексея.

Алексей посмотрел на Валерию, Валерия на Калерию, Калерия на Фаддея, а Кирей сказал:

— Чего уж таить от тебя, Алиса! Расскажем тебе всю правду! Конечно, мы уважаем нашего папу Корнея. Конечно, мы послушно отправились следом за ним, чтобы жить на дикой планете первобытной жизнью, пахать землю, жить без электричества и телевизора и радоваться простой жизни... Но поставь себя на наше место: неужели ты бы не устала от такой хорошей жизни?

— Устала бы, — призналась Алиса. — И сбежала бы с этой планеты.

— А мы придумали другое. В одно прекрасное

утро, когда папа уехал косить траву на речку, мы открыли кувшин и выпустили джинна.

— Так и было! — подтвердил Мустафа.

— Мы объяснили джинну, что сил у нас больше нет жить такой же простой жизнью, какой жили пещерные люди!

— А я им сказал, — продолжил джинн, — что тоже больше не в силах доить коров, отпугивать медведей! Хватит! Мы живем в цивилизованном веке! У Алисы Селезневой я каждый день смотрел телевизор, а уж что я делал, когда снимался в кино, этого вам никогда не понять! — И тут джинн Мустафа почему-то громко расхохотался.

— Мы попросили джинна: вылезайте, пожалуйста, из кувшина и давайте вместе переводить планету на рельсы прогресса, — сказал Кирей.

— Как так? — удивилась Алиса.

— А так, — засмеялась Калерия. — Когда президент Корней вернулся с сенокоса, у нас уже было проведено электричество, работал телевизор и водопровод с канализацией. Ты бы посмотрела, как он кричал. А мы говорим: что делать, мы выпустили джинна из бутылки, а где он теперь, никто не знает. И пока он не изменит всю планету, он не остановится.

— Так и случилось, — сказал Мустафа. — Я заказал книгу по имени Энциклопедия, посмотрел там картинки и каждому из Авдеевых построил по дворцу, а чтобы им было интереснее и детям для образования полезнее, наши дворцы — копии дворцов из других времен и мест. Мы снова изобрели воздушное сообщение и сделали автоматы, чтобы они работали в садах и на огородах... Мы многоного добились, но это еще не все!

— Не все! — хором откликнулись Авдеевы. — У нас немало интересных планов. Приезжайте

через год — Обиталище станет самой передовой планетой в Галактике.

— Да здравствует содружество джиннов и людей! — закричал мальчик Боря, сын Алексея.

Наступил вечер, солнце клонилось к закату. Гай-до парил над перилами башни.

Допив чай, Алиса спросила:

— А где же президент Корней?

— Он отказался участвовать в наших планах, — сообщила Валерия. — Он сказал, что будет и дальше гнуть свою линию.

— И что же?

— Гнет и гнет.

— А можно с ним повидаться?

— Конечно, можно, если он этого захочет, — сказал Алексей. — Но он ложится спать с заходом солнца, так что придется подождать до завтра.

— Но солнце еще не село, — сказал Гай-до, — я успею домчать Алису до дворца президента.

— Ну что ж, рискните, — сказал Алексей. — Калерия покажет дорогу. С остальными родственниками папа, к сожалению, не желает разговаривать.

— А меня он ненавидит, — вздохнул джинн. — Хотя, казалось бы, что плохого я сделал — доил коров, гонял медведей, а потом изобрел электричество и радио...

Калерия и Алиса залезли в Гай-до, и через несколько минут он домчал их до лесного озерка, на берегу которого стояла избушка. Возле избушки на завалинке сидел бывший президент планеты Авдеев Корней и вырезал из деревяшки столовую ложку.

Калерия осталась возле Гай-до, а Алиса подошла к Авдееву и, поздоровавшись, спросила:

— Вы помните меня?

— Почему же не помнить? Ты Алиса Селезне-

ва, я у тебя с Громозекой был в гостях. И ты показала мне, где лежат старые вещи. Поэтому ты и есть мой главный враг!

— Но почему?

— Это ты подсунула мне кувшин с джинном! И оттуда пошли все мои неприятности.

— Да я до последней минуты не знала, куда дедся джинн Мустафа. Я и к вам приехала, потому что искала его.

— Уходи! — закричал печальный и даже злой президент и запустил в Алису недоструганной деревянной ложкой.

— Может, вам чего-нибудь нужно? — спросила Алиса.

— Мне все дает природа, — ответил Авдеев.

В сарайчике возле дома замычала корова.

Не прощаясь, президент поднял с земли мятое ведро и пошел в сарай доить.

Пришлось улетать, не попрощавшись.

На посадочную площадку Алису пришли про-

вожать все Авдеевы. Они дали ей миллион поручений.

— Какое послание отправить твоим родственникам в Аравию? — спросила Алиса.

Джинн вытащил из кармана шаровар ловко вылепленную из глины человеческую кисть. Ее пальцы были сложены так, что большой палец находился между указательным и средним.

— Это у нас, джиннов, — сказал он, — называется фигой или шишом.

— А у нас тоже, — улыбнулась Алиса.

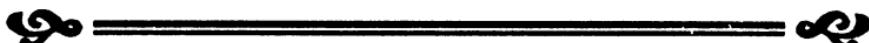
— И у нас, — сказали Авдеевы.

— Это означает, что ничего они не получат, — решительно произнес Мустафа. — Ни вещей моих, ни драгоценностей, ни портретов моих бывших жен, ни моего места в пещере. Вот поживу здесь в свое удовольствие, лет через сто вернусь и наведу там порядок!

Он обнял за плечи старшую дочку Калерии, милую крепкую веселую девушку, а свободной рукой махал Алисе до тех пор, пока Гай-до не скрылся в облаках.

Алиса смотрела в иллюминатор на удаляющуюся планету, а Гай-до сказал:

— Надо же было так случиться, чтобы древний и первобытный джинн разрушил мечту Авдеева о древней жизни!

ИЗЛУЧАТЕЛЬ ДОБРОТЫ

Глава первая ОАЗИС В ПУСТЫНЕ

Никогда бы Алиса Селезнева не познакомилась с Корой Орват и не пережила страшные приключения в Золотом Треугольнике, если бы не дедушка.

Когда Алисочке было пять лет, дедушка привнес домой скрипку и сказал, что находит у Алисы идеальный слух и поэтому ей пора учиться музыке, чтобы стать великой скрипачкой.

Целый год Алиса занималась с учительницей Сферой Яковлевной, а дедушка сидел на уроках и таял от наслаждения — его мечта готова была сбыться.

Через год Алиса взбунтовалась и сказала, что станет пожарником. После отчаянной гражданской войны дедушка, конечно же, потерпел поражение, скрипку убрали в шкаф, Сфера Яковлевна перешла к другим талантам, а Алиса не стала пожарником, но с увлечением занимается на станции юных биологов, которая скрывается под пальмами и баобабами Гоголевского бульвара в Москве.

У Алисы есть тайна: порой, когда дома никого из взрослых нет, она достает из шкафа скрипку

и играет на ней для себя. Ведь когда тебя не заставляют, начинает хотеться. Правда, это желание с возрастом возникает все реже...

Но однажды, уже в шестом классе, умение Алисы играть на скрипке пригодилось науке.

Аркаша Сапожков начал проводить опыты по воздействию музыки на рост растений. Он был убежден, что растения не такие тупые и бесчувственные, как принято считать. И если их ублажать, они заплатят тебе сторицей. Вот и начал Сапожков ставить возле куста роз проигрыватель, чтобы тот играл цветам классическую музыку. Розы слушали музыку, но никак не реагировали.

Аркаша менял кассеты, перебрал всех композиторов за последние двести лет, но безрезультатно.

Его тщетные опыты как-то увидел и услышал Пашка Гераскин. Он тут же сказал, что Аркаша неправильно ставит опыт, потому что розам не нужны симфонии и канканы. Розам нужен хороший джаз или по крайней мере рок-дроп и рок-джамп — два основных направления жесткой эстрадной музыки XXI века.

Аркаша не умел спорить с Гераскиным, так что тот поставил свои кассеты, и к концу дня кончики листьев на розовых кустах начали дрожать в такт ритму. Пашка обрадовался, закричал на всю Москву, что сделал эпохальное и гениальное открытие.

Прошло еще три дня. От громкой музыки устали не только биологи, но и жители окрестных домов. Даже птицы перестали петь на бульваре. Розовые кусты, хоть и угнетенные шумом, продолжали расти как росли, а Пашка Гераскин больше на станции не появлялся, потому что готовился к новому великому начинанию — первенству мира по блицдомино среди мальчиков. Уговорить его вернуться на станцию не удалось.

Лишь на четвертый день он прислал на Гоголевский бульвар какого-то старичка в черном кожаном костюме с блестками и нашлепками, который заявил, что пленки принадлежат ему и он без них не может спать.

Биологи с великим облегчением вернули пленки и стали наслаждаться тишиной.

Они наслаждались тишиной целый день, а потом Аркаша подошел к Алисе и спросил:

— А правда, что тебя в детстве учили играть на скрипке?

— К счастью, я скоро сбежала из дома, — сообщила Алиса, — и жила в лесу, как Маугли, питалась медом диких пчел, а если видела в лесу скрипача, то разрывала его зубами!

Аркаша выслушал Алису, склонив голову набок. Он порой думает медленно, но всегда в конце концов находит правильное решение. Вот и в тот раз через минуту он медленно произнес:

— Это была шутка! — И сам счастливо засмеялся.

— В моей шутке была доля правды, — предупредила Алиса.

Аркаша не испугался. Он был серьезен.

— Ты не совсем разучилась играть на скрипке? — спросил он.

— А почему я должна разучиться?

— Много лет прошло. Ты же еще дошкольницей была.

— Чего тебе надо, друг? — строго спросила Алиса. — Ведь ты спрашиваешь не из пустого любопытства?

— Я никогда не позволю пустому любопытству овладеть мною, — ответил Аркаша.

— Тогда расскажи, что ты задумал.

Аркаша подошел к розовому кусту. Он смотрел на него и говорил печальным голосом:

— Все наши опыты пока провалились. Эти проклятые розы не хотят слушать музыку. Ни классическую, ни джазовую, ни рок-дроп, ни рок-джамп. А вдруг, подумал я, это происходит оттого, что музыка, которой мы питаем растения, ненастоящая? Ведь я начал свои опыты, потому что прочел о том, что средневековые монахи заставляли горох созревать скорее, играя перед ним на лютне. Ты следишь за ходом моих мыслей?

— Это несложно, — ответила Алиса.

Аркаша поперхнулся. Не очень приятно сознавать, что твои мысли несложные. Но так как он, в отличие от Пашки, не позволял себе шумных сцен, то, помолчав, продолжал:

— И я тогда подумал: а не предложить ли нашим цветам настоящую музыку? Живую! Сначала я хотел пригласить какого-нибудь скрипача или пианиста, а то и целый оркестр, но Маша Белая сказала, что ты в детстве учились играть на скрипке...

— Ты хочешь, чтобы я играла на скрипке перед розами? — удивилась Алиса.

— Вот именно! Ты немножко поиграй, часика три-четыре, и мы посмотрим, обратят ли цветы на тебя внимание.

Алиса покачала головой.

— Нет, — сказала она, — я все забыла. Ведь я несколько лет скрипку в руки почти не брала.

— Почти? — Аркаша как клещ вцепился в неосторожно сказанное слово. Он сразу догадался, что Алиса иногда играет на скрипке. Для себя. В конце концов Алиса была вынуждена признать, что Аркаша прав. А еще через день она принесла свою скрипку.

К тому времени Аркаша уже вычислил самое лучшее расстояние до розового куста, учел направление ветра и расположение солнца. Он

поставил Алису на дорожке в двух метрах двадцати сантиметрах от куста так, чтобы солнце находилось справа от Алисы. Затем посмотрел на часы и велел подождать сорок секунд.

— Поехали! — крикнул он наконец.

Жираф Злодей подошел к Алисе и, опустив голову к скрипке, принял ее обнюхивать.

— Отойди, — сказала Алиса, — это не едят.

Но и другие животные, обитающие на станции юных биологов, тоже потянулись поглядеть, что будет делать их любимая Алисочка, и Аркаша пришлось их отгонять.

Алиса тем временем начала с простых упражнений — ей ведь тоже надо было освоиться. Скрипка послушно прижалась к плечу, она была приятной на ощупь, и ей хотелось петь — только помоги ей, коснись струн!

И Алиса заиграла.

Вскоре она забыла о времени, о слушателях, о том, что минуты несутся, словно лыжники с горы...

Аркаша подошел к розовому кусту и стал всматриваться в него.

И убедился, что куст не остался совсем равнодушным к Алисиной игре на скрипке: листья чуть шевелились, откликаясь на музыку, а лепестки цветов раскрывались, чтобы не пропустить ни одной ноты.

— Есть! — обрадованно закричал Аркаша.

Розовый куст смущился и замер, жираф Злодей отпрянул и спрятался за баобаб, питекантроп Геракл сиганул на дерево и скрылся в листве.

— Боюсь, — сказала Алиса, опуская скрипку, — что ты все испортил.

И слушатели согласились с ней.

— Ничего подобного! — не сдавался Аркаша. — Опыт увенчался успехом, потому что на

этом этапе нам ничего больше не нужно. Мы пойдем шаг за шагом.

— Без меня, — заметила Алиса.

— Как так без тебя? Мы же разделим с тобой славу!

— Думаю, что с тобой никакой славы мне не дождаться, — ответила Алиса, все еще сердившаяся на Аркашу, который не вовремя расшумелся.

Она положила скрипку в футляр.

— Что ж, — сказал Аркаша, — если ты не хочешь мне помочь, то я приглашу квартет Бородина, там работают добрые люди.

Так закончились опыты на станции, но не закончились приключения Алисы.

За ужином Алиса призналась маме, что сегодня играла на скрипке, чтобы помочь Аркаше проводить опыт, но ничего из этого не вышло.

— И не выйдет, — сказала мама. — Потому что ученые уже доказали, что, просто играя, распевая песни или даже стреляя из пистолета рядом с растением, ты ничего не добьешься.

— Значит, это тупик?

— Ничего подобного! — засмеялась мама. — Я сегодня утром видела передачу о профессоре Лу Фу. Ты что-нибудь знаешь о профессоре Лу Фу?

— Я слышала... — сказала Алиса неуверенно. Но тут же вспомнила: — Конечно, он придумал гравитационные двигатели! Правда?

— Он многое сделал помимо этого. Но гравиляты — его самое известное изобретение.

— Это было очень давно! Наверное, до нашей эры.

— Это было шестьдесят лет назад. Но дело в том, что профессору Лу Фу скоро исполняется сто лет.

— А при чем здесь скрипка и растения?

— Потому что лет десять назад великий Лу Фу

Алиса тем временем начала с простых упражнений —
ей ведь тоже надо было освоиться.

оставил свой институт в Шанхае, покинул друзей и учеников и уехал в пустыню Такла-Макан.

— Куда?

— Ну вот, Алисочка! — расстроилась мама, которая всегда хотела, чтобы Алиса выросла широко образованным человеком. — Можно подумать, что ты не училась в школе...

— Мама, — призналась Алиса, — в тот день, когда в школе проходили пустыню Такла-Макан, я болела.

— Ты уверена?

— Это же ты не пустила меня в школу! У меня болело горло.

— Сдаюсь, — сказала мама. — К сожалению, моя дочь хитрее меня.

— Мамочка, пожалуйста, напомни мне о пустыне Такла-Макан.

— Если ты возьмешь карту, — сказала мама, — то увидишь, что точно в центре Азии находится громадная пустыня Такла-Макан, до сих пор не освоенная человеком. Она тянется на многие сотни километров к северу от Тибета и похожа на гигантское пересушенное блюдце, куда не попадают дожди, потому что со всех сторон оно окружено горными хребтами. Речки, которые стекают в это блюдце с гор, зимой замерзают, ведь там бывает холодно, как в Сибири, а летом почти все пересыхают и теряются в песках. Лишь самая большая из них, Тарим, которая течет по северному краю пустыни, достигает большого соленого озера Лоб-Нор. Это озеро мелкое, и никто не скажет точно, какую площадь оно занимает...

— Мама! — воскликнула Алиса. — Откуда ты так много знаешь? Это ненормально!

— Это совершенно нормально, потому что когда я была студенткой, то путешествовала по

пустыне Такла-Макан и даже побывала на озере Лоб-Нор.

— Но зачем?

— Потому что мне это было интересно.

— Разве человеку может быть интересна голая пустыня?

— Во-первых, — возразила мама, — пустыни никогда не бывают скучными и голыми. Как будущий биолог ты должна знать, что в любой, даже самой безводной пустыне кипит жизнь, только она принимает особые формы — обитатели пустыни в жару скрываются под песком или в норках, травы и даже кустарники сбрасывают листья в жаркий или холодный периоды года, зато когда в пустыню приходит весна, она вся расцветает. Нет, Алиса, на свете более буйного и красочного зрелища, чем цветущая пустыня, покрытая крокусами, нарциссами, тюльпанами и множеством других трав и цветов. Растения спешат, они должны отцвести, дать плоды и семена за несколько недель, а за это же время всякая пустынная живность успевает нарожать детенышей, выкормить их и сделать запасы на лето, осень и зиму. Вот любоваться пустынной весной мы туда и ездили.

— Тогда я тебе, мама, завидую, — сказала Алиса. — Я была на многих планетах и видела много разных цветов, но никогда мне еще не приходилось видеть цветущей пустыни.

— Я почти уверена в том, что если ты полетишь в Такла-Макан через месяц, то застанешь цветущий край.

— Но зачем мне туда лететь? — удивилась Алиса. — У меня немало дел в Москве. К тому же мне хотелось навестить Громозеку. Я его так давно не видела!

— Тогда дослушай меня, Алиса, — попросила

мама. — Я не кончила рассказывать про озеро Лоб-Нор.

Алиса промолчала. Конечно же, ей было не-понятно, какое отношение имеет к ней пустынное озеро, но мама уже доказала сегодня, что она знает больше Алисы, и не стоит с этим спорить. Если маме хочется показать свою образованность, на то ее воля!

— Это озеро давно открыто и в то же время совершенно не изучено. Питают его пустынныe реки, которые, как правило, летом пересыхают. Даже самая большая из них, Тарим. Но за те месяцы, в которые они несут свои воды в озеро, они его успевают наполнить настолько, что озеро разливается на несколько сотен километров. К концу лета оно обязательно съеживается и даже распадается на несколько соленых озер. Зато весной Лоб-Нор — бескрайнее море, на котором останавливаются стаи перелетных птиц. Берега его заросли зеленою травой, тростники покрывают мелководье...

— Мамочка, — не выдержала Алиса, — мне очень интересно слушать про озеро Лоб-Нор, но почему я должна о нем знать?

— Разве я тебе не сказала, что там живет физик Лу Фу?

— Замечательно! — воскликнула Алиса. — И что же дальше?

— А дальше я узнала, что профессор в глухой пустыне, недалеко от озера Лоб-Нор, развел замечательный сад. Пока он никому об этом не рассказывает, считая, что его опыты не завершены. Тем не менее известно, что Лу Фу воздействует на растения какими-то лучами, которые заставляют их расти со сказочной быстротой даже в таком неплодородном месте, как Такла-Макан. И, судя по всему, его опыты имеют общее с теми,

что вы так безуспешно пытались сделать с Аркашой и Пашкой.

— А профессору можно позвонить?

— Он не любит репортеров, зевак и туристов. Он считает, что у него каждая минута на счету и незачем отвлекаться на пустые разговоры. Но я думаю, если ты сообщишь, что работаешь в той же области, профессор согласится показать тебе свое хозяйство. — Мама улыбнулась, словно чуть-чуть не принимала Алису всерьез.

— Но как мне сказать ему, что я хочу увидеть сад? — спросила Алиса, сделав вид, что не замечает маминой улыбки.

— Напиши ему видеописьмо, — посоветовала мама. — Старики любят старинные вещи.

Когда Алиса вернулась на биостанцию, Пашка и Аркаша как раз сидели там и играли в шахматы. А это на станции обычно означало, что ее биологические гении завершили один этап в своей творческой жизни и думают, чем бы теперь заняться — то ли кита поймать и научить его стоять на хвосте, то ли организовать физкультурный парад муравьев, то ли отрастить плоские хвосты детям в соседнем садике, чтобы лучше плавали...

— Ребята, — обратилась к ним Алиса, — кажется, мы нашли человека, который умеет воздействовать на растения!

— Пройденный этап! — заявил Пашка.

— Бесперспективно! — поддержал его Аркаша.

Так лучшие друзья и соратники предали Алису.

— Значит, вы к нему не полетите? — спросила Алиса, все еще не теряя надежды.

— А где он живет, твой гений? — язвительно произнес Пашка.

— В пустыне Такла-Макан.

— Не слышал о такой, — заявил Пашка. — Значит, ее нет.

Как известно, Пашка — самый самоуверенный человек на свете, и это часто ставит его в дурацкое положение.

Когда Аркаша засмеялся, Пашка понял, что попал впросак, и быстро поправился:

— Вспомнил! Она на Марсе. Конечно же, у Южного полюса. Я там был еще мальчишкой.

— Эта пустыня в Центральной Азии, — сказал Аркаша. — Мне туда не хочется. Особенно сейчас, когда весна только начинается и ночами там температура падает ниже нуля.

Он и это знал, отличник!

— Значит, никто из вас не намерен составить мне компанию? — спросила Алиса.

— И охота тебе была... — заметил Пашка.

— Я всегда стараюсь доводить дело до конца! — произнесла Алиса, но ее товарищи уже не смотрели на нее — главные события развивались на шахматной доске.

«Ну хорошо! — сказала себе Алиса. — Мужчины — самые ненадежные люди. А мальчишки — худший вариант мужчин. Как жаль, что с ними приходится дружить!» Но теперь Алиса обязательно пробьется к профессору Лу Фу и побывает у него в оазисе. И докажет изменникам, кто из них настоящий ученый.

Возвратясь домой, Алиса тут же уселась за компьютер, чтобы написать видеописьмо профессору. Она рассказала, как они пытались воздействовать на растения разной музыкой, как ничего из этого не вышло и как мама рассказала ей об опытах профессора Лу Фу. Алиса спрашивала, можно ли посетить профессора в удобное для него время и совсем ненадолго, но не как любопытной туристке, а как коллеге-биологу.

Ответное письмо пришло на следующий день.

Алиса сразу вставила его в компьютер, и на экране дисплея показалось лицо профессора Лу Фу.

Профессор оказался очень старым, но совсем не дряхлым человеком. У него было загорелое худое лицо в глубоких морщинах. Профессор был совсем лысый, его жиденькая белая борода лежала на груди, а длинные белые усы свисали по сторонам до подбородка. Годы сгорбили его. Надиктовывая письмо, профессор ходил по обширной светлой комнате, и его движения были резкими и точными — никак не дашь человеку сто лет.

— Дорогая девочка Алиса, — произнес старик глубоким молодым голосом, вглядываясь в экран большими яркими черными глазами. — Я был рад получить твое письмо, потому что я глубоко уважаю людей, независимо от их возраста, которые серьезно занимаются наукой и хотят принести пользу людям. В последние годы я стараюсь видеть как можно меньше людей, тем более что ко мне в основном стремятся проникнуть туристы и корреспонденты, ничего не понимающие в моей работе. Их объединяет одна цель — похвастаться перед другими людьми тем, что они видели старика Лу Фу, который совсем выжил из ума.

Тут профессор заразительно засмеялся.

Дальше он рассказал Алисе, что старается никого не принимать в оазисе, пока его работа не завершена. Исключение он делает лишь для студентов-биологов из Урумчи и некоторых его коллег. Профессор сообщил, что согласен считать девочку из Москвы своим коллегой. Он также сказал, как лучше всего добраться до его оазиса.

Следовало долететь рейсовым кораблем до большого города Урумчи. Там, в Урумчи, в

Педагогическом институте надо отыскать аспирантку Ичунь, которая часто навещает профессора. Ичунь даст Алисе программу полета для флаера. После этого Алиса возьмет на стоянке флаер, который за час донесет Алису до оазиса в пустыне. Одно условие: Алиса должна прилететь одна, потому что профессору трудно принимать сразу нескольких человек, особенно если между ними затешутся мальчики.

Алиса была счастлива. Конечно же, она не удержалась и прокрутила письмо Пашке и Аркаше. Те просмотрели послание Лу Фу, и Пашка сказал:

— Желаю тебе удачи, коллега. Но я уверен, что человек, которому сто лет, даже если он и был когда-то великим ученым, вряд ли сейчас может думать, как молодые львы.

Под молодым львом Пашка имел в виду себя и немногого Аркашу.

Аркаша не был таким категоричным.

— Слетай, — сказал он. — Может, и в самом деле увидишь что-то интересное. Тогда мы будем рады подключиться. Хотя я не понимаю, как можно сотрудничать со стариком, который терпеть не может юных гениев.

— Он нас боится, — добавил Пашка. — И завидует нашим способностям.

Вечером Алиса предупредила маму, что на субботу слетает в пустыню Такла-Макан, а мама испугалась, что Алиса, как всегда, простудится. Поэтому она воскликнула:

— Только не вздумай лететь без шапки! Мне еще не хватало, чтобы ты простудилась, а у тебя в понедельник контрольная по русскому языку!

Алиса послушно надела красную вязаную шапочку, в которой когда-то давно побывала в заповеднике сказок и даже в эпохе легенд, где

все принимали ее за Красную Шапочку. Но в лайнере Москва — Ташкент — Урумчи она шапочку сняла и спрятала в сумку.

***

Город Урумчи, красиво расположенный в горной долине и окруженный, куда ни кинь взгляд, снежными вершинами, был крупным туристическим центром. И это понятно.

Когда-то, лет двести назад, люди ездили отдохнуть на Черное море или на Канарские острова. Целыми днями они лежали на берегу, обжигались до красноты, загорали до черноты, лениво поглощали обеды и ужины, а вечерами танцевали под гитару. Потом, когда появилось много самолетов и теплоходов, люди стали больше путешествовать. Они плыли на Гавайские острова, смотрели на слонов у горы Килиманджаро, ныряли с коралловых рифов Сейшельских островов и любовались карнавалом в Рио-де-Жанейро. Им хотелось, чтобы вокруг было удобно и красиво.

Прошло еще несколько десятилетий. Люди наконец перестали воевать друг с другом, прекратили засорять реки и губить свежий воздух. Земля смогла отдохнуть. А ее обитатели, наоборот, живя в комфорте, истосковались по трудностям. Ведь дома было спокойно, красиво и уютно. Рядом были бассейн и лес с грибами, ягодами и искусственным климатом. И вот люди стали путешествовать в такие места, куда их раньше и калачом было не заманить. Целыми семьями они отправлялись в пустыню Гоби, на Северный полюс, в глубины амазонской сельвы и джунгли Малайзии. Они давали себя кусать комарам и скорпионам, мучились от недоедания, сырости и жажды — и возвращались домой счастливые, потому что наконец-то смогли испытать настоящие трудности!

Урумчи, когда-то небольшой город, расположенный недалеко от пустыни Такла-Макан, хребта Каракорум и других негостеприимных мест, стал за последние годы одним из самых известных центров туризма на Земле. Небоскребы гостиниц и универмагов видны уже издали, когда туристические лайнеры делают круг, снижаясь к третьему по величине в Азии аэродрому. Там уже строится и космопорт, потому что слава грозной пустыни и непреодолимых гор распространилась по всей Галактике. Завтра тут появятся ушаны, кустики, брастаки и прочие изнеженные цивилизацией обитатели уютных планет.

Однако пока еще туристы, хоть их и немало, растворяются в тишине и просторах гор и каменистых пустынь, вдыхают их ледяной воздух и мертвую бесконечность и, как правило, очень быстро возвращаются в комфорт гостиниц города Урумчи, к его подогретым бассейнам и вкусным креветкам сорока двух роскошных ресторанов. Мало кто из туристов выдерживает в пустыне больше двух дней, три дня — это героизм, пять — подвиг, равный подвигу Марко Поло, который прошел те места с караваном из Венеции, правда, очень-очень давно.

Хитроумные хозяева этих мест отлично разбираются в психологии туристов и не мешают им испытывать себя в суровых условиях пустыни. Зато они принимают все меры, чтобы, возвратившись в Урумчи, путешественники почувствовали себя в раю и не спешили выбираться оттуда домой. А для того чтобы помочь рассказывать знакомым об испытаниях в диких местах, в Урумчи есть множество магазинов, торгующих трофеями путешественников — синтетическими шкурами барсов и лошадей Пржевальского, буддийскими масками и статуэтками, сделанными в местных мастерских

по древним образцам, и даже отпечатками следов снежного человека, которого туристы часто ловят, но еще ни разу не поймали.

Обо всем этом Алиса имела слабое представление. Поэтому она удивилась, увидев, какой громадный лайнер отправляется из Лондона в Урумчи с посадками в Москве и Ташкенте. В тысячеместном корабле почти все места были заняты, хотя туристский сезон еще и не начался. Правда, в пустынях Гоби и Такла-Макан, а также на плато Тибета и на Каракоруме сезон продолжается круглый год, потому что зимой выжить в пустыне еще труднее, чем летом, и испытания для туристов начинаются с того момента, когда они сходят с трапа лайнера.

Но Алиса об этом тоже не знала и поражалась суете, оживлению и подъему духа пассажиров лайнера. В уютные кресла усаживались не программисты, языковеды, вице-президенты фирм или фермеры, а настоящие пустынные волки, наследники Марко Поло, готовые дать сражение льдам, снежным лавинам, песчаным бурям и отразить нападения снежных барсов.

О, как они все были экипированы! В пуховиках, с ледорубами, в кислородных масках, с мотками веревок через плечо, с термосами, в которых хранился неприкосновенный запас кипятка и сгущенного молока! Некоторые везли с собой луки, стрелы и арбалеты, так как более современное оружие у них отобрали при посадке в лайнер. Не говоря уже об утепленных арктических палатках, надувных матрацах, котлах для варки плова и барабанины... А одна семья даже везла с собой байдарку, что совсем удивило Алису. Байдарка почти в четыре метра длиной. Она была сверху затянута кожаным чехлом, пристегнутым к бортам, и занимала массу места.

Ее с трудом уложили в проходе, и она всем мешала — пассажирам и стюардессам. Но глава семьи господин Торнсенсен — могучий альбинос с красным лицом и шкиперской бородкой — вел себя совершенно спокойно и, казалось, не слышал ворчания пассажиров. Куда больше переживала госпожа Торнсенсен — толстая пожилая дама с тремя подбородками и в черном парике, из-под которого были видны ее собственные рыжие волосы. А вот третья представительница семейства — девушка лет пятнадцати, маленькая, стройная, складастая, похожая на китаянку, только более смуглой, оказалась соседкой Алисы. От нее за два часа полета от Москвы до Урумчи Алиса узнала многое о семействе Торнсенсенов. Оказывается, папа Ма Ми — так звали девочку — был не родным ее отцом, а приемным. Сама Ма Ми родилась в Бирме, но ее родители погибли во время землетрясения. Тогда многих сирот взяли на воспитание в другие страны. Вот и досталась осиротевшая малышка норвежской семье Торнсенсенов. Правда, Торнсенсены жили не в Норвегии, а в Сингапуре, где у папы Кнута был магазин детских игрушек. Ма Ми Торнсенсен ходила там в колледж, а мама Клара была председательницей общества защиты кошек.

Ма Ми оказалась веселой и разговорчивой девочкой. За свою короткую жизнь она немало путешествовала и даже жила некоторое время в Италии. Она звала Алису к себе в гости и расспрашивала ее, зачем та летит в Урумчи. Алисе не хотелось врать новой знакомой, которая к тому же была года на три старше ее, но и правду говорить не хотелось, потому что профессор Лу Фу в своем письме специально просил, чтобы Алиса не рассказывала о поездке к нему. Он боялся лишних визитеров. Теперь же, оказавшись

Байдарка занимала массу места, ее с трудом уложили в проходе, и она всем мешала — пассажирам и стюардессам.

в шумном, как футбольные трибуны, туристическом лайнере, Алиса поняла, что опасения старого физика не были лишены оснований.

Ма Ми очень быстро рассказывала, что ее папа, любитель рыбной ловли, прочел где-то, как трудно ловить рыбу на озере Лоб-Нор, и загорелся идеей испытать свои силы, а то он очень растолстел за прилавком своего магазина в Сингапуре.

Он с трудом уломал Ма Ми и госпожу Клару согласиться на эту авантюру, и в конце концов ее приемная мать дала согласие, а за ней согласилась и Ма Ми. Впрочем, Ма Ми с самого начала особенно и не сопротивлялась — ей было интересно увидеть самую грозную пустыню на Земле и поплавать на байдарке, специально сделанной для этого путешествия, по таинственному и неуловимому озеру Лоб-Нор, которое, как говорили, этой весной разлилось так, что берегов не увидишь, потому что зима выдалась мягкой и снежной, следовательно, озеро стало почти совсем пресным.

— У нас все есть, — сказала Ма Ми. — И палатка с обогревом, и высокие сапоги, чтобы подбирать рыбу на мелководье или охотиться на уток. Утки уже, оказывается, начали свой перелет к северу, и первые стаи появились в тростниках, окружающих озеро.

Когда лайнер сделал посадку в Ташкенте, чтобы забрать оттуда еще туристов, девочки пошли погулять. Вскоре их догнал папа Торнсенсен, который принес им мороженое в стаканчиках.

Ма Ми рассказала приемному отцу, что Алиса летит в Урумчи, потому что у нее там есть знакомая в Педагогическом институте, с которой они будут проводить биологические опыты. Зовут студентку Ичунь.

Алиса и в самом деле сказала Ма Ми о себе

именно это. Она опасалась, как бы, узнав о том, что Алиса летит к профессору, Торнсены не вцепились в нее с требованием отвезти их к нему. Тогда профессор, вернее всего, выгонит не только любопытных туристов, но не поздоровится и самой Алисе.

— Я не могу дождаться того момента, — громко говорил господин Торнсенсен девочкам, шагая рядом с ними по разогретому весеннему полю аэродрома в Ташкенте, — когда я всажу острогу в бок громадного сома!

Алиса сомневалась, что громадные сомы водятся в пересыхающем да еще большей частью соленом озере, но зачем спорить с рыболовом и заранее портить ему настроение?

Норвежец пригласил Алису навестить их на озере Лоб-Нор и вместе порыбачить или постrelять птицу. Алиса сразу согласилась. Тут объявили посадку, и пришлось возвращаться к лайнеру.

От Ташкента до Урумчи лететь совсем недолго — полчаса.

Прямо от горных вершин лайнер ринулся вниз, на лежащий между хребтов аэродром в Урумчи, за которым начинались небоскребы гостиниц и казино.

Странно было осознавать, что уже недалеко отсюда простирается дикая, почти не тронутая человеком природа.

Алиса попрощалась с Ма Ми, как только лайнер замер у здания аэропорта. Ма Ми еще раз пригласила Алису в гости в Сингапур. Потом Торнсены с шумом, спорами и даже ссорясь с другими пассажирами, почти так же тяжело нагруженными, как и норвежцы, начали вытаскивать из салона свои рюкзаки и байдарку.

Алиса поспешила вниз. У барьера ее окликнула круглолицая, толстенькая, с добрыми глазами

студентка Ичунь, которая прибежала встретить Алису к лайнеру. Ичунь обожала старого профессора и готова была умереть, только бы ему было хорошо. И больше всего в жизни ее огорчало то, что профессор Лу Фу не хотел, чтобы кто-то ухаживал за ним или хотя бы жил в его доме. Он говорил, что за сто лет жизни заработал наконец право последние годы пожить в свое удовольствие и никого не слушаться. Рассказывая об этом, пока они шли через зал, Ичунь повела Алису к своему флаеру. Уходя, Алиса оглянулась. Торнсены как раз втаскивали в зал байдарку. Тащили ее женщины, а сам краснолицый Кнут шумно помогал им советами и командами.

В тот день Ичунь собиралась сама навестить профессора. А раз багажа у Алисы не было, то ничто не мешало им тут же подняться в воздух и отправиться к Лу Фу — самому умному, самому доброму, самому чуткому и самому-самому человеку на Земле.

— Ты сейчас увидишь, чего он добился в своем оазисе, — говорила Ичунь. — Я считаю, что его достижения значительнее гравитационного двигателя. Зачем летать по Вселенной, когда можно отыскать счастье на Земле?

Это заявление было очень наивным, но вызвано оно было огромной любовью к профессору, поэтому Алиса не стала спорить, хотя, если бы не изобрели гравитационного двигателя, Алисе никогда бы не удалось побывать на всех тех планетах, которые она повидала.

Ичунь оказалась удивительной болтушкой, а кроме того, ей было интересно знать обо всем, что происходит в Москве. А когда она услышала, что Алиса побывала на многих других планетах, то вопросы посыпались втрое быстрее.

Так они и летели эти полчаса, что занимает

путь до оазиса на флаере. Внизу проносились покрытые снегом горные вершины, затем за тонкой, блестевшей под солнцем полоской реки потянулась каменная пустыня с желтыми полосами барханов, а дальше к югу простирались бесконечные пески. Но Ичунь не стала углубляться в пустыню, а повернула флаер к востоку и повела его довольно низко над песками. Порой в низинах и на затененных участках скал были видны белые пятна снега, но вообще-то снега было немного — места здесь такие сухие, что снег никогда не покрывает пустыню, а если и выпадет, то вскоре его сдувают жестокими ураганными ветрами, ведь им есть где разгуляться.

Странно было представить, что в таких местах могут жить или просто бывать люди. Алисе даже стало страшновато за отважных туристов. Каково здесь будет Торнсенсенам, особенно когда зайдет солнце и грянет ночной мороз?

И тут Алиса увидела зеленое пятнышко на серо-желтом фоне пустыни. Пятнышко росло и приближалось.

— Видишь? — спросила Ичунь.

— Это что?

— Это и есть оазис профессора Лу Фу, — ответила толстенькая китаянка.

Флаер сделал круг над зеленым садом, который раскинулся на пологом спуске к рукаву реки Тарим, несущей по камням ледяную воду к озеру Лоб-Нор, и опустился на каменной площадке в нескольких метрах от входа в усадьбу профессора Лу Фу.

Алиса увидела изысканные литые чугунные ворота, видно, привезенные сюда издалека. Ворота были приоткрыты, так что надпись «Просьба позвонить» на китайском, русском, английском и уйгурском языках к Алисе и Ичунь не относилась.

— Профессор заранее задал воротам программу, — сказала Ичунь, подходя к ним. — Чтобы они нас встретили, а чужих не пустили.

— Добро пожаловать, — сказали ворота, когда Алиса вошла.

— Вообще-то профессор не любит, чтобы к нему заходили любопытные туристы. Они бывают очень бесцеремонными, а профессор — человек деликатный и слаб здоровьем, пустые люди его раздражают.

— Ты права, моя дорогая Ичунь, — послышался молодой голос.

По дорожке навстречу гостям медленно шел очень старый, хрупкий, согбенный человек с жидкой белой бородкой и усами, в черной круглой шапочке. У человека были большие молодые веселые глаза в тонких морщинках, которые остались от многих тысяч улыбок.

За старым профессором, на полшага позади, шла молодая девушка с резкими чертами лица, карими глазами и такими густыми черными бровями, что они срослись над переносицей.

— Я рад видеть юную гостью из Москвы, — сказал старик. — Ты, наверное, уже догадалась, что я и есть старый отшельник Лу Фу.

— Конечно, профессор, — ответила Алиса. — Вряд ли вы живете здесь с братом, который за вас всю жизнь фотографировался.

Профессор рассмеялся.

— Познакомься с Фатимой. Фатима — подруга Ичунь, они вместе учатся и вместе за мной ухаживают, как самые настоящие внучки. Только Ичунь — китаянка, а Фатима — уйгурка. А теперь, когда мы все познакомились, я предлагаю дорогим гостям пройти в дом, потому что поднимается зимний ветер и вы можете замерзнуть.

Профессор как будто подслушал мамины на-
путствия!

— Ой, что вы! — воскликнула Алиса. — Мне совсем не холодно. И если вы не возражаете, я хотела бы сначала посмотреть ваш сад. Даже с неба он кажется удивительным и необыкновенным.

— Пожалуйста, — ответил профессор. — Я люблю показывать свой сад друзьям. Их у меня осталось не много, и они редко меня навещают, и, если бы не молодежь из Урумчи, я бы совсем закис.

Но при этом профессор улыбался, и Алиса поняла, что он несколько преувеличивает. И если у него бывает мало народа, то только потому, что он сам этого хочет.

— Следуйте за мной, — пригласил профессор.

И только тут Алиса поняла, что заворожена взглядом профессора, она даже не заметила, что он одет в рабочий костюм — наверное, одежду китайского крестьянина: синюю куртку и синие широкие штаны. На босых ногах, несмотря на холод, были лишь легкие сандалии.

Профессор пошел вперед по туннелю, собранному из легких деревянных планок, оплетенных виноградом так, что внутри было полутемно. И, что самое удивительное, листья винограда были зелеными, а сверху свисали тяжелые грозди спелых ягод.

По обе стороны туннеля в просветах между виноградными листьями были видны клумбы с розами, пионами и даже флоксами, а далее Алиса заметила полянку, засаженную хризантемами.

Когда туннель кончился, они оказались на небольшой лужайке перед домом. Тут как раз вышло солнце, и в мгновение ока замерший было живой мир оазиса всполошился и кинулся по

своим делам: из густой травы вылетели бабочки и кузнечики, деловитые шмели и пчелы слетелись к цветам, а муравьи побежали через дорожки. Запели птицы, они гнездились в кущах деревьев, правда, еще невысоких, но пышных. Алиса увидела там и клен, и яблони, а ближе к высокой металлической ограде, литой, как и ворота, стояли сосны вперемежку с бананами и бамбуком, что было необычно, но красиво.

— Я опасаюсь не только нежеланных гостей, — сказал профессор. — Ограда ограничивает действие моих лучей и служит как бы экраном.

Последних слов старого профессора Алиса не поняла, но она не спешила с вопросами, ведь профессор обязательно расскажет, чем он занимается и что за лучи он изобрел.

Внутри небольшого домика, скромного настолько, что казалось, будто у отшельника, который здесь живет, нет никаких потребностей и желаний, было тепло. Солнце было в большие окна, делая еще более заметным скромное убранство комнат.

Первая комната служила профессору гостиной, столовой и, очевидно, кабинетом. Пол в ней был покрыт циновками, посередине стоял невысокий стол, возле него — два небольших табурета. Третий табурет Алиса увидела справа у консоли, на которой стоял компьютер. На стенах было две-три старые фотографии, на одной Алиса угадала молодого профессора возле космического гравитоплана древней конструкции, рядом с ним стояла молодая красивая женщина. Ее Алиса тоже узнала. Это была Сандра Сингха — первый пилот гравитоплана, которая пропала без вести во время испытательного полета — космос всегда требовал жертв.

Что еще было в комнате? Несколько книг на

столе, дискеты на консоли, абажур с черным драконом, вышитым на желтом шелке, древняя статуя Будды, видно, найденная в пустыне...

— Мне много не нужно, — сказал профессор, указывая гостьям на табуретки. — Простите, Алиса, если вам у меня покажется не очень уютно. Фатима, ты угостишь нас чаем?

Фатима уже исчезла за дверью.

Дверей было две — одна вела на кухню, другая — в глубину дома, наверное, в спальню профессора.

Сначала немного поговорили о том, как Алиса долетела до Урумчи, профессор расспросил гостью о здоровье ее родителей. Оказалось, что профессор читал о приключениях Алисы и даже видел документальный фильм о ее путешествии к центру Земли. Профессор был вовсе не таким отшельником, как могло показаться. Он сам признался, что получает специальную программу новостей, а также несколько видеожурналов и внимательно следит за всеми событиями в мире.

— Так расскажите, Алиса, — попросил профессор свою гостью, — что за опыты вы проводили в Москве со своими товарищами и какими были их результаты?

Профессор разговаривал с Алисой точно так же, как говорил бы со своим взрослым коллегой, и ничуть не притворялся. Для него на самом деле совершенно ничего не значил возраст собеседника. Он ценил в людях ум и доброту. Остальное, как утверждал он, приложится.

И Алиса совсем не стеснялась, хотя впервые в жизни попала в ситуацию, когда ее коллеге, к которому она прилетела по делу, почти на девяносто лет больше, чем ей. И родился он в прошлом веке!

Алиса рассказала профессору о том, как Ар-

каша хотел заставить розовый куст отзываться на классическую музыку, а Пашка Гераскин заставил растение слушать сутками сплошной рок-дроп и рок-джамп.

Профессор даже развеселился, особенно когда Алиса рассказала ему, что розы чуть не завяли после трех часов сплошного рока. Затем Алиса поведала профессору, как сама впуталась в эту историю, потому что когда-то дедушка учил ее играть на скрипке.

— И что же розы? — спросил Лу Фу, когда Алиса рассказала, как принесла на биостанцию скрипку.

— Аркаша уверяет, что они шевелили листьями и даже лепестками, правда, чуть-чуть.

— Вот именно, чуть-чуть, — согласился профессор. — Я должен сказать вам, коллега, что я проходил через эти опыты. Не удивляйтесь, Алиса. Ведь я тоже не сразу добился таких результатов.

И профессор показал на окно, за которым, просвеченное солнечными лучами, покачивались под ветром ягоды черешни. Дальше стояли апельсиновые деревья, украшенные тяжелыми оранжевыми плодами.

— Значит, мы пошли по неправильному пути? — спросила Алиса.

— Да, ваш путь был тупиковым. Вы могли пригласить целый симфонический оркестр, но вряд ли даже морковка выросла бы быстрее. Если бы вы немного подумали, то наверняка догадались бы о том, о чем удалось догадаться мне.

— Но о чем догадались вы, профессор?

Алиса посмотрела на Ичунь и Фатиму. Обе студентки глядели на профессора влюбленными глазами. Они уже давно знали об открытии, но

им и в голову не приходило перебивать или торопить профессора.

— Ну что ж, покажем нашей московской гостье, что мы научились делать? — спросил профессор у студенток.

Обе вскочили.

— Мы готовы, профессор! — сказала Ичунь.

— Тогда одевайтесь потеплее — наверху сильный ветер.

И хоть девушки отказывались одеться, профессор принес из своей спальни три теплых халата.

— Я специально держу их здесь, — сказал профессор, — у нас в пустыне тепло бывает только летом. Но тогда наступает такая жара, что хочется зарыться в песок с головой. Даже речка пересыхает, и все растения прячутся или погибают... кроме моих!

В голосе профессора прозвучала гордость.

По внутренней лестнице они поднялись на плоскую крышу. Крыша была окружена барьером по пояс человеку, а в середине ее на возвышении стояла стеклянная башенка. В ней была видна установка, похожая на гидропушку, с помощью которой в рудниках размывают и дробят породу.

Дул сильный холодный ветер, он гнал низкие серые облака, порой в разрывах между ними показывалось синее, куда темнее, чем в Москве, небо, и оттуда ослепительно сияло солнце.

Профессор подвел девушек к башенке.

Ему совсем не было холодно, хотя ветер трепал его белую бороду и пытался сорвать куртку. Порой даже казалось, что он вот-вот свалит старика с ног. Но Лу Фу и внимания не обращал на погоду.

— Когда я решил уйти в отставку с поста главного физика Земли, я уже знал, чем займусь на досуге — я постараюсь помочь тем ученым и

простым людям, которые стараются восстановить природу Земли и, может быть, не только восстановить, но и помочь ей развиваться лучше, чем раньше. Но как это сделать? Разводить сады? Это делают многие. Выводить новые сорта растений? Этим тоже занимаются тысячи генетиков. Но я находился в более выгодном положении, чем другие спасители земной природы. Я много путешествовал в молодости и когда-то в одном тибетском монастыре отыскал и купил у монахов, забывших язык пали, на котором она была написана, рукопись на пальмовых листьях. Когда-то ее привезли из стран Южных морей. Неведомый древний мудрец утверждал в рукописи, что сила человеческого духа такова, что если правильно думать и правильно чувствовать, то человек может заставить растения быстрее развиваться. И в этой книге, которой уже исполнилось две тысячи лет, были приведены специальные заклятия и упражнения, направленные на то, чтобы воздействовать на растения добром.

— А как это — добром? — спросила Алиса.

— Все существа на свете понимают, что такое зло, а что такое добро.

— И растения?

— Все живое! Просто чем дальше от человека находится живое существо, тем труднее человеку достучаться до него и передать ему свои чувства. Порой достаточно взгляда другого человека, чтобы почувствовать себя хорошо. Собака тоже может передать свои чувства взглядом, кошка — мурлыканьем, а как достучаться до сердца скорпиона?

— Ой, я не хочу достукиваться до его сердца! — воскликнула Ичунь.

— Вот видите! — засмеялся старый ученый. — Из древней рукописи на пальмовых листьях я

узнал, что человеку легче найти пути к растениям, чем к скорпионам. Потому что панцирь скорпиона — это не только защита от врагов, но и защита от чужих чувств. Есть животные, насекомые или бактерии, лишенные доброты. Или, вернее, такие, с которыми очень трудно найти контакт... А растения, оказывается, очень отзывчивы. Если знать, как к ним обратиться.

— И вы научились?

— Сначала я подверг советы этой рукописи сомнению, потому что я ученый и не верю в волшебство. А уроки рукописи мне показались уж очень близкими к волшебству. Но потом я решил все же проверить мудреца и с помощью древних заклинаний и упражнений начал ставить опыты на растениях. И что же оказалось? Старинные заклинания действовали!

Голос профессора звучал громко и уверенно, словно голос совсем молодого человека, глаза у него были молодые, и Алиса понимала, что таким же молодым сохранился разум ученого. И это чувствовала не только она, но и студентки из Урумчи, которые, наверное, слышали этот рассказ не в первый раз, но с трепетом внимали профессору.

— Тогда я задался вопросом, — продолжал профессор, — что же заставляет растения реагировать на мои заклинания?

— А как они реагировали? — не сдержалась и перебила профессора Алиса.

— Вопрос правильный, — согласился профессор. — У растений увеличивалась скорость роста, они не болели, плоды на них получались больше, а цветы ярче, чем у обычных растений.

Алиса кивнула.

— И я задумался, — возвратился к своим мыслям профессор, — что же за секрет содержит-

ся в словах рукописи? Почему растения слышат меня? И понял, что все заклинания, которые я произносил, состояли из добрых слов. Все движения, которые я производил, были добрыми движениями, такими же, как ласка рук матери, укачивающей своего ребенка, или движение ладони, которая гладит животное. Все, что было в этой рукописи, так или иначе оказалось связанным с добротой. Когда же я догадался, то закрыл книгу, отложил в сторону опыты и решил, что пришла пора оставить двигатели, корабли, институт и попытаться в последние годы жизни научить растения расти с помощью доброты. И вот десять лет назад я скрылся от друзей и родственников, которые наверняка решили, что я на старости лет сошел с ума, прилетел сюда и построил домик прямо в сердце пустыни. Правда, я поставил его на берегу реки Тарим, которая зимой и весной несет воду в озеро Лоб-Нор. А был разгар зимы...

— Ой, наверное, вам было очень трудно! — воскликнула Алиса.

— Да, это была трудная зима и трудная весна. Порой мне хотелось сдаться и убежать в мой теплый Шанхай. Но я упрямый старикашка. Я своего добился. На основе уроков и намеков старинной рукописи я, как ученый двадцать первого века, построил усилитель — ведь любое человеческое чувство, любое движение ума, любые мысли можно усилить. Мне удалось выделить физическую природу добра. Мне удалось сфокусировать в тонких лучах эманацию добра. То есть луч моего аппарата, несущий добро, действует на растение так, как если бы ему объяснились в любви одновременно сто тысяч детей. Вы не замерзли?

— Нет, что вы! — в один голос воскликнули три слушательницы.

— Вы не представляете, как я волновался, впервые включая мой генератор доброты в этом саду. Росло там всего-навсего три ветки саксаула и верблюжья колючка. И знаете, что мне пришлось делать в последующие три дня? Я выпалывал верблюжью колючку, которая под влиянием моего луча буквально заполонила всю усадьбу! С тех пор я не нарадуюсь на растения.

Профессор поднялся на площадку к своей «пушке». Он любовно погладил ее.

— Отсюда, — сказал он, — мой луч может достать до любой точки усадьбы. Каждый день я обязательно устраиваю два сеанса доброты. И сейчас вы увидите сеанс, который я проведу специально для моей гостьи Алисы, которая пролетела через половину Земли, чтобы встретиться со своим коллегой, и которая, как я надеюсь, построит такие, как у меня, установки в своей Москве. Сегодня я могу сказать, что первый этап моих опытов удачно завершен, и с завтрашнего дня я начну готовить письма в научные журналы и разошлю по заповедникам и лесоводческим хозяйствам чертежи моего генератора. И я надеюсь еще увидеть тот день, когда в пустынях вырастут сады и на местах вырубленных лесов поднимется зеленая поросль.

Профессор включил аппарат.

Тонкий расширяющийся оранжевый луч вырвался из дула «пушки», и профессор медленно повел его по кругу так, чтобы дотронуться до всех растений. Подобно солнечному зайчику, луч освещал цветы, плоды, замирал на секунду у корней деревьев и пробегал по их листве... И Алиса с удивлением смотрела, как под этим лучом, словно малыши, принимающие солнечные ванны, растения прихорашивались, выпрямлялись, выпускали новые побеги, раскрывали свежие листья и буто-

ны — казалось, что вся усадьба профессора Лу Фу ожила: шуршали ветви, распевая песни, кружились над деревьями птицы и насекомые... Когда «пушка» поворачивалась, луч случайно задел Алису, и она почувствовала, как ее толкнуло в сердце трепетное чувство радости...

— Все! — произнес профессор. — Сеанс закончен.

Алиса окинула взглядом усадьбу. Казалось, что над садом пролился ливень — такими свежими были растения.

— Теперь вы понимаете, почему я не хотел раньше времени показывать свою работу зрителям, — сказал профессор. — Примчались бы репортеры, прибежали бы глупые туристы, стали бы мне мешать, шуметь и ломать забор, чтобы достать сувенир.

Алиса хотела было встать на защиту туристов, но студентки полностью поддержали профессора. Алиса вспомнила шумный лайнер и Торнсенсенов с их байдаркой и поняла, как они правы.

— Можно спуститься вниз, выпить чаю и погреться. К сожалению, я не могу предложить вам настоящего обеда, которого требуют ваши молодые желудки, потому что сам я питаюсь только овощами. Но я думаю, что вы не откажетесь выпить со мной еще по чашке чаю.

Когда они снова пили чай, Алиса высказала свой восторг по поводу того, что увидела, а профессор, которому было приятно слышать восторженные слова о своем изобретении, отнекивался и повторял, что ничего особенного он не сделал и что при желании это мог бы сделать каждый. И если бы Алиса с друзьями не увлеклись музыкой, может, и они догадались бы о существовании лучей добра.

Алиса спросила, можно ли будет и завтра

Профессор поднялся на площадку к своей «пушке». Он любовно погладил ее.

посмотреть, как работает генератор? Профессор ответил, что он будет рад увидеть Алису завтра, потому что он должен рассказать ей, как сделать генератор доброты для московских школьников. Сейчас же профессор устал...

— Не беспокойтесь, учитель, — быстро сказала Ичунь. — Мы уже улетаем. Алиса останется у меня, а завтра утром я ее привезу сюда снова.

Профессор вышел проводить гостей к воротам, и, поднимаясь на флаере, Алиса видела в иллюминатор маленькую фигурку в синем костюме. Профессор стоял, подняв руку, а за его спиной начиналась зеленая чаша его сада.

Профессор дал девушкам с собой целую сумку с апельсинами и яблоками, которые созрели ранней весной. Всю дорогу до Урумчи девушки ели фрукты, и во флаере весело пахло апельсиновой кожурой.

Глава вторая ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Комиссар Милодар, шеф земной службы Интернациональной Галактической полиции, позвонил своему агенту Коре Орват среди ночи, потому что имел гадкую манеру звонить всегда не вовремя. Сам он почти не спал и не выносил, когда спали его подчиненные.

Спросонья Коре показалось, что обвалился потолок и в спальню ворвалась стая визгливых гиен. А это был всего-навсего звонок видеотелефона.

— Ты что делаешь? — сурово спросил комиссар.

Кора достаточно проснулась, чтобы ответить:
— Собираю апельсины.

Ее шутка не возымела действия, потому что комиссар удивленно откликнулся:

— Ты что делаешь? — сурово спросил комиссар.

— Кто тебе сказал про апельсины?

Кора окончательно открыла глаза и посмотрела на часы: четыре часа тридцать пять минут. Самое время для того, чтобы поговорить об апельсинах.

— Мне приснился сон, — ответила Кора, — что я собираю апельсины и варю из них компот.

— Чепуха! Я не верю в сны! Признавайся, откуда ты узнала про апельсины?

— Комиссар, если вы будете на меня и дальше кричать, я выключу связь.

— Нельзя. Раз ты проснулась, значит, начался рабочий день.

— Тогда расскажите мне тихим голосом, что произошло, — попросила Кора. — Только очень тихим голосом. У меня разыгрались нервы.

— Неправда! Ты еще такая молодая, у тебя нет нервов!

— Ещетише, умоляю!

— Ещетише невозможноЯ сам себя не услышу.

— Это совсем не обязательно, — сказала Кора. — Вы же знаете, о чем хотите мне сообщить.

Милодар тяжело вздохнул. Он не любил упрямства Коры и ее умения оставлять за собой последнее слово, но признавал ее профессиональный дар.

— Говорит ли тебе что-нибудь, — спросил он приглушенным голосом, — имя Лу Фу?

— Разумеется, как и любому интеллигентному человеку, — ответила Кора. — Это великий китайский ученый, физик и философ, лауреат Нобелевской премии. Каждый школьник знает о четырех принципах Лу Фу. Шестьдесят лет назад он изобрел гравитационный двигатель, и благода-

ря ему мы можем за считанные дни пересечь всю Галактику.

— И это все?

— Я знаю, что он очень старый и живет где-то в горах или в пустыне, где разводит розы.

— Молодец, девочка! — похвалил Кора комиссар Милодар. — У тебя хорошая память. Я могу добавить только, что уважаемому профессору Лу Фу через неделю должно исполниться сто лет и во всех странах мира, а также на многих планетах готовятся к этому празднику. Ведь Лу Фу воспитал сотни учеников, не говоря уж о почитателях.

— И вы разбудили меня, чтобы сообщить об этом?

— Ты ошибаешься, Кора. Дело куда серьезнее.

— Меня выбрали в делегацию ИнтерГпола, которая повезет букет великому ученому?

— Не говори глупостей! В делегацию выбирают солидных людей, а не рядовых агентов.

— Тогда в чем дело?

— А в том, что профессор исчез и, вернее всего, убит.

— Быть не может!

Кора вскочила с кровати — сна ни в одном глазу.

— Ну чего же вы молчите, комиссар! Я вас слушаю!

— Смотри-ка, проснулась! — усмехнулся Милодар. — Уже готова к бою!

— Какие будут приказания, шеф?

— Я решил поручить это дело тебе!

— Но ведь есть более заслуженные агенты, более опытные.

— Наоборот, мне нужен агент молодой, быстрый, отважный и, кроме того, знающий китайский язык. А это ты, Кора Орват! Итак, через пятнадцать минут прошу быть у меня в кабинете.

— Я не успею, — ответила Кора.

Но, конечно же, комиссар Милодар не стал ее слушать.

Кора представила, как ее начальник включает хронометр, сидит перед ним, попивая кофе, и считает секунды. Он уверен, что она не уложится в пятнадцать минут, потому что это невозможно.

Ах так?!

За двенадцать секунд Кора выскочила из постели, добежала до ванной и через семьдесят секунд уже была на кухне — умытая, причесанная и полностью одетая. А кухня, привыкшая к тому, что ее хозяйка всегда спешит, уже сварила кофе, залила молоком кукурузные хлопья и выжала сок из грейпфрута.

Завтрак занял почти минуту — пришлось подкрепиться, потому что неизвестно было, когда удастся поесть в следующий раз.

Хрустя кукурузными хлопьями, Кора включила компьютерную энциклопедию и сразу увидела на экране доброе лицо старого профессора Лу Фу. Профессор был совсем лыс, у него были тонкие белые усы, кончики которых спускались к подбородку, и редкая, клинышком, седая борода. Затем компьютер показал Коре дом профессора. Оказывается, он уже двадцать лет как отошел от работы в институте, вышел на пенсию и поселился в очень странном для пенсионера месте — на краю громадной грозной пустыни Такла-Макан, одного из последних не освоенных людьми мест на Земле.

— Сейчас вы увидите дом профессора Лу Фу, — произнес низкий голос диктора. Он говорил по-китайски.

На дисплее потянулась бескрайняя каменистая пустыня, над которой кое-где поднимались гигантские барханы. Затем показались низкие голые

холмы, между ними — зеленое пятнышко. Пятнышко росло, пока не превратилось в цветущий оазис, защищенный холмами от ветров и песчаных бурь. Посреди оазиса, рядом с маленьким синим прудом, располагался небольшой белый дом, окруженный плодовыми деревьями. На плоской крыше дома поблескивала стеклянная башенка.

— Здесь, в тишине и вдали от суеты, профессор проводит свои спокойные годы, размышляя о смысле жизни и стараясь по мере сил принести пользу людям, — сообщил диктор.

Лу Фу вновь появился на экране. На этот раз он трудился в саду, разрыхляя мотыгой грядку. С дерева рядом упал апельсин и покатился к профессору. Ах вот почему комиссар удивился сну Коры!

Кора выключила компьютер. Прошло уже четыре минуты из отпущеных ей комиссаром Милодаром.

«Какой благородный старик!» — подумала она, выбегая на улицу к своему флаеру.

— Что готовить на обед? — крикнула из окна кухня.

— К обеду меня не жди, — ответила Кора.

— Когда же это наконец кончится! — взвыла кухня.

Дверца флаера открылась.

Сядь в машину, Кора сказала ей:

— У нас есть девять минут, чтобы долететь до Антарктиды, где меня ждет в штабе комиссар Милодар.

— Не успеть, — ответил флаер.

— А ты постараися.

— Пробки, — ответил тот. — Воздушные пробки над Малаховкой и Бермудским треугольником. Меньше десяти минут не гарантирую.

— Я тебя очень прошу. Это дело чести.

— Ну тогда держись! — предупредил флаер. — Ты хорошо пристегнулась?

Они были над Антарктидой через восемь минут тридцать секунд, трижды нарушив правила движения и чуть не врезавшись в мыс Горн.

Еще через полминуты на скоростном лифте Кора понеслась вниз сквозь двухкилометровый ледяной щит Антарктиды. Там, в глубине и безопасности, находится штаб ИнтерГпола — Интернациональной Галактической полиции. С опозданием в четыре секунды Кора вошла в кабинет комиссара Милодара.

Тот постучал согнутым пальцем по хронометру и сказал:

— Я бы на твоем месте не успел. Что будешь пить? Джин, виски, самогон, коньяк?

Кора не успела открыть рот, чтобы ответить, как Милодар уже протянул ей высокий бокал парного молока.

— Спасибо, шеф, — сказала Кора. — Я готова к работе.

***

— Сейчас ты увидишь прилетевшего из Урумчи свидетеля, — сказал комиссар Милодар. — Этот человек последним видел профессора живым. И первым попал к нему в дом после его исчезновения. Он сообщил обо всем в криминальную полицию Урумчи. После этого свидетель нашел в себе силы первым же лайнером прилететь сюда, чтобы дать показания.

— Я ничего не понимаю, — сказала Кора, глядя на часы. — Сейчас половина шестого утра. Когда же ваш свидетель успел посетить сегодня профессора, узнать, что он исчез, вернуться в

Урумчи, дать показания полиции и прилететь сюда?..

— Тебе ли быть такой наивной, Кора! — расстроился комиссар. — В каком месте я тебя разбудил?

— Под Вологдой, — ответила Кора. — Была половина пятого.

— А сколько в это время было в пустыне Такла-Макан?

— Наверное, часов на пять-шесть больше. У них уже утро...

— Умница! Значит, за несколько часов наш свидетель успел прийти, увидеть и принять меры. Как Юлий Цезарь.

Кора хотела было поправить комиссара, так как, по ее сведениям, изречение Юлия Цезаря звучало не совсем так, как цитировал его Милодар, но потом решила оставить комиссара в неведении. Тем более что она и в самом деле вела себя как наивная девочка, которая прогуляла урок о часовых поясах и теперь думает, что Земля плоская.

— А здесь у меня время произвольное. Как никак полюс, — продолжал комиссар. — Вот вы и встретились на равных.

Милодар щелкнул пальцами.

— Вести свидетеля! — произнес он.

Такой жест приводил в изумление посетителей, попавших к комиссару в первый раз и не знаящих, что за происходящим в кабинете внимательно наблюдает любимая секретарша комиссара, подлинное имя которой за последние годы забылось. Но сотрудники ИнтерГпола именовали ее Церберовной. И стоит комиссару щелкнуть пальцами, как любое его пожелание исполняется.

Дверь в кабинет отворилась, и вошла высокая девочка лет двенадцати, светловолосая и голубо-

глазая. Девочка была одета в дорожный комбинезон с вышитой на груди эмблемой юных биологов Земли — птицей дронтом. Эту эмблему придумал замечательный натуралист и любитель животных Джеральд Даррелл. Птицу дрона много лет назад истребили охотники, и ни одного дрона в мире не осталось. И, прикрепляя к груди изображение вымершей птицы, юные биологи клянутся: мы будем охранять всех живых существ.

— Познакомься, Кора, — сказал комиссар Милодар. — Это Алиса Селезнева. Она живет в Москве. Должен сказать, что Алиса не совсем обыкновенная девочка, потому что в своем возрасте она установила рекорд — побывала на двадцати трех планетах.

— На двадцати четырех! — ответила Алиса.

— Нет, на двадцати трех. Я проверил твоё досье, — повысил голос комиссар.

— У меня хорошая память, — сказала девочка. — К сожалению, вы ошибаетесь.

Коре захотелось захлопать в ладоши, чтобы поддержать девочку. Молодец, что не оробела под орлиным взглядом комиссара Милодара! Ну теперь держись!

— Досье на детей с неустойчивой психикой составляется суперкомпьютером, — сообщил Милодар, — который просто не способен ошибиться.

— У меня и психика неустойчивая? — спросила Алиса.

— А ты что думала? Разве может быть устойчивой психика ребенка, который к двенадцати годам облетел половину обитаемой Галактики?

— Но ведь большей частью меня возили туда взрослые.

— Значит, это были взрослые с неустойчивой психикой, — заявил комиссар.

— Я им скажу о вашем мнении, комиссар, —

*Милодар щелкнул пальцами.
— Ввести свидетеля! — произнес он.*

сказала Алиса. — Им будет интересно его услышать. Надеюсь, оно официальное?

— Совершенно неофициальное! — быстро воскликнул комиссар. Он умел вовремя отступить на заранее подготовленные позиции. Ведь среди людей, с которыми летала Алиса, могли оказаться и персоны, которым не понравится критика Милодара. Лучше не рисковать...

— Кстати, — продолжал Милодар, обращаясь к Коре, — Алисочка отличница, можно сказать — лучшая ученица в классе. Кроме того, она успешно занимается биологией. Именно в качестве юного биолога Алиса посетила профессора Лу Фу.

Алиса между тем рассматривала молодую женщину, с которой ее только что познакомил комиссар Милодар. Женщина казалась несколько заспанной — видно, ее выдернули из постели куда раньше, чем ей того хотелось. С первого взгляда Алисе понравилось в новой знакомой то, что в ней все было настояще, свое. Ведь не секрет, что женщины конца XXI века широко пользуются косметикой и хирургией, чтобы казаться красивыми. Некоторые изменяют себе лицо, другие удлиняют ноги, третий даже отращивают небольшие крыльышки или третий глаз во лбу, но большинство превращают себя в длинноногих блондинок. Бывает, попадешь на пляж и видишь — тысяча одинаковых красавиц! Непонятно, как их знакомые мужчины различают.

А вот у Коры все было свое: и рост — метр восемьдесят пять, и синие глаза, и русые волосы, и даже зубы, не такие белые, чтобы быть фарфоровыми.

Кора сказала:

— Мне очень приятно познакомиться с юным

биологом. У меня еще никогда не было знакомого биолога.

И незаметно для Милодара она подмигнула Алисе.

— Вот и отлично! — воскликнул комиссар. — Мы познакомились, и можно переходить к делу. Алиса, расскажи нам о последней встрече с профессором Лу Фу и о том, что случилось сегодня утром. А моя секретарша угостит нас душистым кофе со сливками.

Он щелкнул пальцами.

— Через три минуты, шеф! — послышался из-под потолка голос Церберовны.

Алиса рассказала Коре и комиссару о том, как она решила наговорить письмо старому физику и получила от него приглашение. Как прилетела в Урумчи и встретилась со студенткой Ичунь. Как потом они прилетели в пустыню Такла-Макан к озеру Лоб-Нор и нашли там зеленый оазис профессора.

Комиссар, который уже слышал рассказ Алисы, и Кора, услышавшая обо всем впервые, часто перебивали девочку, чтобы уточнить детали. Их все интересовало: и как выглядел Лу Фу, и как вела себя Ичунь, и кто такая Фатима, и какие плоды дал с собой Алисе старый профессор. Особенно они вцепились в Алису, когда она перешла к описанию отлета. Они три раза просили девочку повторить рассказ о том, как профессор пригласил ее прилететь к нему еще раз, чтобы поговорить об установке генератора доброты в Москве. Наконец, выпотрошив Алису как цыпленка, они успокоились, и Милодар приказал:

— Продолжай. Рассказывай, что было после вашего возвращения в Урумчи.

— Ничего, — ответила Алиса. — Мы прилетели в город и отправились в общежитие, где живет

Ичунь. Она провела меня к себе в комнату, и мы посидели там, поговорили.

— О чём?

— В основном о том, какой великий человек профессор и какой он чудесный стариk. Ичунь обожает своего учителя.

— А Фатима? Она его не любит? — спросил Милодар.

— С чего вы взяли? — удивилась Алиса. — Фатима тоже его любит. Но ее с нами не было, потому что она местная, из Урумчи, живет в доме своих родителей и вечером ушла домой.

— Итак, тебе ничего не известно о том, что делала Фатима, — уточнил комиссар. — Продолжай.

— Что продолжать? Потом мы пошли ужинать в маленький уйгурский ресторан...

— Почему в ресторан? — спросил Милодар. — Не рано ли вам ходить в ресторан, госпожа школьница?

— Нет, — вежливо ответила Алиса. — Не рано. Там хорошо кормят. Даже лучше, чем в студенческой столовой.

— Это выдумки!

— Это правда, — вставила Кора. — Вы, комиссар, институтов не кончали, а я имею высшее образование и должна вам сказать, что не очень любила бывать в нашей студенческой столовой.

— Клевета! — Милодар настаивал на своем. — Я читал, что полезнее всего питаться в студенческих столовых.

— Продолжай, Алисочка, — попросила Кора.

— Из ресторана мы пошли... — Алиса с опаской взглянула на комиссара, и тот, перехватив взгляд, закусил губу, готовый ринуться в бой.

— Правду и только правду! — потребовал он.

— Мы пошли на дискотеку, — упавшим голосом призналась Алиса.

— Так я и думал! — Милодар явно расстроился, а Кора рассмеялась.

— Я провела детство в приюте, — призналась Кора. — И если бы ты только знала, как мы мечтали о дискотеке! Впервые я побывала на ней на первом курсе института, зато скажу тебе, что провела там лучшие ночи моей жизни!

— Почему меня не поставили об этом в известность? — возмутился Милодар, дергая себя за кудри. — Почему я узнаю о своих агентах порочащие их сведения через несколько лет?

— Во-первых, комиссар, — возразила Кора, — в дискотеке нет ничего порочащего. Именно там я в совершенстве овладела рок-дропом и рок-джампом.

— Этого еще не хватало!

— Во-вторых, там я знакомилась с хорошими мальчиками.

— Еще того хуже! Там не может быть хороших мальчиков.

— Может, вы хотите, комиссар, чтобы мы с Алисочкой показали вам, как танцуют рок-дроп и рок-джамп?

— Или рок-скок? — спросила Алиса. — Это новая московская мода.

— Вы зачем здесь собрались? — грозно спросил Милодар, чувствуя свое бессилие перед девушками. — Мы обсуждаем важную проблему! Каждая минута на вес золота. Я не намерен тратить время на пустые воспоминания испорченных девиц! Мы немедленно продолжаем допрос. Алиса, что необычного произошло той ночью на дискотеке?

— Ничего, комиссар.

— Как жаль! Продолжай.

— После дискотеки мы долго гуляли по улицам, — сказала Алиса. — Ичунь провожали ее друзья, а я гуляла с ними.

— Кто эти друзья? — насторожился Милодар.

— Студенты и школьники, — ответила Алиса.

— Их фамилии?

— Я не спрашивала их фамилий. Там были два китайца, два уйгур и узбек.

— Они спрашивали тебя о профессоре?

— И не думали, — сказала Алиса. — Они спрашивали об Ичунь.

— Тогда продолжай. Итак, вы вернулись домой...

— Мы вернулись домой и легли спать. Утром проснулись, но Ичунь не могла встать с постели. Ночью ведь шел снег, а она гуляла с непокрытой головой.

— А я что говорил! — обрадовался комиссар, который всем и всегда велел надевать головные уборы. — На улице свирепствует грипп!

— Ичунь потеряла голос, и у нее начался страшный насморк. Я дала ей лекарства, но лететь со мной к профессору она не могла. Так что она отдала мне ключ от своего флаера, чтобы я могла слетать к Лу Фу.

— Значит, ты летела туда одна? — прищурился комиссар, словно и не знал об этом.

— Совсем одна, — ответила Алиса. — И жалею об этом. Лучше бы со мной кто-нибудь был. Вы не представляете, как мне было страшно!

— Ладно, ладно, — сказал комиссар, который не выносил женских страхов и женских слез. — Ничего особенного. Ты ведь даже трупа не видела.

— Но вы представьте... — Алиса обратилась к Коре, которая ее понимала куда лучше, чем этот курчавый цыган с безжалостными глазами. — Вы представьте: я посадила флаер у ворот. Ворота

были приоткрыты. Я думала, что профессор открыл их специально для меня... Я прошла внутрь. И что-то меня сразу встревожило. Как будто сад был не таким, как вчера.

— Почему не таким? — взвился комиссар. — Подробнее!

— Милодар, — вмешалась Кора, — через час или два мы с вами будем на месте преступления и тогда сами все почувствуем. Продолжай, Алиса.

— Сад был неживой. Там не было птиц и насекомых — все куда-то попрятались. Я прошла к дому. Дверь в него тоже была открыта. Я позвала профессора, потому что удивилась, что он не вышел меня встретить. Никто не откликнулся. Я тогда еще не испугалась — решила, что, наверное, профессор работает и не заметил, как я пришла. Я вошла в первую большую комнату. Там профессора не было. Но вид комнаты меня удивил... нет, даже испугал.

— Почему? — спросил Милодар.

— Там все было разбито, раскидано, словно... словно там побывало стадо слонов. Нет, не слоны, там побывали какие-то сумасшедшие.

— Дальше!

— Я стояла у входа в первую комнату и кричала: «Профессор, профессор!» Но никто не отзывался. И было так тихо, вы просто не представляете, до чего там было тихо. Даже мухи не летали... — Алиса замолчала. Она снова переживала страх, который овладел ею в доме профессора.

— И ты вошла в следующую комнату? — подсказал Милодар.

— Я долго не решалась, — ответила Алиса. — Я все прислушивалась. А вдруг профессор просто заснул? Потом мне показалось, что кто-то смотрит на меня снаружи. Я подбежала к окну. Тут

как раз налетел холодный дождь со снегом, и стало сумрачно.

— А за окном никого не было? — спросил комиссар.

— За окном никого не было. Только сыпались листья.

— Ты это заметила?

— Я уверена, — сказала Алиса. — Я смотрела, а листья падали. Их срывало ветром.

— Продолжай, — попросил Милодар.

— Я все-таки решилась и заглянула сначала на кухню. Там был жуткий беспорядок. Потом я сунула нос в спальню профессора. Но и там было пусто. И вся мебель была перевернута, словно кто-то сошел с ума. Но я боялась увидеть мертвого профессора и даже обрадовалась, что его нет.

— И никаких следов профессора? — спросила Коря.

— Нет. Я даже поднялась на крышу, — сказала Алиса, — чтобы лучше осмотреть оазис.

— А что было на крыше?

— Кто-то разбил стеклянную башню и опрокинул, уничтожил генератор доброты. Видно, люди, которые напали на профессора, совершенно не представляли, на что они подняли руку.

— Или слишком хорошо представляли, — мрачно заметил комиссар Милодар.

Слушая Алису, он ходил по своему кабинету из угла в угол, стараясь не приближаться к Алисе и Коре, которые стояли у стола. Объяснялось это просто: великий сыщик комиссар Милодар был на две головы ниже Коры Орват — агента № 3 в его команде. Но это еще куда ни шло — обиднее оказалось то, что девочка Алиса тоже была выше Милодара. Так что он хоть и метался по комнате, но к собеседницам не приближался.

— Я попыталась позвонить в Урумчи, но связь

в доме профессора была выведена из строя — там не осталось ни одной целой металлической или пластиковой вещи. Тогда я побежала к флаеру и из него вышла на связь с полицейским управлением. Я рассказала дежурному, что случилось, и дежурный был очень удивлен. Он даже сначала мне не поверил. Потом велел ждать, пока придет патруль. Я хотела сказать дежурному, что мне страшно здесь ждать одной, но постеснялась. Тут мне позвонил следователь Лян Фукань, которому доложили о том, что случилось. И следователь спросил меня, не хочу ли я вернуться в город, если мне страшно. И тогда мне стало совсем не страшно. — Алиса улыбнулась. — Я сказала ему, что ничего не случится, я подожду во флаере. А если замечу что-нибудь подозрительное, то сразу подниму машину в воздух. Следователь сказал мне, что я молодец, и еще спросил, где я так хорошо выучила китайский язык.

— А ты что ответила?

— А я ответила, что каждый культурный человек в двадцать первом веке знает китайский язык. Тогда следователь сказал, что он больше за меня не боится, но советует быть внимательной и осторожной. А дальше вы все знаете.

— Да, дальше мы все знаем, — согласился Милодар. — Как только следователь и полицейская группа примчались в оазис профессора Лу Фу, осмотрели дом и оазис и пришли к решению, что профессора нигде нет, они тут же отрядили поисковые группы в пустыню. Может быть, подумали они, профессор по какой-то причине ушел из дома и заблудился. Но тут следователь Лян Фукань обнаружил в спальне опрокинутый стул, на опрокинутом стуле — обрывки веревки, а также капли крови на полу под стулом. Стало ясно, что кого-то, вернее всего, хозяина дома,

привязывали к стулу и ранили его. Тут уж ни у кого не осталось сомнения, что в дом к профессору проникли злоумышленники, мучили профессора, пытаясь что-то у него выведать, а затем увезли его с собой. Но кто были эти преступники, еще следовало узнать. К тому же непонятно, у кого профессор мог вызвать такую ненависть, чтобы его мучили и полностью разгромили его скромный дом... Наверное, это было самое загадочное дело в практике следователя Лян Фуканя!

***

Каково же было разочарование следователя, когда, доложив об исчезновении профессора в Пекин, он узнал, что вести это дело он будет не один — к нему присыпают на помощь агента № 3 ИнтерГалактической полиции, потому что авторитет профессора в Галактике настолько велик, что дело подлежит расследованию на высочайшем уровне. Лян Фуканя попросили не обижаться, ведь у ИнтерГалактической полиции куда больше возможностей и опыта. Вернее всего, преступление задумано и совершено преступниками высочайшего класса, профессионалами, с которыми провинция Урумчи давно не сталкивалась.

Если даже следователь Лян Фукань и был разочарован или обижен, он никак этого не показал. Он поклонился начальнику управления, который сообщил ему новости с экрана видеосвязи, и спросил, где ждать коллегу. Начальник попросил Лян Фуканя завершить осмотр места происшествия и встретить агента ИнтерГпола на аэродроме Урумчи.

— Хорошо, — сказал следователь.

Он обследовал пустыню и долину Тарима, а тем временем в Центре управления комиссар Милодар заканчивал инструктаж агента № 3 Коры Орват.

— Тебе придется работать в тесном сотрудничестве с китайскими коллегами, — говорил он. — Тебе надо будет показать, что ты не вмешиваешься в их дела, а помогаешь всеми доступными способами. Ясно?

— Ясно.

— Ты готова к отлету в Урумчи?

— Готова.

— А я? — спросила Алиса.

— А тебе что надо, девочка? — удивился комиссар, который уже забыл о существовании Алисы. — Ты разве не улетела домой?

— А мне что делать? — настаивала Алиса.

— Ты лети домой, к маме, — отмахнулся Милодар, занятый своими заботами. — Тебе обедать пора.

— Спасибо за совет, — сказала Алиса, — но я им не воспользуюсь.

— Это еще почему? — Комиссар не терпел, когда ему перечили.

— Мне надо вернуться в Урумчи.

— И не думай. Там не место маленькому ребенку.

— Спасибо за то, что вы считаете меня маленьким ребенком, — сказала Алиса. — Только я все равно полечу в Урумчи, с вашей помощью или без вашей помощи.

— Прости, Алиса, — сказала Кора Орват. — А зачем тебе надо в Урумчи?

— Во-первых, у меня все вещи в общежитии остались. А Ичунь сойдет с ума, если увидит, что я пропала.

— Я ей скажу.

— Она вам может не поверить. К тому же нельзя так вот запросто бросить в беде человека, который дал тебе кров. Представляете, каково сейчас Ичунь и Фатиме? Им ведь кажется, что,

если бы они остались со старым профессором, ничего плохого не случилось бы.

— Наверное, ты права, — сказала Кора. — Может, Алиса полетит с нами? — спросила она Милодара.

— Лишнее все это! И вообще во флаере тесно, — проворчал тот.

Алиса расстроилась. Каждому станет обидно, если ему уже двенадцать лет, а его считают бесполезным ребенком,

Когда они поднимались на скоростном лифте на поверхность ледяного щита Антарктиды, Кора вдруг тихо спросила Алису:

— Ведь это не главная причина, почему ты хочешь вернуться в Урумчи?

— А какая главная? — спросила Алиса.

— Главная заключается в том, что ты, Алиса, обожаешь загадки и тайны и тебя никакими конфетками не выманишь из пустыни Такла-Макан, пока не разгадана тайна исчезновения профессора.

— Но он же мне не чужой человек! — сказала Алиса. — Он мой коллега, он пригласил меня в гости, я еще не получила от него чертежей генератора добра для нашей биологической станции. Разумеется, я никуда не улечу из пустыни. И не мечтайте меня выгнать!

— А кто тебе сказал, что я мечтаю тебя выгнать? Я же сама тебя позвала.

Комиссар не отрывался от своей видеозаписной книги, которую изучал, пока они поднимались на лифте с глубины в два километра, и не слушал их разговора. Но для порядка спросил:

— Вы о чем шепчетесь?

— Извините, комиссар, — сказала Кора. — Мы о своем, о девичьем.

— Вот именно, — согласился комиссар, — о девичьем. А надо — о деле!

— Я согласна, чтобы ты осталась со мной, — сказала Кора Алисе. — Только ты должна дать мне слово, что без моего разрешения не будешь соваться в опасные места.

— Обещаю! — обрадовалась Алиса. — Я ведь давно уже не тот легкомысленный ребенок, каким меня знают по фильмам и книжкам. Я даже могу поклясться, что буду вас слушаться!

— Не надо, я тебе верю, — сказала Кора. — Но и ты меня не подведи.

Лифт вылетел на сверкающую снежную поверхность ледяного щита Антарктиды. У замаскированной под торос двери лифтовой шахты стоял скоростной флаер — служебная машина Милодара, кстати, снабженная гравитационным двигателем конструкции профессора Лу Фу.

— Комиссар, — сказала Кора, — Алиса летит с нами в Урумчи.

— Но ведь я же сказал, — воскликнул комиссар, — что детям не место в служебном флаере!

— Алиса оставила вещи в студенческом общежитии. Она их заберет, поговорит со студентками, а потом, если захочет, может улететь в Москву на рейсовом лайнере.

— А если не захочет? — насторожился комиссар.

— Тогда и решим... Да вы забирайтесь во флаер, комиссар, забирайтесь. В ногах правды нет. По дороге все обсудим.

Флаер Милодара оказался просторным и комфортабельным. В нем даже нашлось место для штанги и пианино. И Алиса никому не помешала. Но у Милодара не было детей, и он не знал, как с ними обращаться.

Флаер резко забрал в небо и понесся к северу.

— Кора, ты что-то хочешь сказать. По глазам вижу!

— Вы, как всегда, угадали, — откликнулась Кора. — Мне хотелось бы попросить Алису, если у нее, конечно, найдется для этого время, слетать со мной в оазис профессора.

— Это еще зачем? — Голос комиссара был строг.

— Она уже была там два раза и может мне помочь при расследовании. — Голос Коры тоже был строг.

— Чем тебе может быть полезен маленький ребенок?

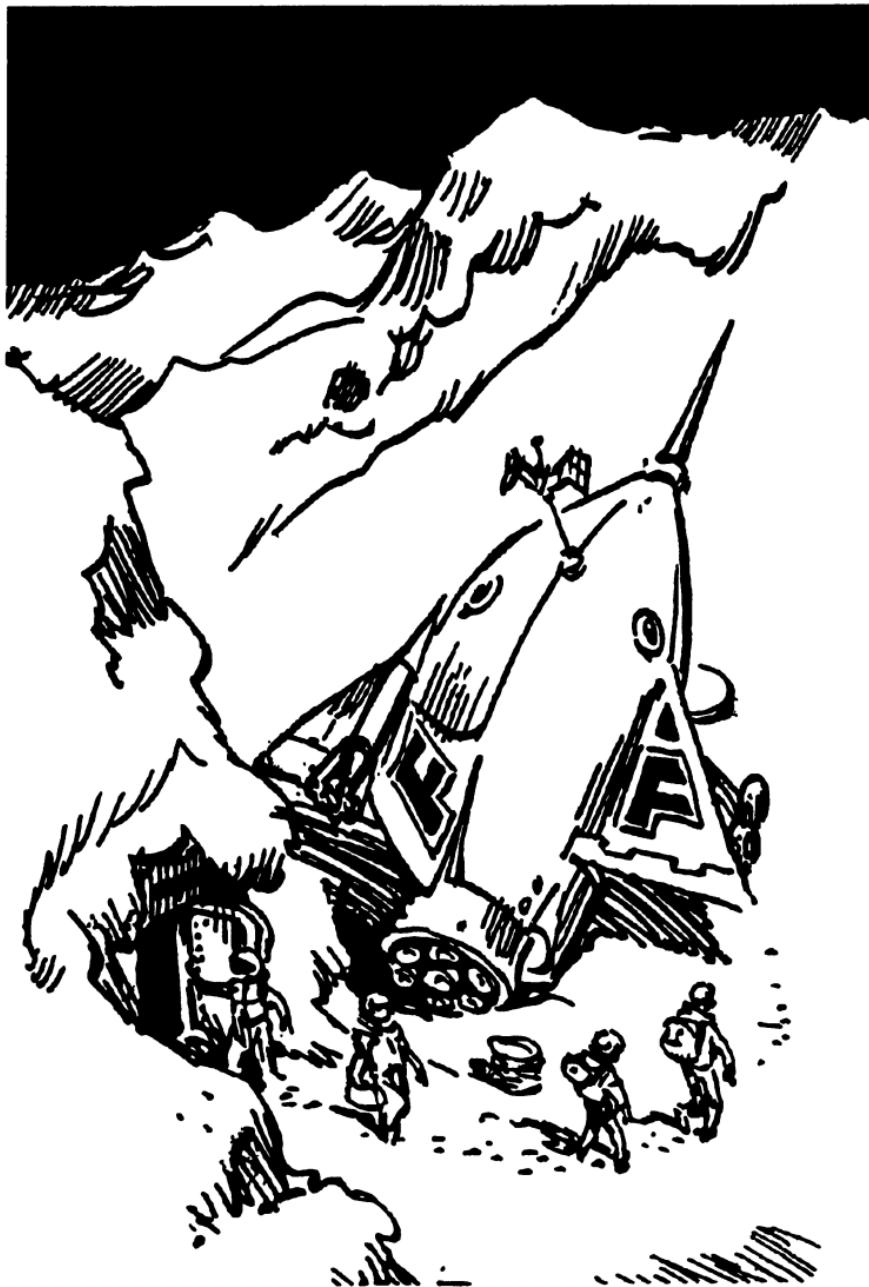
— Мне нужен единственный свидетель, который был у профессора перед смертью и первым после его исчезновения.

— Вообще-то ей лучше бы лететь домой, — произнес комиссар таким голосом, что даже Алиса поняла, что они с Корой выиграли сражение.

Милодар тут же углубился в свои видеозаписи, потом вышел на связь с какой-то группой № 6 на Марсе, которая что-то потеряла или нашла, и забыл о спутницах.

— Спасибо вам, Кора, — сказала Алиса. — Я никогда этого не забуду...

— Во-первых, не вам, а тебе — не так уж велика у нас разница в возрасте. Я старше тебя раза в два, не больше. Во-вторых, ты и в самом деле можешь мне пригодиться. Кто знает... Следствие есть следствие, а расследование в пустыне Такла-Макан для меня нечто новенькое. Так что будем считать, что мы с тобой обо всем договорились к общему удовольствию. В Урумчи я даю тебе полчаса, чтобы домчаться до общежития, взять свои вещи и девушку по имени Ичунь,

У замаскированной под торос двери лифтовой шахты
стоял скоростной флаер — служебная машина
Милодара.

которая нам может понадобиться. Догоните нас в оазисе.

— Есть, капитан! — откликнулась Алиса.

***

Алисе потребовалось полчаса для того, чтобы успокоить Ичунь и убедить ее в том, что профессор скорее всего жив. А потом Алиса уговорила Ичунь полететь на флаере в оазис. Ичунь все время плакала, слезы катились по ее тугим щекам, волосы растрепались, глаза распухли и превратились в узкие щелочки.

— Что же будет, — повторяла она, — что же теперь будет!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Алиса.

— Но ведь через две недели у нас юбилей! Профессору исполнится сто лет. Уже избран почетный комитет, съедутся гости. Как ты не понимаешь таких простых вещей!

— Чего я не понимаю?

— Что будут делать гости, если не будет хозяина?

На этот вопрос Алиса ответить не смогла. Она лишь представила себе, как гости растерянно бродят по пустыне в поисках профессора.

Когда они прилетели в оазис, Милодар и Кора Орват их уже ждали. Алиса увидела следователя Лян Фуканя, толстенького, очень вежливого человечка в строгом черном костюме и при галстуке, что выглядело в пустыне необычно.

— Я очень рад, — сказал следователь, — что Алиса возвратилась в оазис профессора Лу Фу, потому что я надеюсь на ее помощь, и мне приятно также видеть Ичунь.

— Почему? — спросила Ичунь и тут же залилась слезами, потому что увидела, какой разгром в доме профессора.

— Вы можете заметить, что отсутствует, пропало, — сказал следователь.

Ичунь со следователем ушли в дом. Алиса осталась в саду. Ей не хотелось возвращаться в разоренный, испоганенный дом.

Сад был уже не так пустынен, как утром. Эксперты и сыщики деловито шныряли по дорожкам, рылись в ворохах листьев, ползали между грядок, искали микроследы на дорожках... Куда бы Алиса ни ступила, ей говорили, шептали, ворчали, приказывали:

— Девочка, отойди, девочка, ты мешаешь, девочка, не наступи на вещественное доказательство! Девочка, что ты тут делаешь? Девочка, неужели тебе не сказали, что детям сюда вход воспрещен?

Алиса послушно отступала, отпрыгивала, отходила, она понимала, что специалисты заняты делом, а она и в самом деле может нечаянно наступить на пылинку, оставленную преступником, или, что еще хуже, принести лишнюю пылинку на своей подошве.

Несмотря на подавленное настроение, Алиса смогла сделать важное наблюдение: сад, лишенный помощи генератора добра, на глазах погибал. Манговые деревья и финиковые пальмы, испугавшись холода, поспешили сбросить листья, виноград и сливы, тронутые ночным морозом, катились по дорожке, гулко падали апельсины, стайкой поднялись бабочки и полетели к озеру — видно, надеялись укрыться в густых тростниках. Но если муравьи могут зарыться в землю, змеи — спрятаться в норы, бабочки и птицы — улететь, то растения лишены этой возможности. Они умирают там, где живут, им не положен загородный паспорт.

Порыв холодного ветра принес с собой заряд мокрого снега. Стало сумрачно, словно вечером.

Алиса поняла, что ей вовсе не хочется стоять здесь и мерзнуть.

Пришлось пройти в дом. Там горел свет — сыщики обследовали помещения и снимали их с разных точек.

— Не спешите, — услышала Алиса голос Лян Фуканя, — сосредоточьтесь. Вы бывали в этом доме много раз. Неужели вы не помните, чего не хватает? Были у профессора деньги?

— Зачем ему деньги? — послышался голос Ичунь. — Если ему что-нибудь было нужно, все сразу присылали из города Урумчи. Но профессор был очень скромным человеком, он старался ни у кого ничего не просить. К тому же он был вегетарианцем и мог обходиться плодами собственного сада. Мы с Фатимой привозили ему лишь рис, вермишель и соевое масло. Нет, деньги профессору были не нужны.

— Но посмотрите, — настаивал следователь. — Здесь стояли очень дорогие приборы и компьютеры. Откуда они?

Алиса осторожно вошла в гостиную и остановилась у двери, слушая разговор.

— Странный вопрос, господин Лян Фукань, — удивилась студентка. — Ведь профессору достаточно было мигнуть глазом, чтобы ему прислали любой прибор китайского, да и не только китайского производства.

Комиссар Милодар статуей командора возвышался в углу комнаты. Он вертел головой, но не двигался с места. Дальше, за открытой дверью в спальню, была видна Кора Орват, которая вместе с уйгурским экспертом рассматривала веревки, которыми ученого привязывали к стулу. Второй

эксперт брал для анализа щепки, испачканные кровью.

— Была ли у профессора какая-то особо ценная вещь? — продолжал спрашивать маленький кругленький следователь толстенькую робкую Ичунь. — Подумайте. Может быть, он показывал ее?

Алиса подумала, что они похожи, как дочь и отец.

— Профессор не любил вещей, — ответила студентка. — Он говорил нам, что забрался в сердце пустыни не для того, чтобы брать с собой в изгнание красивые вещи. Пускай, говорил он, они поживут дома, в Шанхае, и доставят удовольствие многим людям.

— И все же, — сказал из угла комиссар Милодар, — они что-то искали. Я бы даже сказал, что какая-то вещь их интересовала больше, чем сам профессор. И если уважаемый следователь Лян Фукань позволит, я бы предположил, что у профессора выпытывали, где спрятана эта вещь.

— Значит, они убили профессора? — испугалась Ичунь.

— Не знаю, — ответил Милодар. — Надеюсь, что его увезли с собой. Им нужны знания, им нужна информация, которая спрятана в голове профессора. Но если им была нужна только та информация, зачем переворачивать все вверх дном?

Ичунь только развела руками.

Лишь во второй половине дня следователи закончили осмотр сада профессора. К сожалению, ничего достойного внимания они не нашли. Если преступники и оставили следы, то на территории оазиса их затоптали, а снаружи их сдуло ветром и смыло дождем.

Так как погода стояла отвратительная — мо-

росил холодный дождь, — никому не хотелось дальше оставаться в оазисе. И когда Лян Фукань с экспертами улетел в Урумчи, за ними последовал и комиссар Милодар с помощницами.

В гостинице Урумчи, в комнате Коры Орват, Милодар попрощался со своим агентом.

— Желаю удачи, — сказал он.

— Спасибо.

— Я буду тебя постоянно контролировать, — сказал комиссар, — так что не надейся, что сможешь отдохнуть или смотреть видео.

— Я и не надеюсь. Я постараюсь вообще не спать.

Милодар обернулся к Алисе.

— Наверное, твои родители беспокоятся? — строго спросил он.

— Я звонила маме из Урумчи, — ответила Алиса. — Мама не беспокоится. Она привыкла.

— Жаль, — вздохнул комиссар. — Но, надеюсь, ты сегодня улетишь?

Алиса взглянула на Кору Орват. Неужели она не поддержит ее?

Кора Орват молчала, обернувшись к окну.

— Я полечу завтра, — сказала Алиса. — На лайнере.

Уже вечерело, и последний в тот день лайнер круто взмыл с летного поля, которое начиналось сразу за гостиницей. Если захочешь, из окна можно наблюдать за взлетом и посадкой кораблей.

— Ну что ж, мои дорогие, мне пора лететь. Сегодня надо успеть переделать еще целый воз работы, — сказал комиссар.

С этими словами Милодар помахал девушкам изящной рукой и медленно растворился в воздухе.

— Значит, он был не он? — спросила Алиса.

— Как всегда, — ответила Кора. — Это его голограмма. Комиссар не любит появляться на

людях самолично. Из-за этого бывает много смешных случаев.

— А отличить нельзя?

— Пока он не начнет брать в руки вещи, ты не заметишь разницы. Впрочем, можешь спросить, хочет ли он выпить чашечку кофе. Если это настоящий комиссар, он согласится, а если голограмма, то с благодарностью откажется.

— Где я буду спать? — спросила Алиса.

— А ты не раздумала оставаться со мной? Дома ведь лучше.

— Нет, если можно, я останусь с вами, Кора, до тех пор, пока профессора не отыщут. Мне неловко уезжать.

— Ну хорошо, я тебя не тороплю. Сейчас закажем ужин.

Они легли спать в тот день совсем рано, ведь Кора и Алиса поднялись на рассвете, а день выдался долгим и трудным.

***

Гостиница, в которой провели ночь Алиса с Корой, стояла рядом с аэродромом, в ней останавливались большей частью пилоты, стюардессы и те люди, чьи дела могли срочно позвать в дорогу. Это надо знать, чтобы не удивиться встрече, которая утром следующего дня произошла неподалеку от гостиницы.

— Алисочка, — сказала Кора, стараясь перекричать шум душа, — сбегай вниз, в аэропорту есть магазин. Купи там для нас с тобой жевательной резинки, шоколада, яблок, бананов и других нужных в путешествии продуктов. Возможно, нам с тобой придется провести в пустыне несколько часов, а то и сутки. Продуктов у профессора в доме нет, а на сад рассчитывать не приходится. Он уже засыхает. Деньги у меня в сумке.

— Правильно, — согласилась Алиса. — Многие экспедиции срывались и гибли, потому что путешественники брали слишком мало продуктов. Так случилось с экспедицией капитана Скотта.

— Прости, — откликнулась из душа Кора, — я провела лучшие годы в детском доме. Там про Скотта не проходили. Ты мне потом о нем расскажешь.

Алиса спустилась вниз, перебежала площадь, где располагалась стоянка флаеров и наземных экипажей, а также велосипедов. В Урумчи живет немало пенсионеров, которые селятся здесь из-за чудесного горного воздуха и сухого климата. Они борются за чистоту окружающей среды и отказываются ездить на машинах или летать во флаерах. Они используют для поездок велосипеды или бегают с рюкзаками.

За стоянкой располагалось длинное здание аэропорта. Алиса увидела вывеску магазина и побежала туда. В магазине она провела полчаса и выбралась наружу, толкая перед собой тележку, наполненную фруктами и сладостями, ведь если тебе доверили снабжение экспедиции, на тебя ложится тяжкая ответственность. А вдруг Кора погибнет, если в резерве не окажется молочного шоколада? А что если придется весь день провести без пепси-колы? Так что Алиса предпочла взять больше, чем недобрать. Экспедиция должна выжить.

Алиса вышла из магазина как раз в тот момент, когда к зданию вокзала на стоянку мягко опустился большой туристический летающий автобус. Из него спускались один за другим туристы, увешанные своим скарбом, а некоторые — трофеями. К своему удивлению, Алиса узнала среди них вчерашних попутчиков. «Ой, — удивилась она, — эти отважные Магелланы провели в

пустыне и на озере Лоб-Нор всего два дня! Ничего себе, смелые ребята!»

Тут из дверей автобуса показался господин Кнут Торнсенсен. Он тащил за собой байдарку, которая казалась бесконечной, а Алиса стояла как зачарованная, глядя на это зрелище. Из салона автобуса были слышны возмущенные голоса задержанных этой выгрузкой туристов. Торнсенсен отбросил рюкзак и тащил байдарку, лицо его стало вишневым, и Алиса испугалась, что он сейчас лопнет. Но обошлось. Из последних сил сингапурский норвежец все же вытащил из автобуса свое сокровище, и байдарка вылетела наружу, как пробка из шампанского, а за ней, потеряв равновесие, выскочила и мадам Торнсенсен, потерявшая парик. Толстенная мадам, разумеется, не удержала равновесия и растянулась на мостовой. С грохотом покатились во все стороны кастрюли, миски, соковыжималки и прочие хозяйственные принадлежности, которые, как выяснилось, мадам брала с собой в пустыню.

К счастью, находившиеся поблизости пассажиры успели подхватить мадам Торнсенсен и с трудом поставить ее на ноги, а Кнут Торнсенсен, задержавшийся из-за оплошности жены посреди стоянки, закричал на нее, держа байдарку за нос:

— Ну давай же! Скорее! Сколько можно тебя ждать? Ты опять копаешься!

Мадам поднялась и начала исследовать оцарапанную коленку, для чего ей пришлось наклониться, а сделать это при ее комплекции было нелегко. Тут из автобуса выскочила Ма Ми с большим рюкзаком за плечами и вытянула за собой чехол с удочками. Она хотела помочь мадам Торнсенсен и склонилась к ее коленке, но мадам не стала ждать. Под грозным взглядом супруга

она заковыляла к корме байдарки, с трудом приподняла ее и, хромая, побрела за мужем. Ма Ми пришлось собирать посуду и рассыпанные по земле предметы.

Алиса подкатила коляску к Ма Ми и хотела помочь ей.

— Ах! — воскликнула та испуганно, когда тень Алисы упала на нее. — Что ты здесь делаешь, Алиса? Ты меня выслеживала?

— Я хотела тебе помочь, — сказала Алиса, но так как она держала за ручку коляску, полную продуктов для путешествия, и не сообразила отпустить ее, то помочь Ма Ми она не могла.

— Спасибо, мне не надо помощи! — сказала Ма Ми.

— Ты меня боишься? — спросила Алиса.

— Зачем мне тебя бояться? — удивилась Ма Ми, ползая по земле и кидая в мешок кастрюли, терки, сковородки, кофеварки и чашки.

— А почему вы возвращаетесь? — спросила Алиса. — Холодно?

— Ужасная погода! — воскликнула Ма Ми. — Папа заболел бронхитом.

Алиса отпустила тележку и стала помогать Ма Ми. Вдвоем они за три минуты собрали все вещи в мешок, Ма Ми взвалила его на спину, а Алиса взяла тяжелый чехол с удочками, положила его поперек тележки с продуктами и покатила следом за Ма Ми.

— Тебе понравилось на озере Лоб-Нор? — спросила Алиса.

— Ты не представляешь, как там ужасно! — откликнулась Ма Ми. — Ночью пошел снег, а потом на озере была буря, у мамы начался страшный насморк, два туриста чуть не утонули, папа Кнут раскашлялся, из пустыни летели тучи песка... Мы еще успели выбраться оттуда живыми.

Торнсенсен отбросил рюкзак и дергал, тащил байдарку, лицо его стало вишневым...

— Девочка права! — воскликнул шедший сзади тучный турист в меховой шубе до земли. — Это просто чудо, что мы остались в живых. Но больше всех рисковал отец этой девочки. Он пытался рыбачить в озере. Он мог утонуть в своей байдарке.

— Да, именно так, — согласилась Ма Ми. — Я была с ним!

Они вошли в высокий зал аэропорта. Кнут Торнсенсен и его жена стояли посреди зала, соединенные длинной байдаркой: Кнут держал ее спереди, а его жена — сзади.

Кнут увидел дочь.

— Ма Ми, ты сведешь маму с ума! — крикнул он. — Сейчас же сюда! Не задерживайся, мы опоздаем на лайнер!

— Спасибо, Алиса, за помощь, — сказала Ма Ми. — Надеюсь, что мы еще увидимся.

Она схватила чехол с удочками и, с трудом волоча мешок, рюкзак и чехол, побежала к приемным родителям.

Алиса осталась в растерянности, она даже попрощаться толком не успела. Хотя Ма Ми ей, честно говоря, очень понравилась. Она хотела бы с ней дружить.

— Счастливо! — крикнула она вслед девушке.

Но та не обернулась. Наверное, и не услышала, потому что Кнут Торнсенсен выговаривал за что-то приемной дочке, а она, как побитая собачонка, семенила рядом с этой нелепой байдаркой, похожей на гигантский коричневый банан.

Так эта семейка и исчезла в дверях, ведущих к летнему полю.

Когда Алиса возвратилась к Коре, та была поражена количеством продовольствия, которое следовало взять с собой экспедиции.

— Не бойся, — сказала Алиса. — Не забудь, что нам с тобой еще надо позавтракать.

— Твое счастье, — сказала Кора, — что у меня тоже хороший аппетит. Иначе я тебя оставила бы в пустыне, пока не перемелешь все эти запасы.

— А что поделаешь? — вздохнула Алиса. — Я ведь расту.

Перед вылетом Кора позвонила следователю Лян Фукаю и сказала ему, что она вылетает в оазис профессора Лу Фу, чтобы еще раз не спеша осмотреть дом без свидетелей и специалистов.

— Я вас понимаю, коллега, — согласился следователь. — Надеюсь, что вы не забудете сообщить мне, если отыщете что-нибудь интересное, пропущенное невнимательными глазами моих сотрудников.

— Обязательно, уважаемый следователь, — сказала Кора. — Хотя вряд ли ваши сотрудники что-нибудь упустили.

— Он обиделся? — спросила Алиса, когда Кора прекратила связь.

— Не совсем так, — ответила Кора. — Следователь Лян Фукань — профессионал. Он хотел бы сам распутать это дело и найти профессора. Но он понимает, что похищение профессора скорее всего международное преступление и корни его могут находиться далеко от Урумчи. Конечно, ему немного обидно, что дело передали такой... такой девчонке, как я... Лучше расскажи мне, что ты видела, пока ходила в магазин. А то тебя не было так долго, что можно подумать, будто ты встретила друзей.

Пока они загружались во флаер, переданный им следователем, Алиса рассказала о встрече с Торнсенсенами, которые бежали с озера Лоб-Нор, испугавшись снега и ветра. Она смешно изображала туристов, показывая, как семья норвежцев тянула байдарку.

Кора слушала Алису, не перебивая.

Флаер был уже высоко в небе, когда Алиса наконец закончила свой рассказ и Кора спросила:

— А девочка Ма Ми старше тебя?

— Ей лет пятнадцать.

— А родители ее в самом деле норвежцы?

— Они живут в Сингапуре.

— А что делает этот господин... Торн...

— Торнсенсен. У него магазин детских игрушек.

— Очень любопытно. И притом он рыболов?

— Да. Так мне Ма Ми сказала. Он даже пытался рыбачить под снегом на озере Лоб-Нор.

Флаер летел высоко над пустыней на автопилоте, впереди уже показалась зеленая точка оазиса.

Алиса выглянула в окошко.

— Тебе не кажется, что листва пожелтела?

Даже отсюда видно, — сказала она.

Кора в ответ только кивнула. Она о чем-то напряженно думала.

Алиса принялась разглядывать быстро приближающийся оазис.

Теперь она уже не сомневалась. За сутки, что прошли с их вчерашнего визита сюда, на оазис как будто накатила осень.

Даже Кора, хоть и думала о другом, удивилась, когда флаер опустился перед воротами, теперь наглухо закрытыми. Над забором поднимались кусты и деревья, состарившиеся за ночь, пожелтевшие, побуревшие. Все апельсины уже осыпались, порыв ветра принес охапку бурых листьев...

— Это ужасно! — воскликнула Алиса. — Сломав излучатель доброты, они загубили столько невинных растений.

Алиса хотела было вылезти из флаера, но тут увидела, что Кора набрала на пульте номер и спросила:

— Следователь Лян Фукань может подойти?

— Его нет в управлении, — ответил женский голос.

— Можно мне выйти с ним на связь?

— Следователь просил его не беспокоить.

— У меня срочное дело, связанное с исчезновением профессора Лу Фу. Я Кора Орват.

— Подождите минутку, я попытаюсь его вызвать, — сказала женщина.

Через несколько секунд Алиса услышала голос следователя.

— Простите, коллега, — сказал он. — Я сейчас в бассейне. Надо поддерживать себя в форме.

— Простите, что я вас отрываю от занятий, — сказала Кора, — но у меня дело большой важности.

— Говорите, коллега Орват.

— Скажите, пожалуйста, проверяли ли вы туристов, которые ночевали позавчера на озере Лоб-Нор неподалеку от оазиса профессора?

— Разумеется, коллега, — ответил следователь. — Мы проверили обе группы туристов, которые ночевали на озере Лоб-Нор. Никто не покидал лагерь, но за сутки они так пророгли и промокли, что в полном составе помчались по домам.

— Вы совершенно уверены?

— У меня нет никаких сомнений. — В голосе следователя звучало недовольство недоверием Коры.

— Знаете ли вы, — спросила Кора, — что у семьи Торнсенсен была большая байдарка?

— Разумеется, — ответил следователь. — Торнсенсен — заядлый рыболов. Мы даже связались с Сингапуром и выяснили, что это чистая правда. Отпуск он проводит в своей любимой байдарке.

— Заглядывал ли кто-нибудь в его байдарку? — спросила Кора.

— Почему мы должны подозревать уважаемого человека, хорошо известного в кругах торговцев детскими игрушками? За него могут поручиться сотни людей.

Алиса подумала, что они испортили Лян Фу-каню купание. Ни один следователь не любит, если намекают на то, что он что-то упустил или не заметил.

— И все-таки я очень прошу вас дать сигнал в Ташкент, чтобы там под любым предлогом заглянули внутрь байдарки, — попросила Кора.

— Зачем? — спросил следователь. — Может, вы подозреваете, что там спрятан труп профессора Лу Фу?

— Чтобы выяснить, нет ли в байдарке скоростного двигателя, который позволил бы ей за ночь долететь от озера Лоб-Нор до оазиса профессора Лу Фу.

— Хорошо, хорошо, — сказал Лян Фу-кань. Каково ему было подчиняться этой самоуверенной девчонке из ИнтерГполя!

Рассерженный следователь отключил связь.

— Нехорошо получилось, — произнесла Кора. — Нам же вместе работать, а он, кажется, мною недоволен.

— Я с ним согласна, — сказала Алиса. — Мой опыт общения с людьми показывает, что эта семья — не преступники. Я разговаривала с Ма Ми. Она нормальная, хоть и не очень счастливая девочка.

— И все равно, — упрямо сказала Кора. — Если есть хоть маленько подозрение, его надо развеять. Ведь ты же не знаешь, куда делся профессор. И я не знаю. Но неразрешимых тайн не бывает. Кто-то, хотя бы похититель или

убийца, знает, что случилось. И если мы его выследим, то и сами все узнаем.

Они вошли в сад. Сад словно проснулся, удивился тому, в какой суровой, зимней, неприветливой пустыне он расцвел. И постарался соответствовать этой пустыне, как Золушка в роскошном платье и хрустальных туфельках, оказавшись на кухне, спешит все снять и спрятать, чтобы никто не догадался, какой проступок она совершила. Вот и сад стал серым, жухлым, несчастным, увядшим.

— Уж лучше бы, — сказала Алиса, пока они шли по дорожке к дому, — здесь была пустыня как пустыня. А то очень грустно.

В этот момент они услышали впереди глухой удар.

— Стой! — приказала Кора.

Она остановила Алису движением руки, а сама осторожно, как пантера, двинулась вперед.

Не успела Кора скрыться в бурых кустах, как раздался еще удар, потом еще один... Затем послышались удар потише и возглас Коры:

— Ой! Меня, кажется, убили!

Забыв об осторожности, Алиса кинулась вперед и увидела, что Кора стоит, прижавшись спиной к стволу апельсинового дерева, и прижимает ладонь к темени.

И тут еще один апельсин, сорвавшись с дерева, ударил Алису по плечу.

Стук раздавался со всех сторон: поднявшийся ветер срывал апельсины с деревьев, и они стучали, ударяясь о твердую землю.

Перебежками, чтобы не попадать под апельсиновую бомбекку, девушки добежали до дома.

— На войне как на войне, — сказала Кора. — Хотя, честно говоря, мне приходилось бывать и

в более тяжелых переделках, но так близко от гибели я не была никогда.

— Правда? — удивилась Алиса. Но поняла, что Кора шутит, и рассмеялась.

— Ты не смеяся, ты пощупай, видишь, какая шишка растет!

В доме стояла тишина, и, хоть окна были закрыты, пыль покрыла опрокинутые стулья, разломанный стол, перевернутый шкаф, сброшенные со стеллажей книги...

— Теперь, — сказала Кора, — мы с тобой будем искать то, не знаю что.

— Это мне нравится, — согласилась Алиса.

— Я не шучу. Я не знаю и ты не знаешь, что мы отыщем. Но если следователи и эксперты ничего не нашли во всем доме, значит, они плохо искали. Вернее, не плохо, а стандартно. Мы должны с тобой увидеть что-то, чего они не смогли заметить. Задача тебе понятна, мой помощник?

— Да, мистер Холмс! — ответила Алиса.

— Что мы видим на этой картинке? — спросила Кора. — Мы видим дом старого профессора, разгромленный преступниками. Но неужели это просто хулиганы, которые получали удовольствие от своего хулиганства?

— Может быть, — согласилась Алиса.

— Они прилетели в самое пустынное место на Земле специально, чтобы побезобразничать. И мы с тобой в это поверим?

— Ни в коем случае, мистер Холмс! — ответила Алиса. — Они прилетели, потому что им что-то было нужно.

— Отлично! — воскликнула Кора. — Как мне приятно, что меня сопровождает такой умный доктор Ватсон. Им нужно было что-то... большое?

— Нет, небольшое.

— Почему они не попросили профессора дать им эту вещь?

— Потому что профессор не захотел дать им эту вещь. Они даже привязали его к креслу и били, но он не сдался.

— Как только мы, доктор Ватсон, догадаемся, какую вещь профессор не захотел дать преступникам, мы разгадаем загадку оазиса.

Разговаривая так, сыщики прошли во вторую комнату, которая служила профессору спальней.

Здесь тоже были видны следы погрома, но Алиса обратила внимание на то, что здесь разгромлена только половина комнаты, та, что была ближе к двери. Ковер в этой половине комнаты был вспорот и разодран, комод с бельем буквально вывернут наружу... А вот в дальней половине комнаты преступники не хулиганили. Будто устали.

— Обрати внимание, Кора, — сказала Алиса. — Они просмотрели все книги на стеллажах в гостиной, но стеллаж в дальнем углу спальни их не заинтересовал. Разве это не удивительно?

— Удивительно, — откликнулась Кора. — Но мы постараемся объяснить эту странность.

— Можно я объясню, мистер Холмс? — воскликнула Алиса.

— Попробуйте, доктор Ватсон.

— Они нашли то, что искали!

— Замечательно! Пятерка с плюсом. А раз они не были хулиганами, а оказались вполне деловыми людьми, то они тут же перестали громить и переворачивать чужой дом, а уехали с добычей. С предметом достаточно маленького размера, чтобы его можно было спрятать на полке за книгами.

— Но я не понимаю, — сказала Алиса, — куда они дели профессора?

Кора подошла к окну, за которым снова

бушевала снежная выюга, оседая тяжелыми шапками снега на ветвях деревьев.

— Вот это меня и беспокоит больше всего, — сказала Кора. — Может быть, они не хотели, чтобы профессор рассказал о том, кто на него напал и что у него забрали? В таком случае дела наши плохи. Ведь проще всего профессора было убить и закопать в пустыне. Его могут никогда не найти.

— Ой, какой ужас! — воскликнула Алиса.

— Но есть надежда, что профессор жив, — сказала Кора. — Это может случиться, если он им нужен.

— Но зачем им нужен старый ученый? Он же для них опасен, — сказала Алиса. — Он их знает в лицо.

— Если его далеко спрятали, то он никому ничего не сообщит...

Сказав это, Кора включила связь-экранчик, прикрепленный к браслету.

— Следователь Лян Фукань! — произнесла она. — Вас вызывает агент Орват.

Маленькое лицо следователя показалось на экранчике.

— Извините, вам удалось связаться с Ташкентом? — спросила Кора.

— Да, только что, — ответил следователь.

— И что же?

— Как только лайнер приземлился в Ташкенте, часть туристов с него сошла. В том числе семья Торнсенсенов. Лайнер полетел в Москву без Торнсенсенов на борту.

— Так где они? — закричала Кора.

— Где угодно, — ответил следователь. — Может быть, они поехали ловить рыбу на озеро Иссык-Куль.

— Пожалуйста, я вас очень прошу, — взмол-

лилась Кора, которой не хотелось портить отношения со следователем, хотя у них и были разногласия, так как Лян Фукань не желал подозревать Торнсенсенов. И это можно было понять. Ведь он с самого начала не проверил их, а теперь не хотел в этом признаться. — Я вас прошу, продолжайте вызывать Ташкент. Ведь Торнсенсены не могли провалиться сквозь землю!

— Разумеется, — ответил следователь, и связь прервалась.

Над пустыней Такла-Макан поднималась буря. За окнами стемнело.

— Наверное, к утру, — сказала Кора, — ни одного листочка на деревьях не останется.

Алиса пошла на кухню и подготовила обед из запасов пищи, которые они привезли из Урумчи. Обед состоял из ананасов, бананов, мороженого и шоколадных конфет с пепси-колой. Кора заявила, что она не ела такого вкусного обеда с тех пор, как сбежала из детского дома. Но она не сказала, когда и из какого детского дома она сбежала, а Алисе было неудобно спрашивать, ведь они совсем недавно познакомились.

После обеда они перешли в спальню профессора. Именно там стоял у окна его письменный стол. Ящики были выдвинуты, но, наверное, когда грабители открыли стол, они нашли то, ради чего пришли в этот дом, и тут же прервали обыск. А следователи и эксперты, которые появились здесь с утра, документы профессора трогать не стали. Ведь никто не доказал, что профессор погиб. Может быть, он гуляет по пустыне где-то неподалеку и вот-вот вернется к себе. И он всерьез рассердится, увидев, что следователи вели себя подобно грабителям.

Но Кора — не простой следователь, а агент

ИнтерГалактической полиции. Ей приказано любой ценой раскрыть тайну исчезновения профессора, потому что все связанное с его делом может представлять опасность для Галактики. Он ведь не простой пенсионер...

Кора попросила Алису внимательно проглядеть книги на стеллаже в спальне профессора. Каждую книгу, просмотрев, ставить на место. Если что-то покажется странным, сразу сообщать ей.

Сама же Кора уселась за письменный стол профессора и стала по очереди проверять ящики стола. Она делала это осторожно, каждую бумажку просматривала, каждую микрокассету прослушивала и клала на прежнее место.

Алиса снимала книжки с полок, пролистывала и ставила обратно. Смотреть на старые книги было скучно. Впрочем, и кассеты, и дискеты касались в основном физики и небесной механики... Следующий стеллаж был заполнен литературой по психологии, физиологии и наукам о человеке. Затем Алиса перешла к шкафу,ному дискет и альбомов о разных растениях. Алиса ничуть не удивилась, обнаружив в библиотеке профессора столько книг и кассет по различным наукам. Ведь профессор раньше занимался физикой и астрономией, а в последние годы разрабатывал аппарат, передающий человеческие чувства растениям. Но для того чтобы сделать такую «пушку», что еще вчера стояла на крыше дома, надо было очень многое знать и о технике, и о растениях.

Алиса чувствовала, что ничего интересного для следствия на полках она не отыщет, но раз уж она помогала настоящему агенту и притом подруге, то она не собиралась сдаваться.

— Алиса, — окликнула ее Кора, — погляди, на каком языке это написано?

Алиса подошла к Коре. Та выложила на письменный стол целую пачку писем, написанных самым настоящим пером; к ним были приколоты конверты для космической почты.

Почта будет существовать в двадцать первом и даже в двадцать втором веке. Есть люди, которым нужны буквы и слова, которым хочется когда-нибудь достать дорогое сердцу письмо и перечитать его в тишине, лежа на диване и не включая компьютера. Всегда останутся люди, которые любят писать собственной рукой, точно так же, как это делал Лев Толстой или Леонардо да Винчи. Некоторые считают их чудаками и чуть ли не сумасшедшими, но эти люди не обижаются.

Кора передала пачку писем Алисе, а сама занялась изучением записок, дисков, лент и голограмм, лежавших в ящиках письменного стола.

«Наверное, их писал такой же древний старик, как наш профессор», — решила Алиса, беря пачку писем из рук Коры.

Она просмотрела конверты и обращения в письмах и тут же уверенно сказала:

— Это итальянский язык. Письма пришли из Болоньи.

— Ах да, конечно! — откликнулась Кора, которая, подобно Пашке Гераскину, не выносila, если обнаруживалась ее слабость или ошибка. Вот и тут, совершенно как Пашка, Кора пожала плечами и сказала: — Конечно же, это итальянский язык! А то я засомневалась, а вдруг это аргентинский. Знаешь, они ведь так похожи!

Алиса не удержалась от ехидного замечания:

— Ты, наверное, в тот день болела и пропустила урок. И никто тебе не сказал, что не существует аргентинского, колумбийского и панамского языков. Там все говорят по-испански.

— Ты права, — вдруг призналась Кора. — У

меня к языкам нет никаких способностей. А когда пытались их внедрить таблетками, то меня тут же рвало, честное слово!

— С помощью таблеток язык по-настоящему не выучишь, — ответила Алиса. — Таблетка действует два-три дня и может научить только самым простым выражениям. Таблетки — это для туристов. Мой папа из-за таблетки угодил в неприятную историю.

— Расскажи!

— Мой папа работает в Московском космозо — зоопарке для космических зверей. Один раз ему надо было лететь на конференцию по охране носорогов в Бангладеш. У него была таблетка, он ее проглотил, и пока летел да читал материалы к конференции, действие таблетки кончилось. Он пошел к трибуне и вдруг сообразил, что ни слова не помнит на языке бенгали. Тогда он попросил в президиуме у какого-то профессора еще одну таблетку. Тот ему дал, и папа прочитал доклад. Ему похлопали, все в порядке, а когда он сел на место, сосед его спрашивает, а почему он выступал на бурятском языке? Оказывается, тот тип в президиуме перепутал таблетки. Смешно?

— Смешно, — согласилась Кора, — но не похоже на правду. И раз у нас с тобой здесь нет таблеток, будь любезна, прочти эти письма.

Алиса смутилась. Ей стало неловко, что она вместо помощи рассказывает старые анекдоты. Она, конечно, не догадалась, что Кора оборвала ее только потому, что смутно представляла себе, где находится Бангладеш, так как в детском доме прогуливала уроки географии, а иногда и уроки истории. Поэтому она и не поняла, почему в Бангладеш не понимают бурятского языка.

Алиса раскрыла первое письмо. Пробежав его глазами, она принялась вслух переводить:

— «Дорогой синьор Лу Фу! — начиналось письмо. — Мой старый друг доктор Бочкин из Тюмени был у меня в гостях и рассказал, что Вы последние годы работаете над проблемами воздействия лучами доброты на растения. Когда я услышала это выражение — «лучи доброты», — все во мне, синьор, перевернулось. Неужели Вы подошли к разгадке тайны, которая мучила меня столько лет? Неужели Вы добились осуществления мечты лучших людей всех времен? Пусть эти люди и не предполагали обратить свои усилия именно в этом направлении и потребовался весь Ваш талант, чтобы добиться цели, но я полагаю, что...»

— Хватит, — оборвала Алису Кора. — Не трать больше нашего с тобой времени. Это просто какая-то поклонница. Кстати, погляди на обратный адрес. Как ее зовут?

— Графиня Серафина Беллинетти, — прочла Алиса. — Болонья, Италия.

— Вот видишь! — сказала Кора. — Эти старые графини все как на подбор сумасшедшие. Возвращайся к книгам, а я продолжу разбираться в бумагах.

Алиса вернулась к полкам, но письма от итальянской графини оставила себе. Она тихонько уселась в уголке на стул и принялась читать их дальше. Даже трудно объяснить, почему Алиса не послушалась Коры. Может быть, ей стало жалко старую графиню, которую обвинили в том, что она сумасшедшая. Может, потому, что она никогда еще не читала писем от итальянских графинь. При других обстоятельствах она, конечно, никогда не стала бы читать чужих писем. Но сейчас было иначе: от случайного слова или адреса, от имени или от неосторожно оброненной угрозы могла зависеть судьба профессора.

Так что Алиса продолжала читать письмо.

«Первая половина моей жизни сложилась удачно. У меня было все — и муж, и ребенок, и любимый дом. Но восемь лет назад муж и сын Карло погибли во флаерной катастрофе, и я осталась одна на всем свете. Мне трудно передать глубину отчаяния, в котором я находилась. В течение года я не могла видеть других людей, я скрывалась в своем замке и молилась, чтобы скорей наступила моя смерть. Но однажды, гуляя по окрестностям, я увидела нищенку с больным ребенком. И поняла, что есть люди, которым куда хуже, чем мне. И мне стало стыдно, что я прячусь в роскошном замке, не замечая, как страдают люди вокруг. Тогда я превратила мой замок в больницу для неизлечимо больных сирот, для тех, кто лишен разума.

Прошло уже несколько лет, как я стараюсь облегчить участь несчастных. Я приглашаю к себе в замок самых лучших специалистов и стараюсь следить за новыми открытиями в медицине — я занята с утра до вечера. И мне не так тяжело, как могло бы быть. Несчастный человек должен быть погружен в несчастья других людей — этим он лечится. Это для него лучшее лекарство.

За годы работы я пришла к выводу, что растения оказывают на душевнобольных благотворное воздействие. Если ребенок проводит ночь в саду, он лучше высыпается, чем в комнате. Если же в саду притом играет очень тихая приятная музыка, то ее воспринимают и растения, и люди...»

— Кора! — заявила Алиса. — Эта графиня, хоть и сумасшедшая старуха, проводила такие же опыты, как и мой друг Пашка Гераскин.

— И так же безуспешно, — откликнулась Кора, погруженная в чтение документов профессора. — А ты теряешь время понапрасну.

«Но когда я узнала о Вашем открытии, Ваших работах,уважаемый профессор, то поняла, что Вы отыскали новый путь, пойти по которому я не догадалась. И я подумала: может быть, Вам будет интересно испытать Ваш прибор в моей клинике? Ведь если лучи добра так благотворно воздействуют на растения, может быть, через растения они подействуют и на моих больных? Ведь в любом случае хуже не будет».

Так как Кора не обращала на нее внимания, Алиса продолжала изучать письма итальянской графини. Правда, о многом приходилось только догадываться, потому что в пачке лежали письма из Италии, но не было, конечно, ответных писем профессора. Алиса сразу догадалась, что профессор подробно ответил на первое письмо графини Беллинетти и даже сам задал ей несколько вопросов, потому что в следующем письме итальянка сообщила, сколько у нее больных, как устроена клиника, какие врачи там работают. А в третьем письме графиня написала:

«Я прошу Вас называть меня просто Серафиной, как меня называют все, даже мои пациенты. Я посылаю Вам кассеты с фильмами о моем имении и нашем саде. Надеюсь, что Вы когда-нибудь сможете к нам выбраться».

Кассет не было, но, видимо, их надо было искать среди прочих кассет и дисков, сложенных стопками возле компьютера и видеосистем.

— Алиса, ты собираешься сидеть здесь вечно? — спросила Кора. — Ты еще и десяти процентов библиотеки не осмотрела.

— Извини, Кора, — ответила Алиса. — Но у меня такое ощущение, что эта переписка очень важна. Она может нам помочь.

— Чем же? — язвительно спросила Кора. — Неужели ты подозреваешь эту старушку в том,

что она украла профессора? Может, ты думаешь, что она в него влюбилась?

Алиса не стала отвечать Коре — зачем спорить, если все равно ничего не сможешь доказать.

Но ей очень нравилась эта бабушка, которая добровольно отдала жизнь уходу за больными детьми и думает, как бы им помочь. Алисе очень хотелось, чтобы профессор Лу Фу чем-нибудь ей помог. И вот в пятом или шестом письме она наткнулась на строчки, которых так ждала!

«Дорогой профессор, — писала графиня. — Разумеется, я понимала, что Ваша установка, которая работает на крыше Вашего дома, слишком дорогое и сложное устройство, чтобы его можно было размножить и прислать к нам в клинику. Но я верила, что Вы что-то придумаете. Представьте, как я обрадовалась, прочтя в Вашем последнем письме, что Вам удалось наконец изготовить карманную модель Вашего генератора. Да, конечно же, я понимаю, что его действие ограничено и он уступает стационарному излучателю. Но мне и не нужны большие масштабы. Ведь наши опыты только начинаются. Главное, что малый излучатель такой простой и дешевый! Я вижу теперь, что наступает время, когда в каждом саду, в каждом оазисе можно будет установить генераторы, и вся жизнь на Земле изменится. Нет, не хмурьтесь, мой уважаемый друг, не сердитесь. Я знаю, что Вы не считаете работу завершенной, если она не проверена тысячу раз. Но я прошу Вас прислать мне карманный генератор на несколько дней. Я обещаю, что возвращу его Вам по первому требованию. Но я думаю, что результаты испытаний в клинике важны не только для меня, но и для Вас».

Алиса подошла к Коре, которая, перевернув

стол кверху ножками, исследовала его внутреннюю поверхность.

— Кора, — сказала она, — я уверена, что графиня Беллинетти может нам помочь. Я думаю, что тебе надо срочно к ней слетать.

— Почему же?

— Прочти это письмо.

Кора пробежала письмо по диагонали.

— Ничего особенного не вижу, — сказала она. — Не понимаю, какое это может иметь отношение к исчезновению профессора?

— Я тоже не знаю, — призналась Алиса. — Но я убеждена, что графиня знает что-то важное!

— Я подозреваю, — сказала Кора, — что ты, Алисочка, насмотрелась детективов и тебе кажется, что ты вот-вот станешь Шерлоком Холмсом.

— Рядом с вами, разумеется, — ответила Алиса.

Кора не сразу поняла, шутит Алиса или на самом деле так думает, поэтому отмахнулась от нее как от мухи и сказала:

— Не трать времени даром. Продолжай осматривать библиотеку.

— Кора, я очень тебя прошу, — Алиса заговорила вкрадчивым голоском, — разреши мне взять на час твой флаер и слетать в Италию.

— Одна? В Италию? Ни за что!

— Ах, как ты мне напоминаешь мою бабушку! — сказала Алиса. — Только бабушка кричит не так громко.

— Слушай, — обиделась Кора. — Я тебя взяла на расследование, хотя совсем не должна была этого делать. И вместо того чтобы меня отблагодарить, ты со мной споришь и даже стараешься меня обидеть.

— О нет, господин сыщик! — ответила Алиса. — Я вам так благодарна, что даже моим детям и внукам прикажу за вас молиться!

— Алиса!

— Двенадцать лет как Алиса! И я вернусь через час.

— Так я тебе и поверила! — сказала Кора. — За час до Италии и обратно, да еще там поговорить со старушкой, которая уже выжила из ума!

— Значит, можно взять флаер?

— Только чтобы дотемна возвратиться! Иначе я тебя сегодня же отправлю к папе и маме.

— Слушаюсь.

Алиса остановилась посреди комнаты.

— Так чего же ты ждешь? — спросила Кора. — Часы уже стучат!

— Но лучше, наверное, если ты позвонишь синьоре Беллинетти и скажешь, что я лечу к ней.

— Ага! — обрадовалась Кора. — Значит, и мы на что-то годимся!

— Годитесь, — согласилась Алиса. — Ты бы очень обиделась, если бы я стала договариваться без тебя. Это все равно как если бы доктор Ватсон договорился о поединке с доктором Мориарти, а Шерлоку не сказал ни слова.

— Ты так думаешь? — спросила Кора. — Наверное, ты права. Кстати, у тебя есть друзья среди малолетних преступников?

— Конечно, — ответила Алиса. — У меня есть два друга, Аркаша и Паша. Один из них только что вернулся из пиратского логова, потому что пираты отказываются с ним летать — так плохо он себя ведет. А Аркашу, к сожалению, выслали на Плутон. Он искасал последнего бенгальского тигра!

Кора кивнула. Больше вопросов она не задавала.

Она вышла с Алисой наружу. Сыпал снежок, деревья и трава побурели, апельсины, лежавшие в снегу, были темно-коричневыми.

Забравшись во флаер, Кора включила видеосвязь. Набрала межгород. В Болонье ей дали номер клиники госпожи Беллинетти. Подошла миловидная медсестра в синем платье, белом переднике и белой наколке. Она сказала, что госпожа директриса поехала на рынок за свежими фруктами для детей. Вернется она через полчаса. Тогда ее можно будет застать.

— Лети пониже, — сказала Кора и похлопала Алису по плечу.

Алиса забралась во флаер и резко забрала машину вверх.

Бурый, полузыпаный снегом сад стал быстро уменьшаться.

У изгороди на снегу стояла маленькая фигурка Коры Орват. Кора махала рукой.

Флаер вошел в низкое снежное облако, его как следует тряхнуло, и Алиса, выправив машину, повела ее вверх, чтобы выйти из облаков.

Через пять минут облака разошлись и на темно-синем небе загорелось белое солнце. Солнце висело над бесконечным ватным облачным слоем, и лишь далеко на горизонте из облаков поднимались могучие хребты, покрытые вечными снегами.

Глава третья

ПОМОЩНИЦА ГРАФИНИ СЕРАФИНЫ

Флаер обогнал время и достиг итальянского города Болоньи утром. Здесь было солнечно, редкие пушистые облака плыли по небу, как парусные корабли, буйно цвели деревья, над городом висел аромат их лепестков.

Сама Болонья оказалась большим городом, в котором по всем центральным улицам протянулись галереи, чтобы в жару горожанам не надо

было ходить по солнцепеку. Недалеко от старинного собора поднимались две высокие тонкие косые башни — когда-то, в дикие времена, жители Болоньи предпочитали жить в башнях, чтобы к ним не забрались разбойники.

Пролетев над утренней Болоньей, Алиса стала снижаться над зелеными парками и садами окрестностей города. Она связалась с клиникой, и вахтер сказал ей, что наведет флаер на стоянку, которая расположена за дворцом.

Оставив флаер, Алиса быстро прошла к дому.

Было пусто, жужжали пчелы, наперебой заливались птицы, каменные плиты под ногами были усеяны белыми и розовыми лепестками яблонь и вишен.

Дворец графини был очень старым. Наверное, он был построен лет пятьсот назад. В толстых серых стенах были прорезаны высокие узкие окна, по углам крыши и в нишах стен стояли мраморные скульптуры.

На открытую веранду, от которой к стоянке вела широкая каменная лестница, вышла уже знакомая Алисе дежурная медицинская сестра.

— Госпожа Серафина ждет вас у себя в кабинете, — сказала она. — Прошу вас следовать за мной.

Алиса поднялась по лестнице и ступила в прохладу каменного зала. Пол был мраморный, сложенный из разноцветных плиток, зал окружен изящными колоннами. Здесь тоже стояли статуи. И если бы Алиса не увидела по пути нескольких медицинских сестер и не заметила колясок, в которых съезжались в столовую на завтрак больные дети, можно было бы подумать, что она попала в музей.

Но она была не в музее.

Кабинет синьоры Беллинетти представлял со-

бой странную смесь дворцовых покоев и современного кабинета директора клиники. На резных столах красного дерева стояли компьютеры, принтер разместился на мраморном столике, различного рода пленки, кассеты, бумаги заполняли столы и полки. Но хотя кабинет принадлежал очень занятому человеку, его нельзя было назвать захламленным или неопрятным. Просто в нем царил тот вид беспорядка, когда хозяин отлично знает, где лежит та или иная нужная ему вещь.

За столом сидела черноволосая женщина. При звуке шагов Алисы она легко поднялась с кресла, обежала стол и встретила Алису посреди кабинета.

Женщину Алиса сразу назвала про себя Дюймовочкой. Она была такой маленькой и хрупкой, что казалась девочкой, хотя, конечно же, была взрослой, наверное, не моложе Алисиной мамы. На женщине было широкое шелковое платье, шея, тонкие руки и лицо были загорелыми, смуглыми, как у рыбачки. Светлые зеленые глаза сияли так ярко, словно в них были вставлены лампочки. А волосы ее были такими буйными и густыми, что не желали подчиняться заколкам и разбегались водопадом по плечам. Алиса с первого взгляда влюбилась в эту женщину.

— Здравствуйте. Меня зовут Серафина, — сказала женщина и протянула Алисе горячую сухую руку. — Случилось что-то ужасное? Нет, не скрывайте от меня, я привыкла к несчастьям, я выдержу!

— Вы не знали? — Почему-то Алиса была уверена, что графиня Беллинетти уже знает об исчезновении профессора.

— Когда мне сказали, что меня вызывали из пустыни Такла-Макан, я сразу позвонила в оазис профессору Лу Фу, но связи не было. Тогда я позвонила в Урумчи, и там в институте мне

сказали, что профессор исчез. Но почему-то никто не отозвался в оазисе.

— Разумеется, — согласилась Алиса. — Весь дом профессора перевернут с ног на голову, все будто растоптано стадом слонов, честное слово! А связаться с оазисом можно только из нашего флаера, а флаер стоит у ворот.

— Я ничего не понимаю. Садись, девочка...

— Алиса.

— Садись, Алиса, и расскажи мне все по порядку.

Алиса уселась в удобное кресло, графиня Серафина налила ей в бокал прохладного апельсинового сока и, не перебивая, выслушала ее рассказ. В заключение Алиса сказала:

— Я только кажусь такой молодой. У меня уже есть жизненный опыт. Сейчас я помогаю агенту ИнтерГалактической полиции, которая ведет следствие. А так как агент Кора занята изучением переписки и бумаг профессора, она попросила меня слетать к вам в Италию. Извините, но я прочла ваши письма к профессору.

— В любом другом случае я бы рассердилась на то, что вы читаете чужие письма, — сказала Серафина. — Это нехорошо.

— А вдруг в них заключается тайна профессора? А вдруг от какого-то письма может зависеть его жизнь?

Серафина кивнула.

— Сейчас я не сержусь, — сказала она. — Я понимаю вас. Что ты хотела бы узнать, девочка?

— Первый и самый главный вопрос у меня такой, — сказала Алиса. — Видели ли вы генератор доброты профессора Лу Фу?

— Вы имеете в виду аппарат, который стоит на крыше дома?

Женщину Алиса сразу назвала для себя Дюймовочкой. Она была такой маленькой и хрупкой, что казалась девочкой.

— Нет, я спросила о маленьком карманном излучателе.

— Я ждала этот излучатель с минуты на минуту, — ответила графиня. — Каждый день. Он мне очень нужен. И профессор обещал мне, что, как только он испытает карманный излучатель, он первым делом пришлет его сюда. И вот такое несчастье... — Графиня вздохнула. Потом сказала: — Если ты хочешь посмотреть на нашу клинику, пойдем, сейчас как раз кончается завтрак и мои пациенты пойдут гулять.

Они вышли из кабинета и попали в довольно большой, окруженный со всех сторон широкими галереями внутренний двор, лучше сказать — цветущий сад. В тени деревьев стояли детские кроватки.

— Это наша летняя спальня, — сказала графиня. — Дети лучше спят и лучше себя чувствуют под некоторыми видами деревьев. Но не под всеми.

— Любое растение выделяет кислород, — сказала Алиса, — и поглощает углекислоту. Поэтому под ним полезно спать.

— И под анчаром? — улыбнулась графиня. Оказывается, она знала стихи Пушкина. — Помнишь: «Но человека человек послал к анчару властным взглядом. И он послушно в путь потек и утром возвратился с ядом...»

— Конечно, помню, — ответила Алиса. — «И умер бедный раб у ног непобедимого владыки». Только это легенда.

— Конечно, легенда, — согласилась Серафина. — Но я тщательно подбираю растения, которые лечат детей. Я помогаю им расти.

— С помощью генератора Лу Фу?

— Нет, — улыбнулась Серафина. — Я сама

служу генератором. По крайней мере до тех пор, пока не получу излучателя от профессора.

— Как это?

Они шли по саду. Большинство детских кроваток стояли пустыми — видно, их владельцы ушли завтракать, но некоторые дети совсем не могли ходить. Они лежали неподвижно, но при виде Серафина улыбались, и их лица даже розовели. Графиня подходила к каждому, брала его пальцы в свои руки, согревала их и замирала, как будто задумавшись. Некоторые дети начинали говорить, другие продолжали дремать, третья молча глядели перед собой. Алиса почувствовала, как ей тоже стало тепло и спокойно.

— Это гипноз? — прошептала она.

— Нет, Алиса, — ответила Серафина. — Это и есть лучи доброты. Оказалось, что я могу их излучать. Но я очень устаю от этих сеансов. Совершенно выматываюсь... К тому же меня хватает лишь на десять — двенадцать пациентов, а у меня их больше сорока.

— Значит, профессор не изобрел лучи доброты?

— Как же он мог изобрести то, что есть в природе, что известно любой матери, любой бабушке, даже многим детям? Но профессор догадался, какова физическая суть волн, он научился выделять их, превращать в лучи, смог сконструировать прибор, который концентрирует их. Он великий ученый и изобретатель.

— Простите, Серафина, — сказала Алиса, — но ведь лучи профессора воздействуют только на растения. А вы говорите о больных детях.

— На растения воздействовать легче, — сказала Серафина. — Они ведь устроены проще, чем люди. Они впитывают лучи и сразу на них отзываются. С людьми эта проблема настолько сложна, что в ближайшие годы ее нельзя будет решить.

— Но почему?

— Потому что все растения устроены одинаково, а люди — по-разному. Потому что если есть лучи добра, то кто-то может отыскать лучи зла. И тогда еще неизвестно, будем ли мы благодарны науке. Даже сейчас, на этом этапе, изобретение профессора привело к беде. Скажи, Алиса, ты почему сюда прилетела?

— Потому что... профессор пропал.

— Или даже его убили. А почему?

— Наверное, из-за генератора лучей.

— Вот видишь. Профессор занимался лишь растениями, но кому-то помешал.

Они шли по саду. Серафина наклонялась к кроваткам малышей, тогда она замолкала и замирала. А Алиса замечала, что после каждой такой остановки графиня становится все бледнее и движется все медленнее. Наконец она подошла к пустому гамаку, натянутому между двух кленов, и опустилась на него.

— Мне надо чуть-чуть отдохнуться, — произнесла она виноватым голосом.

Алиса сказала:

— В вашем письме вы писали профессору, что ждете, когда будет готов карманный излучатель. Скажите, пожалуйста, вы видели, как он выглядит?

— Да, — ответила графиня. — Я это знаю точно. Я могу показать тебе, Алиса, последнее письмо от профессора. Он описывает в нем портативный излучатель. Там же есть голограмма излучателя. Но почему ты спрашиваешь? Неужели излучатель пропал?

— Мы его не видели.

— А разве вы не нашли его в доме Лу Фу?

— Нет, к сожалению, его не нашли! — Алиса хлопнула себя ладошкой по лбу. — Конечно же, именно так!

— Странно, — удивилась Серафина. — Можно подумать, что ты обрадовалась пропаже аппарата.

— Это радость сыщика! — ответила Алиса. — Вашим ответом вы помогли мне разгадать важную тайну!

— Какую же? — спросила Серафина.

В саду стало жарко, графиня забрала назад пышные волосы и перевязала их шнурком.

— Понимаете, преступник искал в доме профессора какую-то небольшую, но ценную вещь. Вся передняя комната перевернута, искали за книжками, под подушками, под диваном — значит, эта вещь была небольшая. В задней комнате тоже полный разгром, но не такой, как в первой. Добравшись до письменного стола, бандит вдруг успокоился. Он не тронул ни книг, ни кассет, даже не стал залезать в ящики стола. Почему?

— Ты думаешь, что он нашел то, что искал?

— А что он мог искать?

— Неужели малый излучатель доброты?

— Вот именно! Ведь он пропал вместе с профессором.

— Но кому он мог понадобиться? — спросила Серафина.

— Вы же сами сказали мне, что такое изобретение не должно попасть в дурные руки. Дурные руки — они потому дурные, что растут из дурной головы. А дурная голова полна грязных мыслей. Мы, конечно, догадаемся, зачем генератор доброты понадобился преступникам. Но первый шаг с вашей помощью я сделала!

— Ты рассуждаешь, как взрослый сыщик.

— А может быть, я и стану сыщиком. Вообще-то я стану биологом, космическим зоологом. Я буду изучать животных на других планетах. Но в отпуске я буду заниматься ловлей преступников.

— Ты готовишь себя к очень бурной жизни, — сказала Серафина.

Она поднялась из гамака, и они прошли внутрь дома, где графиня показала большую столовую, откуда сестры разводили или развозили в креслах детей. Потом они заглянули в устланную громадным мягким ковром комнату для игр и снова поднялись в кабинет графини Беллинетти.

— Теперь, — сказала Алиса голосом настоящего детектива, — нам с вами важно узнать, кому было известно о существовании портативного излучателя.

— Как же мы можем догадаться?

— Будем думать вместе, — сказала Алиса.

Дюймовочка посмотрела на Алису, склонив голову, и вдруг рассмеялась. Она заливалась смехом таким звонким и мелодичным, словно звенели сто серебряных колокольчиков. Няня в белой на колке сунула испуганно нос в кабинет, но графиня отмахнулась от нее: мол, ничего страшного!

— Почему вы смеетесь? — строго спросила Алиса, которая все еще не могла выйти из роли великого сыщика. То-то сейчас посмотрел бы на нее Пашка Гераскин!

— Потому что ты и в самом деле почти превратилась в сыщика. И если закрыть глаза, то тебя можно перепутать с комиссаром Мегрэ или самим Эркюлем Пуаро.

Алиса смутилась. Она представила, какой смешной выглядит со стороны.

— Не красней, девочка, — сказала графиня Беллинетти, оборвав смех. — Мне очень нравится, что ты серьезно относишься к этому делу. И я понимаю, что ничего смешного в исчезновении профессора нет. Прости меня, что я так не вовремя засмеялась.

— Ой, я совсем не обижаюсь! — ответила Алиса. — Я просто не заметила, что выгляжу, как воробей в орлиной шкуре.

— Не расстраивайся, — сказала графиня. — Для начала я хочу тебе показать, как выглядит излучатель. А то ты увидишь его, но не обратишь внимания, потому что не догадаешься, что это такое.

Серафина вытащила из стола пластинку, сжала ее пальцами, и в воздухе возникла голограмма портативного излучателя. Он был похож на ста-ринный электрический фонарь: трубка длиной пятнадцать сантиметров и толщиной с початок кукурузы, с раструбом на конце. На трубке были кнопки, с помощью которых можно было управлять излучением.

— Так просто? — удивилась Алиса.

— Все гениальное просто, — ответила графиня.

— А зачем профессор прислал вам голограмму?

— Мы как-то разговаривали с ним, и он показал мне, как испытывает этот прибор. И на память об испытаниях прислал мне его голограмму.

— А кто, кроме вас, знал, как выглядит прибор?

— Только Мариам, — ответила графиня.

— Вы сказали — Мариам?

— Это моя помощница. Она вне подозрений, — сказала Серафина.

— Простите, пожалуйста, — настаивала Алиса. — Можно я с ней поговорю?

— К сожалению, Мариам две недели назад улетела домой, она готовится поступать в медицинское училище. Ведь медицина — ее призвание.

— А где живут ее родители?

— Алисочка, ты бываешь несносной! — воскликнула Серафина. — Если я тебе говорю, что

Мариам — хорошая девочка, значит, она хорошая. Я чувствую это.

— Дорогая мадам Серафина, — сказала Алиса. — Ну подумайте, что получается: никто не знал, кроме вас и вашей помощницы Мариам, что профессор уже собрал экземпляр портативного излучателя. Вы ждали, когда профессор кончит испытания и пришлет вам этот излучатель...

— Он сделал бы для меня второй прибор, — сказала Серафина.

— Неважно. Я хочу только сказать, что о приборе знали вы и Мариам.

— Но, может, у профессора были еще друзья, может, он рассказал об излучателе каким-нибудь знакомым?

— Нет, — ответила Алиса. — Никто в Урумчи о приборе ничего не знал. Мы разговаривали с ученицами и помощницами профессора из тамошнего института, но они ничего не слышали о портативном приборе.

— Я знаю, что профессор был очень осторожным, — вздохнула графиня. — Он говорил мне, что боится, как бы его приборы не попали в руки плохих людей. Он даже как-то писал мне, что выбрал такое безлюдное место для жизни не потому, что ему надоели люди, а чтобы чувствовать себя в безопасности. Ведь в пустыне ты только издалека видишь путника или флаер. Вот сделаю все, закончу опыты — и передам человечеству, говорил он. Знающие люди найдут способ оградить человечество от опасностей.

— От каких? — спросила Алиса.

— Он не стал мне о них рассказывать...

Они помолчали. Из сада доносились детские голоса. Сорока залетела в комнату и попыталась схватить со стола пластинку с голограммой прибора.

— Еще тебя не хватало, Цицерон! — рассердилась графиня. — Лети на кухню и попроси, чтобы тебя покормили.

Сорока резко крикнула — явно обиделась. И вылетела из кабинета.

— Я расскажу тебе о Мариам, — сказала Серафина. — И ты сама решишь, что делать.

— Спасибо.

— Мариам нашли на шоссе среди холмов севернее города. Она была туристкой. Из тех самостоятельных туристов, которые берут рюкзак, надевают башмаки на толстой подошве, вешают через плечо видеокамеру и топают от горы к горе, от озера к озеру. Дело было вечером, стоял туман, и водитель машины на горной дороге заметил Мариам лишь в последний момент, когда поворачивал за скалу.

Он остановил машину и, к своему ужасу, увидел, что девушка неподвижно лежит на асфальте. Водитель решил было, что он ее убил, но, к счастью, оказалось, что девушка жива, только от удара она потеряла память. Моя клиника была ближайшей от места происшествия, и девушку привезли ко мне. Вскоре она пришла в себя, и доктор поставил диагноз: контузия и шок. Он сказал, что память к девушке возвратится, а так как серьезных повреждений нет, можно полагать, что через несколько дней она встанет на ноги.

И в самом деле через три или четыре дня девушка поднялась с постели. Но она, к сожалению, ничего не помнила. Ни откуда шла, ни кто ее родители, ни где она живет. Правда, через неделю она вспомнила, что ее имя — Мариам.

По-итальянски Мариам говорила с акцентом, но трудно было понять, какой язык ее родной, потому что она, как и положено современной

девушке, знала немало языков и сама не могла сказать, какой из них предпочитает.

На вид ей было лет пятнадцать; скуластая, большие черные глаза, лицо доброе, волосы прямые. Мариам очень хотела вспомнить, кто она такая, и очень расстраивалась, что не может. Но она не любила сидеть без дела, поэтому стала помогать нашим санитаркам, а потом и медсестрам. Она умела обращаться с детьми, и дети тоже ее любили, никакой работы она не чуралась и никогда не уставала. Я стала уговаривать Мариам поступать в медицинское училище и работать дальше в нашей клинике, пока к ней не вернется память.

— А профессор Лу Фу знал о вашей помощнице?

— Разумеется, — ответила Серафина. — Мариам была не только санитаркой, но и моей секретаршей. Она вела все мои дела, потому что я ненавижу писанину, но клиника — это большое хозяйство, и приходится переписываться с различными людьми. В общем Мариам избавила меня от самой неприятной работы, за что я ей очень благодарна.

— Значит, письма профессора она читала?

— Разумеется.

— Скажите, пожалуйста, — вдруг сообразила Алиса, — а вы начали свою переписку с профессором уже при Мариам?

— Ничего подобного! Я переписывалась с профессором уже несколько месяцев.

— А кто-нибудь знал о вашей переписке?

— В этом нет никакой тайны! Я даже давала интервью журналистам о том, как стараюсь использовать доброту для лечения детей. И о том, что сотрудничаю в этом с китайским профессором Лу Фу.

— Значит, кто-то мог подослать к вам Мариам? — строго спросила Алиса.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась графиня Серафина. — Ты бы видела, в каком состоянии была эта несчастная девушка, когда ее нашли без чувств на горной дороге. Алиса, я даже не подозревала, что среди современной молодежи встречаются такие холодные и бездушные существа.

— И что было дальше с вашей Мариам? — спросила Алиса, которая совсем не собиралась сдаваться.

— Она трудилась... она вела себя безукоризненно!

— А потом?

— Не только я полюбила ее. Ее любили пациенты, ее любили мои сотрудники. Софи! Софи, куда ты подевалась?

Дверь в кабинет приоткрылась, и вновь заглянула санитарка. Алиса догадалась, что санитарка подслушивала под дверью и графиня об этом знала, но не удивлялась. Может быть, половина сотрудников клиники подслушивала под дверью.

— Что, синьора? — спросила санитарка.

— Софи, скажи, что ты думаешь о Мариам?

— Она заменила мне племянницу, — с готовностью заявила санитарка.

И Алисе показалось, что из-за двери послышался хор голосов, который подтверждал точку зрения санитарки Софи.

— А что думал о ней профессор Лу Фу? — спросила Алиса.

— Ты жестокий, бездушный следователь! — воскликнула Серафина. — Профессор отлично знал Мариам, любил ее, приглашал к себе. Он говорил мне, что Мариам напоминает ему его внучку, живущую в Шанхае.

— И чем же кончилась эта история?

— Она кончилась две недели назад, — сказала графиня.

— Шестнадцать дней, — поправила ее санитарка, которая осталась в кабинете.

— Да, шестнадцать дней назад, как раз через два дня после того, как я получила от профессора эту вот голограмму излучателя и мы убедились в том, что излучатель действует. Мы ждали, когда профессор закончит испытания и пришлет нам экземпляр генератора доброты. И тут к нам приехал господин Ахмет аль-Барзани. Он оказался отцом девушки.

— Сколько же она прожила у вас? — спросила Алиса.

— Сколько? — обратилась графиня к санитарке.

— Два месяца без двух дней, — донесся голос из-за двери.

— А ее папа ни разу не побеспокоился о судьбе дочери? — спросила Алиса.

— Раз вы не знаете, девочка, то и не клевещите на Мариам, — обиделась санитарка Софи — бровастая, угрюмая, широкая в плечах девушка. — Мариам всегда ходила по земле с рюкзаком, чтобы познать жизнь. Ее родители были к этому приучены. Мы тоже долго не понимали, почему они не откликались. А ее папа и мама жили в горах Ирана, в своем имении. Ее папа — известный писатель, а мама занята воспитанием восьмерых детей.

— Вот видите, — сказала Серафина, — у нас ни от кого нет тайн.

— Значит, — сказала подозрительная Алиса, — два месяца ее папа и мама, ничего не подозревая, жили в горах... А вы давали объявления о том, что найдена девушка?

— Этим занималась полиция, — сказала санитарка.

— А когда родители приехали за ней, она их узнала?

— В этом и было чудо! — воскликнула графиня. — Ты бы видела, Алиса, каким светом озарилось ее лицо!

— О да! — раздался хор из-под двери.

— Она закричала: «Папа, мама!», — вспомнила санитарка и смахнула слезу. — Она побежала к ним вся в слезах. И они тоже рыдали!

Графиня развела изящными руками и сказала:

— Вы слышали? Это не только мое мнение, это мнение всех моих сотрудниц и сотрудников. Общее мнение!

— Она вам и адрес оставила? — спросила Алиса.

— Разумеется, — сказала Серафина. — Ей нечего скрывать. Мариам сейчас готовится поступать в медицинское училище в Багдаде.

— Нет, в Тегеране, — поправила директрису санитарка.

— Она мне сказала, — в дверях показалось краснощекое лицо еще одной санитарки, — она мне сказала, что будет поступать в медицинский колледж в Карачи.

— Вот именно! — воскликнула Серафина.

— И все же, — взмолилась Алиса, — где мне ее искать, чтобы расспросить?

— Сейчас я найду открытку, — сказала Серафина. — Она мне прислала открытку с дороги.

Серафина стала быстро разбрасывать на столе бумажки, кассеты и пленки, пока наконец не нашла то, что хотела. Она протянула открытку Алисе.

— Можете пользоваться открыткой, как пожелаете. Только прошу вас об одном: никогда не подозревайте невинных людей.

— Спасибо, — сказала Алиса и быстро проглядела текст.

«Дорогая синьора Серафина! — было написано на открытке ровными круглыми буквами. — Я пишу Вам с дороги. Под крылом самолета пролетают горы и пустыни. Скоро буду дома и тогда напишу обо всем подробно. Спасибо за заботу. Передавайте мои приветы профессору Лу Фу. Я надеюсь, что смогу его навестить в ближайшем будущем. Пускай ждет. Ваша Мариам».

— А обратный адрес? — спросила Алиса.

— Обратный адрес она пришлет мне, как только начнет учиться, — ответила Серафина.

Алиса поняла, что больше она ничего не добьется. Тем более что с каждым новым вопросом сотрудники клиники все меньше любили ее и все больше любили несчастную Мариам.

— Хоть скажите мне, как выглядят ее родители? — уже без особой надежды на успех спросила она.

— Родители как родители. Отец — высокий могучий человек в шляпе. У него светлые глаза.

— Розовая кожа, — добавила санитарка. — Очень красивый мужчина.

— А мать — полная, молчаливая, она все время вязала и говорила только на их языке.

— На каком? — спросила Алиса.

— Наверное, это был язык урду, — сказала неуверенно Серафина, — или язык пушту. В общем никто у нас его не знает.

Раздался продолжительный звонок.

— Простите, Алиса, — сказала Серафина с некоторым облегчением, — но нам пора начинать обход. Пациенты не могут ждать.

— Большое спасибо, — сказала Алиса. — Большое спасибо за то, что вы потратили на меня

столько времени, и простите, что я была такой назойливой.

Но итальянки улыбались Алисе, никто на нее не сердился.

Серафина проводила ее до флаера.

Алиса поднялась высоко в небо и погнала машину обратно на восток. Она надеялась засветло вернуться в оазис профессора.

Глава четвертая

СЛЕДЫ ВЕДУТ В БАНГКОК

Когда Алиса возвратилась в оазис, он произвел на нее удручающее впечатление. Она и не думала, что жизнь в нем гибнет с такой быстротой. Кора ждала ее. Она просмотрела всю корреспонденцию профессора, но не нашла ничего подозрительного. Поэтому она встретила Алису в мрачном состоянии духа.

— Где ты пропадала столько времени? — спросила она строго. — Никогда не буду больше брать в помощницы таких маленьких девочек. Тебе еще в куклы играть.

— Может быть, — не стала спорить Алиса. — Но, пожалуй, мне удалось кое-чего добиться. У меня есть подозреваемая.

— Ну наконец-то! — воскликнула Кора. — У меня нет подозреваемых, у комиссара Милодара, который только что звонил мне, нет никаких подозреваемых, а у этого милого ребенка их десятка два.

— Мою подозреваемую зовут Мариам. У меня нет ее портрета, но есть описание.

— Сколько же лет похитительнице профессора?

— По описанию — пятнадцать.

— Правильно! — воскликнула Кора. — Детек-

тиву двенадцать лет, убийце — пятнадцать! Преступность катастрофически молодеет. Ты голодна?

— Мне не до еды! — воскликнула Алиса.

— Хорошо, хорошо, только не волнуйся, коллега. Возьми бутерброд и докладывай, что тебе удалось узнать в Италии.

Алиса взяла бутерброд и сначала показала Коре подаренную Серафиной голограмму излучателя, за что Кора была ей искренне благодарна. Она заявила, что один такой трофея оправдывает всю экспедицию в Болонью. Алиса даже покраснела от похвалы.

Потом Алиса рассказала о девочке, которую нашли без сознания на дороге, и о том, как она самоотверженно работала в клинике. Затем, как только стало известно, что профессор Лу Фу уже изготовил опытный образец малого излучателя, неожиданно появились ее родители и девочка исчезла — якобы уехала поступать в медицинское училище.

Кора внимательно выслушала Алисин рассказ и ее подозрения. Потом сказала:

— Допустим, что ты не права.

— Как так?

— Допустим, что девочка Мариам ни в чем не виновата. Что она говорила правду, что ее в самом деле сбила машина в горах и она действительно потеряла память. Конечно, в ее действиях слишком много случайностей, и мне трудно в них поверить. Но давай поверим.

— А дальше что?

— А дальше нам придется искать другого похитителя. Но этот человек обязательно должен быть очень заинтересован в том, чтобы заполучить генератор доброты. Но зачем? Кому нужно выводить растения?

— Это фермеры?

— Чепуха...

— Почему?

— Представь себе, что некий фермер решил повысить урожайность. Вот он выходит с утра пораньше на поле пшеницы и включает излучатель. Но для большого поля ему понадобится пять или десять излучателей.

— Но, может, это не фермер.

— Когда у тебя будет рабочая гипотеза, — сказала Кора, — тогда ее и выкладывай. Не раньше.

— Знаю! — сразу же воскликнула Алиса и взяла со стола второй бутерброд. — Это цветочки.

— Какие такие цветочки?

— Ты представляешь, какие плантации роз или тюльпанов можно развести зимой на острове Шпицберген или даже в Тюмени, причем за несколько дней?

— Идея интересная, — согласилась Кора, протягивая Алисе кружку с горячим чаем. — Но ты понимаешь, что через пять минут после того, как в цветочном магазине на архипелаге Шпицберген появятся зимние розы, об этом будут знать сотни людей? Нет, эта акция должна быть тайной и результаты — тоже тайными...

— Тогда все просто, — сказала Алиса. — Надо искать среди тех сумасшедших, которые выводят новые сорта и соревнуются на всемирных выставках. Допустим, среди торговцев орхидеями...

— Успокойся, мой юный друг, — сказала Кора. — Не думай плохо о коллекционерах и генетиках, им проще позвонить профессору и попросить о помощи, как сделала твоя старушка графиня.

— Серафина — не старушка!

Кора не слушала. Она включила прямую связь со штаб-квартирой ИнтерГпола в Антарктиде. На

их счастье, Милодар был на месте. Кора рассказала комиссару о визите Алисы в Италию. Милодар сначала страшно рассердился: «Еще не хватало использовать маленьких детей! Ты что, не знаешь, насколько наша работа и опасна, и трудна?» Но потом сказал, что сейчас проверит историю Мариам через компьютер всемирной автоинспекции, которая фиксирует историю всех катастроф и происшествий на дорогах Земли. И уже через пять минут комиссар вызвал оазис и сообщил:

— Данные подтвердились. Девушка, страдающая от последствий шока и контузии, потерявшая память, была найдена патрулем дорожной полиции неподалеку от города Болонья семьдесят дней назад. Описание девушки у меня имеется. Послать вам?

— Не надо, — ответила Кора. — Мы все равно ее не видели и вряд ли увидим.

— Тогда слушайте дальше. Девушка попала в детскую клинику графини Беллинетти и находилась там сначала на излечении, а потом помогала санитаркам. Две недели назад родители нашли девушку. К счастью, она их вспомнила и улетела вместе с ними домой.

— Куда? — спросила Кора.

— Вот в этом и заключается загадка, — сказал комиссар Милодар. — Компьютер проверил по моей просьбе адрес, оставленный родителями девушки. Оказалось, что улицы Справедливости в Тегеране нет и среди жителей города нет семьи Ахмета аль-Барзани. Я должен сказать, что эта информация наводит меня на некоторые размышления.

— В самом деле? — удивилась Кора.

— Да, вы должны быть мне благодарны, — сказал комиссар, — за мою своевременную по-

мошь. Если бы не я, вам вряд ли удалось бы заподозрить эту девушку... Как ее зовут?

— Комиссар, стыдно красть конфетку у ребенка, — заметила Кора.

— Ты что имеешь в виду? — спросил Милодар.

— Вы отлично знаете, что Мариам отыскала Алиса, а вы в это время играли в теннис.

— Разве? — Милодар улыбнулся наивно, как младенец. — И где же эта Мариам?

— Я ее обязательно найду, — сказала Алиса. — Я даже подозреваю, где.

— Что? — взвился Милодар. — Забыла, что ты всего-навсего девочка, которой разрешили посмотреть, как работают взрослые? Так что быстренько все рассказывай и лети домой. Тебя мама заждалась.

— Разумеется, — согласилась Алиса. — Я скоро полечу. Кора обещала меня доставить прямо домой.

— Вот именно! — заявил комиссар.

Алиса посмотрела на Кору, и та все поняла.

— Комиссар, — сказала она ласковым голоском, — я очень занята сейчас. И уже темнеет. И мы с Алисочкой так устали. Может быть, вы позволите нам переночевать в Урумчи, а завтра с утра мы полетим в Москву.

— Ну ладно, ладно, — смилиостивился комиссар, не заметив хитрости своего агента. — Устали — отдохните... Только чтобы с утра домой!

— Слушаюсь, — ответила Кора.

Когда Кора отключила связь, Алиса бросилась ей на шею:

— Ой, спасибо! Я тебе так благодарна.

— Тогда рассказывай, что ты задумала! Ты что, полагаешь, я по доброте тебя выгораживаю перед этим эксплуататором несчастных полицейских

агентов? Ничего подобного. Я хочу, чтобы мой доктор Ватсон помогал мне, а не бросался в самостоятельные приключения.

— Я не бросаюсь в приключения. Я просто хочу поговорить со следователем Лян Фуканем.

— Зачем?

— Я хочу узнать, нашли ли туристов Торнсен-сенов.

— С байдаркой?

— Вот именно, с байдаркой! — сказала Алиса.

Кора кивнула. Она не возражала.

— Я предлагаю сначала самим добраться до Урумчи, — сказала она. — Честно говоря, этот мертвый оазис действует на меня очень плохо. Мне просто плакать хочется.

Алиса согласилась с Корой. Они привели в порядок кабинет профессора, закрыли все двери и ворота, и вскоре флаер взвился над пустыней и за несколько минут донес их до сверкающего огнями большого города.

Со следователем Лян Фуканем они еще с дороги договорились о встрече. Зная, что у его коллег был трудный день, следователь предложил поужинать вместе с ним в китайском ресторане «Хай Юань», куда агенты и направились, лишь на несколько минут залетев в гостиницу, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Причем Алиса вымыла лицо и руки, а Кору, наоборот, накрасила себе ресницы и губы. Алисе даже стало грустно от того, что такой хороший и смелый человек ведет себя как самая обыкновенная девица, которая хочет кого-то соблазнить. Но ведь не будет же Кору соблазнять следователя, которому лет пятьдесят! Алиса так прямо и спросила Кору об этом. Кору усмехнулась улыбкой опытной светской львицы и ответила, проведя перед

Алисинаим носом зелеными, модно накрашенными ногтями:

— Я совершенно не намерена кого-то покорять или соблазнять. Но настоящая дама обязана быть красивой и модной. Когда подрастешь, сама догадаешься.

— Да никогда в жизни! — воскликнула Алиса возмущенно. — Лучше я расти не буду, чем красить ногти и губы!

Так и не поняв друг дружку, агенты вошли в ресторан, поделенный на небольшие кабинки. Следователь Лян Фукань встретил их перед одной из кабинок и вежливо пригласил рассаживаться. Он сказал, что сам закажет ужин.

Принесли палочки и положили перед Алисой. «Ну все, пришла гибель моя, — поняла Алиса. — Я же никогда в жизни не ела палочками!» Но как может признаться в этом девочка, которая сражалась с космическими пиратами, бороздила космос, сидела в тюрьме на планете брастаков и чуть не попала в пасть к дракону!.. Лучше остаться голодной!

— Что у вас нового? — спросил следователь после того, как поговорили немного о погоде и самочувствии гостей.

— Алиса была сегодня в Болонье, — сказала Кора. — А я весь день разбирала бумаги профессора. И безрезультатно. Зато у Алисы есть некоторые успехи. Расскажи, Алиса, следователю.

Алиса начала рассказывать о своем полете в Болонью к графине Беллинетти, но тут принесли большую миску с рисом и несколько небольших блюд с различными кушаньями, совершенно непонятно, какими, потому что все было порезано на куски и залито соусами.

Алиса решила, что наступило самое удобное время рассказать о своих открытиях, а заодно

посмотреть, как будут пользоваться палочками Лян Фуань и Кора. Но следователь слушал Алису с вниманием и забыл о еде, а может быть, считал неприличным есть, когда его гости не едят.

Наконец не выдержала Кора.

— Давайте поужинаем сначала, — сказала она. — А то все остынет.

У Алисы замерло сердце: вот-вот она опозорится.

Но Кора неожиданно произнесла:

— Только покажите нам, как есть палочками, а то я, например, совершенно не знаю, как это делается.

Алиса чуть не подпрыгнула от радости, и вместе с Корой они стали учиться брать палочками кусочки мяса и рис так, чтобы не все падало обратно на тарелку. В конце концов они кое-как научились это делать, и тут подошедший официант вежливо сказал:

— Я принес ложки, чтобы наши гости не мучились. Ведь от еды надо получать удовольствие.

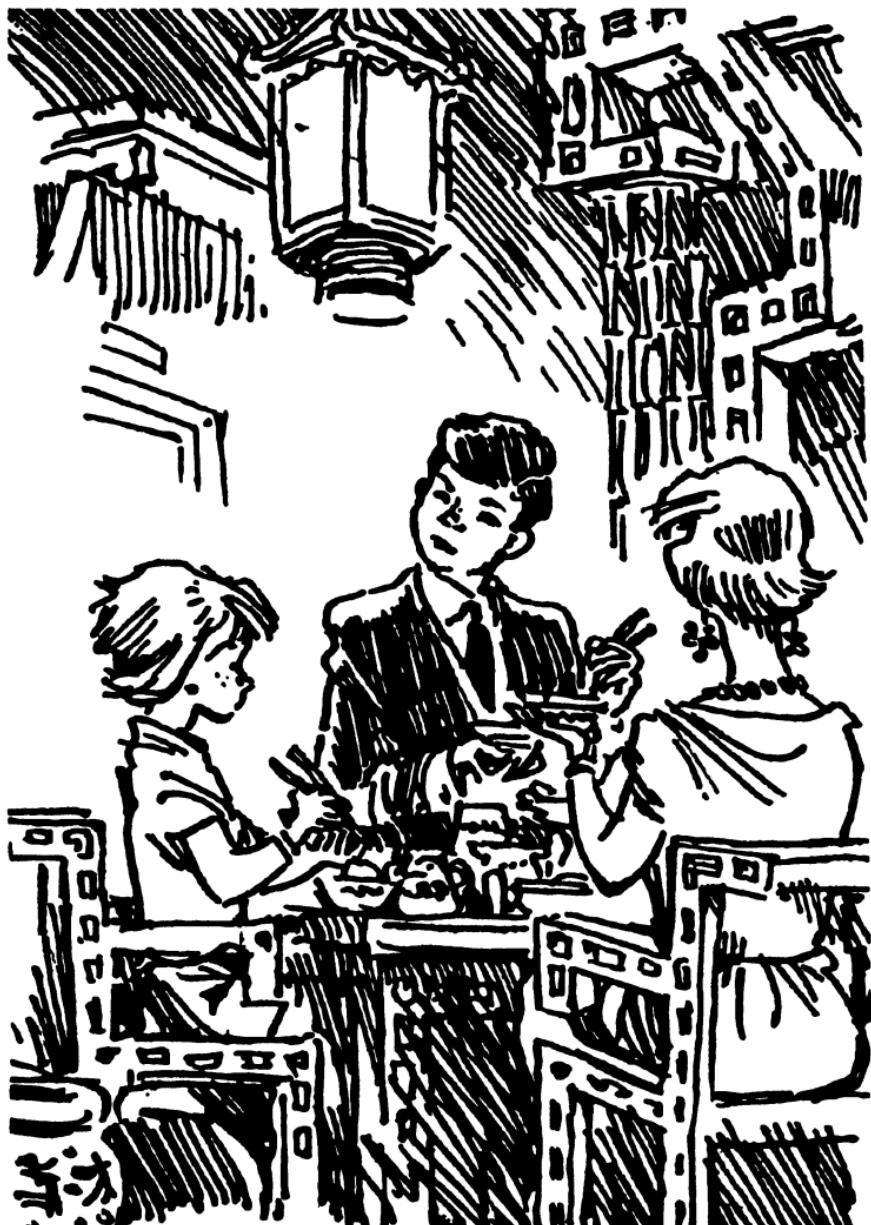
Так что Алиса сдалась и стала есть фарфоровой ложкой с короткой ручкой, а Кора не сдавалась и подхватывала на лету рисовые зерна, падающие с палочек. Следователь же так орудовал палочками, словно у него в руке было пять разных ложек.

— Это очень интересно, — сказал следователь, когда ужин постепенно вошел в свое русло. — Как же вы полагаете искать эту самую Мариам?

— У меня есть одна версия, — сказала Алиса.

Следователь внимательно посмотрел на Алису и сказал:

— Разумеется, я не хочу мешать ходу вашего

— Что у вас нового? — спросил следователь после того, как поговорили немного о погоде и самочувствии гостей.

расследования, коллеги, но осмелюсь тоже вставить одну фразу.

— Какую?

— Когда мы сделали запрос в Ташкент, чтобы узнать, куда полетели дальше туристы Торнсенсены, мне сообщили, что они пересели на один из частных самолетов, стоявших на аэродроме. И их след пропытал.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Вы умеете читать мысли?

Кора засмеялась.

— Просто следователь Лян Фукань, — сказала она, — настоящий профессионал и умеет складывать два и два.

— Разумеется, — согласился Лян Фукань. — Более того, я опросил всех спутников Торнсенснов по туристической группе, и у меня есть записи бесед с ними. После обеда мы пойдем ко мне в кабинет и просмотрим их.

— Лян Фукань, вы гений! — воскликнула Алиса.

— Нет ничего гениального в том, чтобы додуматься до очевидного. Но вот информация, которую Алиса добыла в Италии, нам может помочь.

— Но признайтесь, — спросила Алиса, — вы тоже догадались, что девушка Ма Ми и девушка Мариам по описанию очень похожи?

***

После очень вкусного ужина, в конце которого Алиса настолько расхрабрилась, что постаралась пользоваться палочками, все пошли в кабинет следователя, который располагался в соседнем небоскребе.

— Я не буду вам показывать все мои беседы с туристами, потому что в большинстве своем они ничего не заметили и вообще думали только о своих проблемах, но вот послушайте, что нам

рассказал журналист и фотограф Зденек Ольшевский, который был в той группе, но спал меньше прочих туристов, так как охотился за красивыми кадрами.

На экране возникла голова лохматого молодого человека с длинными рыжими усами. Алиса вспомнила его: он сидел через два ряда от нее в лайнере.

— Я отлично помню эту компанию, — сказал он. — Странные люди. Тащить с собой байдарку, когда зимой рыбы там не найдешь. Но каждый сходит с ума по-своему.

— В ту ночь они спали? — спросил Зденека следователь.

— Нет, не спали. Они отправились на рыбную ловлю.

— Откуда вы знаете?

— Ночью взошла луна. По небу неслись дикие облака. Мне не спалось. Я выглянул из палатки, и мне показалось, что может получиться удивительный кадр: ночная буря на озере! Я взял камеру и вылез наружу. Было холодно, скажу я вам! До сих пор уши дрожат! Не успел я сделать несколько кадров, как заметил, что тростник возле берега раскачивается и оттуда доносятся приглушенные голоса. Я испугался. Решил, что кому-то плохо или даже кто-то утонул... Я положил камеру и кинулся к тростнику. Но там я обнаружил только семейство Торнсенсенов — они как раз спускали на воду байдарку.

— Все втроем? — спросил следователь.

— Кажется, их толстая мамаша осталась дома, но я не уверен. Когда я поздоровался и спросил, что заставило их отправиться в путь в такое время и в такую погоду, господин Торнсенсен буквально зарычал на меня — он упрекал меня за то, что я подглядываю и преследую честных людей. Я

смутился, попросил прощения и хотел уйти, но тут девочка Ма Ми прервала своего отца и объяснила мне, что они решили порыбачить при свете луны, это особое искусство, которому ее папа научился в Гренландии.

— А что делал в это время Торнсенсен?

— Он что-то неразборчиво ворчал и не глядел на меня.

— Вы видели удочки, сети? Какие-нибудь приспособления для рыбной ловли?

— Нет.

— Может быть, было слишком темно?

— Нет, ярко светила луна, я все отлично видел.

— И все же вы не уверены, вдвоем были Торнсенсены или втроем.

— Я не заглядывал в байдарку.

— А байдарка большая?

— Она куда шире, чем обычные байдарки.

— Там могли поместиться три человека?

— Конечно.

— А четыре?

— Может быть, и четыре.

— Спасибо. Продолжайте.

— Больше мне нечего сказать. Они уселись в байдарку, затем Ма Ми попросила меня подтолкнуть лодку и сказала, что к рассвету они вернутся. Я пожелал им не замерзнуть и что-нибудь поймать.

— Они уплыли на веслах?

— Да, господин Торнсенсен греб... Впрочем, я не уверен. Может, мне показалось, но через несколько минут я услышал некий шум... как будто заработал мотор.

— Снаружи этого мотора не было видно?

— Не было. Снаружи это была самая обыкновенная байдарка.

Кора, которая внимательно смотрела беседу следователя с туристом, заметила:

— Это очень важная деталь. Если бы они поплыли на веслах, то им ни за что не добраться бы до оазиса за ночь.

— А когда байдарка возвратилась с ночной ловли, вы не заметили? — спросил на экране следователь у Зденека.

— Я уже спал, — ответил поляк. — Но услышал голоса. Они пробирались сквозь тростник и вытаскивали байдарку.

— Сколько было времени?

— Я не знаю точно, но уже светало.

— Вы не выглянули из палатки?

— Нет, мне хотелось спать.

— И вы не слышали, о чем они говорили?

— Они старались не шуметь.

Следователь включил свет. Экран погас.

— Эта байдарка могла быть переоборудована в флаер — современная техника это допускает, — сказал он.

— Они успели побывать в оазисе и вернуться той же ночью в лагерь туристов на Лоб-Нор, — закончила Коря.

Следователь завершил свой рассказ так:

— Я поговорил со всеми туристами, которых удалось отыскать. К сожалению, все остальные спали и не слышали, что происходило. Но любопытную деталь мне рассказал проводник. Оказывается, утром разболелась жена Торнсенсена — она простудилась. Так что Торнсенсены и были первыми из туристов, которые решили немедленно возвратиться в Урумчи, ссылаясь на жуткий климат и холод. За ними последовали остальные, никому не понравилось на озере. А те, кто хотел остаться, не решились этого сделать, когда основная часть группы улетела.

— Знаете, что я думаю?.. — сказала Алиса.

— Знаем, — откликнулась Кора. — И если ты не веришь, то я могу написать твою версию на листке бумаги, а когда ты ее расскажешь, мы прочтем мою. Если она совпадает с твоей версией, ты мне будешь должна... Ну что? Любое желание, хорошо?

— Не надо писать, — сказал вежливый следователь Лян Фукань. — Я уверен, что Алиса честная девочка и она не будет спорить...

— Так что же я думаю? — спросила Алиса.

— Ты думаешь, что профессора увезли в байдарке. Недаром они не желали ее складывать, а терпели все неудобства, только бы втащить ее в лайнер.

— Да, — призналась Алиса. — Так я и подумала. Хорошо, что мы не поспорили.

— Жалко, что я не выиграла желания, — улыбнулась Кора.

— Ты не обижайся, Алиса, — сказал следователь, — но твоя догадка лежала на поверхности.

— А раз так, — сказала Алиса, — почему же вы не задержали Торнсенсенов на аэродроме?

— Потому что мы опоздали объявить розыск. Мы догадались только после того, как Зденек рассказал о ночной рыбной ловле, а Алиса — о девочке Мариам из болонской клиники. Кстати, я не удивлюсь...

— Вы не удивитесь, если окажется, что Мариам и Ма Ми — одна и та же девушка! — поспешила сказать Алиса, чтобы оставить за собой последнее слово, и ее взрослые коллеги согласно закивали, хотя потом следователь Лян Фукань сказал:

— Возможно, это и не так. Каждому из нас хочется принимать желаемое за действительное.

Алиса согласилась со следователем, хотя ей

было приятно сознавать, что на нее уже никто не кричит и ее не посыпают в детский сад пить кефир и ложиться в кроватку, чтобы не путалась у взрослых под ногами.

— Если у нас есть рабочая гипотеза, — в тишине кабинета произнесла Кора, — то теперь надо подумать, где бы отыскать эту семейку. Ведь найти ее легче, чем излучатель.

— И что вы намерены делать, коллега? — спросил Лян Фуань.

— С утра я улетаю в Ташкент. Я собираюсь проследить, на какой самолет или флаер перегрузили свою байдарку Торнсенсены. Ташкент — оживленное место, там масса народу, кто-то должен был их заметить...

— Хорошо, — согласился следователь. — Мы же завтра продолжим поиски в пустыне вокруг оазиса. Нельзя исключать вероятность того, что эти люди убили профессора. Тогда они могли спрятать его тело в песках. Завтра из Пекина привезут мощный биоискатель.

— А я? — спросила Алиса. — Что я буду делать?

— Может, тебе лучше вернуться домой? — сказала Кора. — Ты уже достаточно напутешествовала. Спасибо тебе за помощь.

— Ничего подобного, — ответила Алиса. — Я недавно разговаривала с Москвой. Мама не возражает, если я еще немного поброшу по пустыне. В молодости моя мама здесь путешествовала и полюбила эти края. Она даже открыла здесь лошадь Пржевальского.

— Что? — сказал следователь. — Какую лошадь?

— Не может быть! — воскликнула Кора.

Алисиной шутки они оба не поняли. Наверное, ни Кора, ни Лян Фуань не знали о

знаменитом путешественнике XIX века, который открыл в этих местах дикую лошадь, названную его именем. Лян Фукань не знал о лошади Пржевальского, потому что по-китайски она называется иначе, а Кора, как всегда, проболела урок, на котором об этом путешественнике и о его лошади рассказывали.

Вскоре все члены следственной группы разошлись по своим квартирам. То есть Лян Фукань пошел к себе домой, Кора — в гостиницу, а Алиса отправилась ночевать к толстушке Ичунь, которая ждала ее, чтобы выслушать новости о поисках профессора.

Алиса была уверена, что никто не заставит ее улететь домой к маме в самый разгар расследования. В крайнем случае она продолжит поиски сама.

***

Алисе не удалось выспаться, потому что она просидела с Ичунь и Фатимой до трех часов ночи, обсуждая последние события и пытаясь найти путь к раскрытию тайны. Но, к сожалению, они ничего не придумали, кроме того, что надо отыскать Ма Ми.

Рано утром Алиса уже была на ногах и поспешила в гостиницу к Коре, чтобы застать ее и вместе слетать в Ташкент. Но Алиса опоздала. Когда она вбежала в холл гостиницы и спросила у портье, у себя ли госпожа Орват из номера 213, тот ответил, что госпожа Орват полчаса назад улетела куда-то на скоростном флаере и не сказала, когда вернется. А несколько минут назад звонил следователь Лян Фукань и просил передать Алисе Селезневой из Москвы, что, если она придет, пускай тут же свяжется с ним, а то он улетит в пустыню и не успеет передать ей билет на лайнер, летящий прямым рейсом в Москву.

Алиса поблагодарила портье, но решила, что звонить следователю не будет. Она уже выходила из гостиницы, когда услышала звонок международного видео. Подумав, что звонок может относиться к ней, Алиса остановилась. Порттье включил экран. На экране появилось знакомое лицо комиссара Милодара.

— Немедленно соедините меня с Корой Орват из номера двести тринадцать!

— Простите, — ответил портье, — но Кора Орват из двести тринадцатого недавно улетела.

Алиса дернула его за рукав. Тот поглядел вниз и, догадавшись, закончил фразу следующим образом:

— Но рядом со мной стоит девочка, которая вчера весь день провела с госпожой Корой Орват.

С экрана Милодар взглянул на Алису.

— Как хорошо, что я тебя застал! — сказал он. — Ты знаешь, где Кора?

— Да, она в Ташкенте, ищет следы Торнсен-сенов.

— Правильно, — сказал комиссар. — Я кое-что для нее выяснил. Когда ты ее увидишь, передай ей...

— Говорите, комиссар, — сказала Алиса.

— Мы обратились в Сингапур с просьбой сообщить, живет ли в городе торговец детскими игрушками по фамилии Торнсенсен. Честно говоря, мы не ждали положительного ответа. Но, оказывается, в Сингапуре есть магазин детских игрушек Кнута Торнсенсена, который называется «Бэмби». Мы запросили тогда фотографию норвежца и сведения о том, когда его видели в последний раз. И вчера ночью я получил фотографию Торнсенсена. На фотографии был изображен совершенно другой человек! Туристы и проводник группы не узнали в нем нашего

рыболова Торнсенсена. Тогда мы проследили по билетам, откуда прилетел в Урумчи этот самый Кнут Торнсенсен со своим подозрительным семейством. Нам ответили: из Сингапура. Значит, они все продумали! Но вряд ли подозреваемый нами Торнсенсен живет где-нибудь в Исландии. Ведь недаром он назвался сингапурцем, недаром он подробно рассказывал о магазине детских игрушек, которым он якобы владеет. Да и Ма Ми похожа на китаянку. И я попросил моих коллег в Сингапуре: попробуйте найти какие-нибудь следы высокого краснолицего человека с желтыми волосами, плохими зубами и светло-голубыми глазами. И ты можешь себе представить...

Тут Милодар сделал паузу, а Алиса сказала, опередив его:

— Они нашли следы такого человека в Сингапуре.

— Вот именно! Это Нильс Ларсен, бывший телохранитель раджи Перака, который убежал от раджи, связавшись с торговцами наркотиками и ограбив дворец султана.

— Простите, комиссар, — спросила Алиса, — а Перак — это близко от Сингапура?

— Ах, как вас плохо учат! — ужаснулся Милодар. — Мне придется всерьез поговорить с твоим учителем по географии. Перак — это султанат в Малайзии. Там еще сохранились султаны, чтобы было кому жить во дворце.

— А где этот Торнсенсен сейчас? — спросила Алиса.

— Он нам забыл доложить! — ответил Милодар. — Но ему все равно от нас не скрыться. Как только увидишь Кору, расскажи ей все это. А я пока продолжу поиски Торнсенсена.

Алиса смотрела на погасший экран. Какая-то

С экрана Милодар взглянул на Алису.

мысль тревожила ее. Мысль о том, кому может пригодиться излучатель доброты. Для каких целей?

Алиса вышла на улицу и уселась на лавочку в садике у гостиницы. Ветер налетал с гор, срывал брызги с фонтана, и ледяные иголки кололи щеки Алисы. Алиса набрала на браслете код Коры, но та не отозвалась, видно, не подключила свой браслет к космической связи. Алиса подумала, что, если бы Кора была сейчас рядом, она бы ей сказала: «Мы с тобой размышляли, кому и зачем настолько может понадобиться излучатель, чтобы ради него пойти на преступление, если не садоводам или фермерам. Допустим, что Торнсенсен увез излучатель в Юго-Восточную Азию. Если не в сам Сингапур, то куда-то поблизости. А поблизости расположен так называемый Золотой Треугольник... Конечно же, Золотой Треугольник!»

Алиса даже вскочила со скамейки. Как жаль, что Коры нет рядом!

Но можно позвонить следователю.

Алиса хотела было набрать его номер, но сдержалась. Ведь сегодня воскресенье, следователь отдыхает в кругу семьи. Будет ли он доволен, если московская девочка начнет задавать ему глупые вопросы в выходной день?

Поэтому Алиса отправилась прогуляться по дорожке сада, окружавшего гостиницу. Она шагала, заложив руки за спину и чуть шевеля губами. Взор ее был обращен к земле — она была похожа на великого ученого Ньютона, который ждал, когда же наконец упадет с дерева это проклятое яблоко, чтобы можно было открыть закон всемирного тяготения!

Кто самые злобные и бессовестные преступники в Галактике? Торговцы наркотиками! Уже больше ста лет полиция всего мира борется с этой напастью, но пока есть наркоманы, нам никуда

Алиса вышла на улицу и усилась на лавочку в садике
у гостиницы.

не скрыться от торговцев наркотиками. И стоит нам уничтожить плантации опиумного мака или кокаина, как цены на наркотики поднимаются, но число наркоманов не уменьшается. Как только медики научатся бороться с каким-нибудь наркотиком и вылечивать от него людей, как торговцы изобретают другие вещества, с которыми справиться пока невозможно...

«Знаю, что надо делать!» — мысленно произнесла Алиса и побежала в городскую библиотеку, где попросила в читальне подборку сообщений, касающихся наркотиков. Она знала, что надо искать: существует ли какой-нибудь новый наркотик, с которым еще не научились бороться, но у которого есть особенности — он медленно растет или редко встречается.

За окном библиотеки стемнело, облака спустились к самой земле, редкие туристы попрятались в теплых отелях или на дискотеках, за горами бушевала весенняя пурга...

В наушниках звучали тексты вырезок из газет: «Особую опасность сегодня представляет корионг, — говорил голос диктора. — Всего три года назад его привезли на Землю с планеты того же названия, и он превратился в угрозу номер один...

Один грамм вещества, которое получают, выпаривая корни корионга, заменяет по своему эффекту чуть ли не килограмм героина.

Достаточно человеку один раз проглотить таблетку корионга, как он, испытав сказочные полеты и головокружительные приключения, мечтает о том, как бы их повторить. Корионг опасен еще и тем, что его не улавливает химический контроль и не чуют собаки. Все планеты Галактики принимают отчаянные меры для того, чтобы не допустить ввоза и разведения корионга, но торговцы

наркотиками ввозят его семена, которые вообще невозможно уловить приборами. Единственным относительным утешением в борьбе с этой чумой двадцать первого века остается капризность этого растения. Оно требует особых условий для выращивания и растет очень медленно. Корионг прибавляет за год не более сантиметра, и никакие стимуляторы или удобрения не могут ускорить этот процесс...»

— Вот! — воскликнула Алиса.

Библиотекарша удивленно посмотрела на нее, за соседним столиком кто-то возмущенно фыркнул.

Но Алиса уже поняла, что, конечно же, виноват во всем корионг. Ведь если заставить его расти в несколько раз быстрее, на что, наверное, и надеются торговцы наркотиками, то они получат колоссальную прибыль.

Допустим, что открыта причина преступления. Но где тогда искать профессора и его аппарат? Вернее всего, преступники используют какую-то из старых баз в Золотом Треугольнике. Уже сто лет в этих местах, где смыкаются границы нескольких государств и над непроходимыми джунглями поднимаются скалистые горы, различные службы по борьбе с наркотиками и даже армии соседних стран стараются поймать преступников. Но они скрываются в горных деревушках, строят укрепления в джунглях, прячутся в пещерах... Днем преступники выглядят обычновенными жителями деревень — крестьянами, охотниками, ремесленниками, но стоит полицейским отвернуться, как начинают работать подпольные лаборатории и в тени могучих лесных исполинов расцветают небольшие плантации, которые не разглядишь с вертолета или флаера.

«Где же и как разводят корионг? — подумала Алиса. — Каких условий он требует?»

Она снова включила справочный компьютер, и тот рассказал ей, что корионг очень капризен. Он требует постоянной температуры в двадцать шесть градусов, определенной влажности воздуха, яркого света по крайней мере двадцать часов в сутки...

— Так, — прошептала Алиса, чтобы кого-нибудь снова не напугать, — куда же мы посадим это сокровище? Ведь это должно быть место укромное и безопасное. Причем располагаться оно должно где-то в Золотом Треугольнике...

Алиса продолжалаглядывать справочные материалы по наркотикам в Золотом Треугольнике, и терпение ее в конце концов было вознаграждено. Статья в гонконгской газете сообщала следующее:

«ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ ГЕНЕРАЛА МАУН ДЖО

Очередная облава на самозваного генерала Маун Джо, короля торговцев наркотиками в Золотом Треугольнике, закончилась провалом. После короткой перестрелки с таиландскими горными стрелками бандиты генерала отступили в труднопроходимые джунгли и вскоре были со всех сторон обложены правительстенными войсками. Когда же по особому сигналу отряды начали сближаться, чтобы взять бандитов в кольцо, обнаружилось, что те куда-то исчезли. Горные стрелки прочесали весь хребет Кангем и окрестные долины, на помощь им пришла даже космическая разведка, но безрезультатно. Когда же в тылу таиландцев неожиданно началась яростная стрельба, правительстенным отрядам пришлось убедиться в том, что их атакует самый отчаянный

из помощников генерала — норвежец Нильс Ларсен по прозвищу Белый Слон. По рассказам местных горцев, в тех местах на десятки километров протянулись обширные пещеры. Входы в эти пещеры обергаются волшебными заговорами и клятвами, которые дают местные жители, зная, что того, кто покажет путь к пещерам, ждет неминуемая гибель. Считается, что в подземельях расположены лаборатории генерала Маун Джо, его склады и даже жилье для его сподвижников...»

У Алисы возникло желание тут же вызвать комиссара Милодара и рассказать ему о своем открытии, ведь Милодар понадеялся на центральный компьютер, а вот в обыкновенную библиотеку никого не послал... Алиса возвратила папки библиотекарше.

— Что-нибудь удалось узнать, девочка? — спросила библиотекарша.

— Спасибо, я нашла то, что искала.

— Собираешься в туристический поход в Таиланд? — спросила библиотекарша.

— Да, своего рода туристический поход, — согласилась Алиса.

— Только ни в коем случае нельзя ехать в джунгли без взрослых! — предупредила ее библиотекарша. — Там встречаются опасные животные и насекомые.

— Я обязательно поеду туда с папой и мамой, — смиренно сказала Алиса. — Я боюсь опасных насекомых.

Она вышла на улицу. И тут окончательно поняла, что ни за что не скажет комиссару Милодару о том, что Нильс Ларсен служит генералу Маун Джо в Золотом Треугольнике. Потому что в худшем случае комиссар Милодар не поверит в то, что она смогла узнать больше,

чем центральный компьютер, а в лучшем — скажет, что сам догадался обо всем еще вчера. И пошлет в горы две дивизии космической безопасности, которые никого не найдут и все испортят.

Связи с Корой все не было.

Тогда Алиса оставила у портъе записку:

«Кора, я полетела в Золотой Треугольник. Кнут Торнсенсен оказался помощником генерала Маун Джо по имени Нильс Ларсен. Корионг разводят в горных пещерах. Все остальное тебе расскажет комиссар Милодар. Постараюсь вернуть профессора к обеду.

Твоя Алиса»

Разумеется, эта записка была непозволительным легкомыслием. Если тыучаствуешь в расследовании преступления, то главное — согласовывать свои действия с коллегами и не стараться их обогнать. Даже если тебе кажется, что ты можешь сама разгадать мировую тайну и доказать самоуверенным комиссарам, что и среди подрастающего поколения есть настоящие сыщики, кидаться одной в логово преступников не следует.

Правда, Алиса придумала себе оправдание. Кора пропала где-то в Ташкенте, Лян Фукань ищет следы в пустыне, значит, кроме Алисы, некому заняться генералом Маун Джо. Поэтому Алиса взяла на площадке свободный флаер и сообщила диспетчерской, что берет курс на Бангкок, столицу Таиланда.

День уже подходил к середине — оказывается, много времени ушло на поход в библиотеку. Алиса почувствовала, что проголодалась, но надо будет потерпеть. Тем более что она торопилась разгадать тайну и спасти профессора до того, как в дело вмешаются Кора и Милодар. Тогда Алису могут попросту отправить домой.

Глава пятая

БАНДИТЫ ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Полет до Бангкока оказался нелегким. Над Гималаями пришлось подняться километров на десять, чтобы не столкнуться с горой, а так как Алиса взяла обычновенный одноместный быстрый флаер, то на такой высоте было холодно и не хватало кислорода.

Когда снежные вершины Гималаев остались позади, флаер полетел над поросшими лесом горами Бирмы. И тут он попал в могучий, полный молний, грома и воды фронт муссонных облаков. Алиса поняла, что следует поставить машину на автопилот — он лучше сможет рассчитать, какой путь и какая скорость безопаснее, тем более что автопилот находится на постоянной связи с компьютером Центральной диспетчерской.

Алиса понимала, что ей ничего не грозит, флаер был рассчитан на куда более сильные передряги, но его бросало, как щепку в бурном море. Было темно. В темно-фиолетовых тучах проскачивали зигзаги молний, и, встречаясь, тучи громко трещали, будто сталкивались поезда.

Когда флаер опустился в Бангкоке, гроза еще продолжалась, и Алиса, пока добежала от флаера до здания аэропорта, успела промокнуть.

Первым делом она нашла справочное бюро и спросила:

— Простите, пожалуйста, мне нужно срочно в Золотой Треугольник. Вы не скажете, как мне туда попасть?

Справочное бюро — золотой шар, свисавший с потолка, — ответило высоким равнодушным голосом:

— С так называемым Золотым Треугольником

регулярного пассажирского сообщения нет, так как он не является географическим понятием, а придуман журналистами. Если вы назовете мне нужный вам населенный пункт, я охотно отвечу на ваш вопрос.

Алиса, разумеется, не знала ни одного населенного пункта в том районе. Виновата была она сама — не догадалась поинтересоваться, когда изучала папку документов в библиотеке.

Расстроившись, Алиса стала искать глазами какого-нибудь осведомленного человека. Увидев полного мужчину в парадной военной форме, она подбежала к нему и спросила:

— Вы не скажете мне, до какого города мне нужно лететь, если я хочу попасть в Золотой Треугольник?

— Честь имею! — воскликнул по-тайски нарядный военный. — К вашим услугам генерал Прем Рукпачон, руководитель отдельного полка по борьбе с торговлей наркотиками. Почему вы интересуетесь этим опасным районом?

К счастью, Алиса знала и тайский язык, поэтому все поняла. Генерал явно не собирался шутить. И это ее встревожило. Вот-вот он посадит ее в тюрьму, а потом придется доказывать, что ты не принадлежишь к наркомафии.

— Я туристка, — сообщила Алиса. — Нам в школе велели написать статью об орхидеях, которые водятся в горах Таиланда. И мне сказали, что самые красивые и редкие орхидеи растут в Золотом Треугольнике.

— О, какое заблуждение! — воскликнул генерал Прем Рукпачон. — Вы все перепутали, девочка. Там водятся не орхидеи, а бандиты. Поэтому я советую вам сначала пойти в музей и узнать, где водятся орхидеи. Но ни в коем случае не

летайте в Золотой Треугольник! Там не место девочкам, если они не наркоманки!

— Большое спасибо! — с облегчением воскликнула Алиса. — Я тут же иду в музей!

Она побежала прочь от генерала, а он кричал ей вслед:

— Музей совсем в другой стороне! Вы должны спросить, где проспект Короля Пумипона.

Бежать Алисе пришлось недалеко. Вскоре она увидела станцию международных флаеров и автобусов. Она подбежала к билетной кассе и спросила:

— Сколько стоит билет до Золотого Треугольника?

Автомат в кассе ответил:

— Вопрос некорректный. До Золотого Треугольника билетов не продают.

— Скажите, а какой город считается центром Золотого Треугольника?

— Обратитесь в ИнтерГпол, — сказал автомат. — Но предупреждаю, что, если вы надеетесь приобрести дешевые наркотики, вы глубоко заблуждаетесь. Все наркотики будут у вас конфискованы на границе, а вас саму отправят на принудительное лечение.

— Нет, я не собираюсь покупать наркотики, — ответила Алиса и пошла прочь.

Касса-автомат произнесла ей вслед скрипучим голосом:

— Учтите, что вы уже сфотографированы, обмерены и сведения о вас запущены в Центральный криминальный компьютер.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Алиса. Она испуганно оглянулась.

Но в шуме вокзала, в сверкании солнца, прорвавшегося на несколько минут сквозь тяжелые тучи и успевшего согреть мостовую и воздух

так, что все вокруг заволокло паром, никто не слышал и не видел Алисы.

Что делать дальше? Идти в местную библиотеку или музей и изучать географию? Ведь сейчас сведения о том, что Алиса в Бангкоке, попадут на стол к комиссару Милодару и он сильно удивится. В любую минуту Алису могут задержать и отправить к маме.

Но как узнать?.. Как узнать?..

Лихорадочно размышляя, Алиса дошла до стоянки такси. Молодой таксист, сидевший в старомодном, ярко раскрашенном флаере и жующий банан, подмигнул Алисе и спросил:

— Какие проблемы, госпожа туристка?
— Вы не сможете мне помочь.
— Тогда возьми банан. Легче будет, — сказал таксист.

Алиса взяла банан, очистила и начала жевать.

— Может, поедем куда-нибудь? — спросил таксист. — Хочешь на рынок? Там купишь себе юбку, а если хочешь — такого краба, какого в жизни не видела. У меня такси специально сделано, чтобы мелкие грузы возить.

— Нет, — сказала Алиса. — Мне на рынок не нужно.

— А куда нужно?
— Не знаю.
— Тогда спроси.
— Да никто не знает!

— Если никто не знает, спроси у меня, — заметил таксист. — Если не веришь, проверь — никто не знает окрестности лучше меня. Хочешь в музей — отвезу в музей, хочешь в королевский дворец — отвезу в королевский дворец. Ты только скажи, и Танин к твоим услугам!

— Хорошо, — согласилась Алиса. Почему не попробовать?

Алиса усилась во флаер. В нем было только одно сиденье рядом с водителем, а сзади грузовой отсек, в котором после предыдущего пассажира остались банановые листья.

— Куда прикажешь, принцесса? — спросил Танин.

Глаза у него были хитрые, нос курносый, темные, тую обтянутые кожей скулы блестели, как смазанные жиром.

— Мне нужно в Золотой Треугольник, — сказала Алиса.

— Отлично.

Но флаер не двинулся с места.

— Почему ты не летишь, Танин? — спросила Алиса.

— Жду уточнения, — сказал таксист. — Ведь Золотой Треугольник больше иной страны. Назови в нем место — полетим.

— Я не знаю, в какое мне нужно место.

— Значит, ты должна знать имя человека, — уверенно сказал таксист. — Ведь ты летишь к кому-то в гости.

— Как сказать... Меня не ждут. И даже не хотели бы, чтобы я прилетела.

— Это бывает. Места там темные, народ подозрительный... Так кого же мы намерены удивить?

— Я хотела бы повидаться с генералом Маун Джо.

— Ого! — удивился таксист. — Хорошо, что ты встретила меня, у которого язык всегда на замке. Другой бы никуда не полетел, а тут же сдал бы тебя полиции. Ты хоть знаешь, что генерал Маун Джо — торговец наркотиками, которого до сих пор не могут поймать и обезвредить полицейские трех соседних стран — Таиланда, Лаоса и Бирмы?

— Да, я знаю это.

— Но ты не его друг?

— Клянусь, что я не его друг.

— Потому что, если ты друг этого негодяя, я тебя туда не повезу.

— Танин, я пытаюсь раскрыть преступление, которое совершили помощники генерала Маун Джо.

— Какие помощники? — спросил таксист.

— В первую очередь мне нужно отыскать Нильса Ларсена.

— О, это опасный человек!

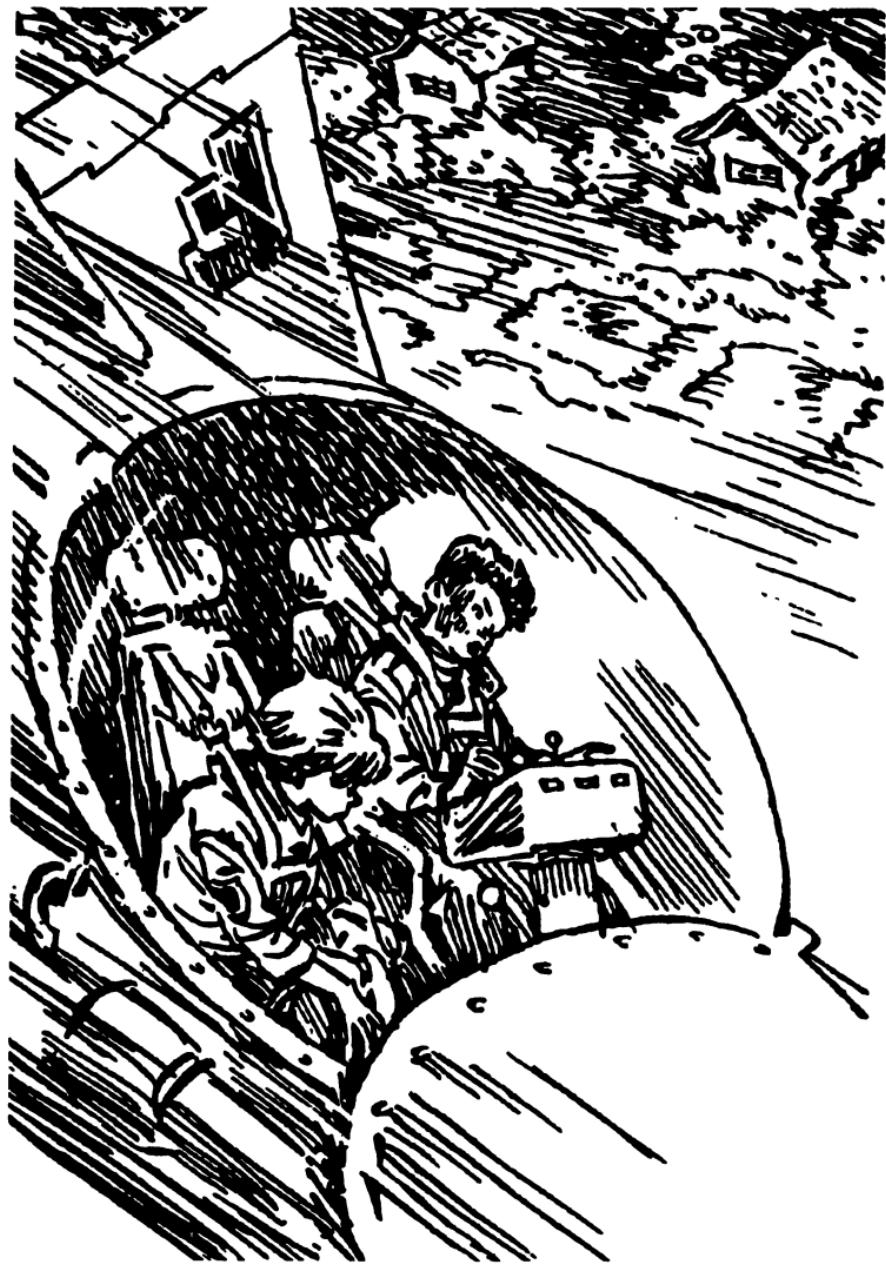
— Тогда быстрей вези меня к нему!

— Девочка, ты сошла с ума. Давай лучше сообщим в полицию.

— Я обязательно сообщу в полицию, — сказала Алиса. — Как только узнаю, где они прячут одного человека. Сейчас все решают минуты. Жизнь профессора Лу Фу в опасности!

— Если ты уверена, то полетели, — сказал Танин, перегнулся через голову Алисы, захлопнул дверцу своей колымаги и накинул резинку на ручку дверцы, чтобы дверца не раскрылась в полете. Это была не очень надежная, зато простая система.

Флаер тяжело набрал высоту и полетел низко, под облаками. Внизу тянулась зеленая равнина, разделенная на квадраты рисовых полей, некоторые квадраты были затоплены. По дороге брели буйволы, и машины объезжали их по обочине, над деревенскими домиками поднимались острые шпили белых пагод. Полет занял чуть больше получаса. Алиса расспрашивала Танина о Золотом Треугольнике, о наркотиках и о том, почему до сих пор никак не могут полностью покончить с наркобаронами. Танин охотно отвечал, он много знал, но Алисе не всегда было понятно, когда он говорит правду, а когда выдумывает, чтобы по-

*Флаер тяжело набрал высоту и полетел низко,
под облаками.*

хвастаться. Похоже, Танин был большим хвастуном.

Вскоре внизу на склонах холмов появились деревья, и чем выше становились холмы, тем гуще была на них растительность. Грязь за грязью холмы поднимались все выше и скоро превратились в зеленые горы, между которыми в лесистых ущельях текли бурные потоки. Было пасмурно, то и дело начинался дождик, но потом прерывался, как бы собираясь с силами.

Деревни встречались все реже, все меньше было внизу дорог.

— Туристам здесь делать нечего, — сказал Танин, — дикие джунгли, насекомые, сырость и сквозняки, полезных ископаемых здесь нет, сельским хозяйством заниматься негде. Раньше эти места были дикими, а теперь считаются заповедными.

Горы поднимались все выше, лесные великаны возвышались над лесом, густо опутанные толстыми лианами. По ветвям одного из великанов носились стайкой обезьяны и грозили кулаками потревожившему их флаеру. В долине горной реки показалась прогалина, к которой и направил свою машину таксист.

— Прилетели, — сообщил он Алисе.

— Но здесь нет ни одного дома, — удивилась Алиса.

— А ты бы хотела, чтобы генерал Маун Джо построил дом и написал на его крыше свое имя? За ним же гоняется полиция трех государств. Его спасает только то, что он сказочно богат и дьявольски хитер.

— А как же вы, Танин, его нашли?

— Таксисты помнят все адреса. Как же работать, если не знаешь, куда везти пассажира? Как иначе зарабатывать свои честные деньги? — И

Танин засмеялся, показав ослепительно белые зубы.

Флаер, снизив скорость, опускался к прогалине. Неожиданно Танин заговорил совсем другим тоном, будто вдвоем повзрослев:

— Если ты будешь разговаривать с Нильсом Ларсеном, то учти, что Нильс — злой, расчетливый убийца. Если генерал ему прикажет, он убьет и свою маму. Но еще опаснее его помощник Исмаил аль-Акбар, в прошлом террорист, а ныне повар генерала Маун Джо. Он очень любит переодеваться в женщину, и генерал посыпает своих сообщников на особо деликатные и сложные задания вдвоем, причем Исмаил выступает в роли жены Нильса Ларсена. Он удивительный чревоугодник и обжора!

— Он выступает как жена! Конечно же, они были вместе! А кто тогда девушка Ма Ми?

Танин не успел ответить на этот вопрос.

Такси опустилось на высокую траву у берега шумной реки.

— Мы уже засечены, — сказал Танин, — поэтому разговоры на волнующую тебя тему отменяются. Они ведут нас давно, а сейчас будет торжественная встреча.

— Что ж, спасибо, — сказала Алиса. — Сколько я вам должна?

— Если вернешься живой, то и рассчитаемся. А с мертвых я за проезд не беру.

Скорее всего таксист шутил, но лицо его оставалось серьезным.

— Я постараюсь с вами расплатиться, — сказала Алиса, сняла резинку с дверной ручки и, открыв дверцу, выскочила на траву.

— Я прилечу за вами через два часа! — крикнул в открытую дверь таксист, хотя Алиса его об этом не просила. Она поняла, что эта информа-

ция предназначалась для местных жителей, чтобы они знали, что об Алисе помнят.

Потрепанный желтый, с шахматными кубиками флаер начал подниматься над вершинами деревьев...

Алиса сделала шаг к речке.

В лесу стояла мертвая тишина, словно птицы и даже насекомые были недовольны ее вторжением. Лишь мерно шумела по камням речка.

Сзади раздался голос:

— Ах, какие у нас неожиданные гости! Неужели это ты, Алисочка?

Алиса в изумлении обернулась.

За ее спиной стояла ясноглазая Ма Ми. Та милая девушка, с которой они летели в лайнере от Москвы и которая только вчера улетела с Лоб-Нора, помогая «папе» нести удочки.

Алиса не знала, кто такая на самом деле Ма Ми, но у нее были основания подозревать, что именно эта девушка под видом пострадавшей туристки пробралась в клинику графини Беллинетти и разузнала все что нужно об излучателе доброты.

— Ма Ми! — сказала Алиса. — Вот уж не ожидала тебя увидеть! Ты здесь живешь?

— Конечно, это наш дом. Но что привело тебя к нам в гости?

— Здесь так красиво! — ответила Алиса. Она все еще не могла придумать, что сказать Ма Ми, попытаться ли сделать ее союзницей или видеть в ней врага. Поэтому Алиса тянула время. — Здесь замечательно. Я давно собиралась побывать в этих горах.

— Всего-навсего? — подняла брови Ма Ми.

Она была в камуфляжном комбинезоне, каскетке, а к широкому поясу был прикреплен

— *Ма Ми!* — сказала Алиса. — Вот уж не ожидала тебя увидеть! Ты здесь живешь?

бластер, точно такой, какие бывают в приключенческих фильмах.

— И тут я вижу тебя! — закончила Алиса.

— А я должна тебе поверить? — рассмеялась Ма Ми. — Ты будешь мне здесь врать, как будто мы с тобой малолетки, а я буду тебе верить? За кого ты меня принимаешь, нахальный ребенок?

— Пока я не знаю, кто ты на самом деле.

— Здесь принимают только желанных гостей, — сказала тогда Ма Ми, и в голосе ее прозвучала угроза.

Алиса не испугалась. Она продолжала:

— А я хочу услышать от тебя правду. Два дня назад мы летим с тобой в Урумчи, день назад ты провожаешь меня в Ташкент, а сегодня оказываешься в горах на границе Бирмы и Таиланда. Разве в это можно поверить?

— Я тебе в подруги не навязывалась, — сказала Ма Ми. — Но готова тебя выслушать. Что тебя сюда привело?

— Я ищу профессора Лу Фу. Я подозреваю, что норвежец, который изображал твоего папу, на самом деле не Торнсенсен, а Нильс Ларсен, а ты не его дочка.

— А кто же я? — улыбнулась Ма Ми.

— Вот этот вопрос я и хотела тебе задать.

— Я думаю, — сказала Ма Ми, — что ты еще мала, Алисочка, чтобы самостоятельно заниматься расследованием загадок, которые тебе не по зубкам. Мне вообще удивительно, как взрослые могли тебя отпустить в такое опасное путешествие.

Алиса не стала отвечать на этот пустой вопрос, а спросила сама:

— Скажи мне, где профессор Лу Фу? Пойми, ему сто лет, а вы утащили его в вашей байдарке.

— Ты и это знаешь? — усмехнулась Ма Ми. —

Это мне не нравится. Пожалуй, ты права, я устрою тебе встречу с норвежцем Ларсеном. Он умеет пугать маленьких глупых девочек.

— Ты не ответила на мой вопрос! — воскликнула Алиса. — Где профессор Лу Фу?

— Профессор Лу Фу? Он недавно прилетел сюда в гости к моему папе. Мой папа — ботаник, он разводит редкие растения, и они с профессором Лу Фу вместе проводят опыты. Так что можешь не беспокоиться за профессора. С ним все в порядке.

И Ма Ми весело засмеялась. Она была на вид такой милой, такой доброй и веселой девочкой, что Алисе трудно было поверить, что она разговаривает с самой настоящей бандиткой. Может, ей всего пятнадцать лет, но она даст сто очков вперед любому старому разбойнику.

Над головой закричала синяя птица — майна. Незаметным ловким движением Ма Ми вскинула бластер и выстрелила. Птица упала к ее ногам кучкой синих перьев.

— Не люблю, когда меня перебивают, — сказала Ма Ми.

— Если ты думаешь, что я испугалась, ты глубоко ошибаешься, — сказала Алиса. — Но я уверена, что убить птицу — это уже преступление. Против природы и людей.

— Я убиваю всех, кто мне мешает. И если ты будешь мне надоедать своими поучениями, то и тебя убью. И не испугаюсь ни комиссара Милодара, ни всего ИнтерГпола. А уж тем более девчонки.

— Не думай, что я здесь одна! — ответила Алиса. — За каждым моим шагом следят друзья.

— Сомневаюсь! Если бы Милодар знал, где нас искать, он никогда не послал бы одного ребенка.

Алиса промолчала, отметив про себя, что Ма

Ми тоже много знает о своих противниках. Конечно же, было наивно лететь одной в джунгли, надеясь, что они испугаются Алисы и отадут ей профессора и излучатель.

— Я хочу увидеть профессора, — сказала Алиса.

— Ты просишься к нам в гости? — спросила Ма Ми.

— Да, — сказала Алиса.

Ма Ми подняла руку, и в то же мгновение из кустов вышли два высоких крепких солдата и встали по обе стороны Алисы.

— Обыскать! — приказала Ма Ми. — Все передать мне. Чтобы средств связи не осталось. Это главное!

В одно мгновение солдаты обыскали Алису, сняли с нее браслет связи, вытащили из-за уха детектор, по которому можно было следить, где она находится, отняли ее записную книжку, компьютер — оставили только одежду.

— Больше ничего нет, — сообщил один из молодчиков.

— Я и не думала, что она побежала к нам без разрешения, — презрительно произнесла Ма Ми. — Тем хуже для тебя, Алиса.

После обыска стражи повели Алису вверх по реке, вдоль высокого обрыва. Ма Ми, шедшая первой, остановилась перед гладким участком скалы. Она провела ладонью по камню, и часть скалы отъехала в сторону, обнаружив тщательно устроенный вход в подземелье. Внутри был длинный коридор, уходивший в глубь скалы.

Там их ждал лже-Торнсенсен. Он даже не посмотрел на Алису, а сразу доложил Ма Ми:

— Мы его сбили над соседней долиной. Первой ракетой.

— Убедились, что он разбился? — спросила девушка.

— Никаких сомнений, — ответил норвежец. И засмеялся.

— Ну вот, Алисочка, — обратилась к ней Ма Ми. — Видишь, случилось несчастье, и ты в нем виновата.

— Что такое? — встревожилась Алиса.

— Твой таксист, который слишком много знал, не долетел до Бангкока и не сможет возвратиться, чтобы забрать тебя. Он упал и разбился.

— Вы его сбили!

— Никто не просил его соваться в наши горы, — жестко ответила Ма Ми. — У нас и без него достаточно хлопот.

Алисе стало страшно. И так жалко Танина, что она чуть не расплакалась.

— Только без слез! — приказала Ма Ми. — Ненавижу, когда дети ревут. Я им тут же отрезаю головы. Правда, Нильс?

— Так точно, госпожа, — подтвердил норвежец.

— Где мой папаша? — спросила Ма Ми.

— Ваш благородный отец принимает пищу, — сообщил норвежец.

— Можно было и не спрашивать, — сказала Ма Ми. — От моего папаши в это время ничего иного ждать нельзя. Ты, Алиса, хотела познакомиться с моим отцом, с его опытами над экзотическими растениями, которые он проводит в этих подземельях. Что ж, я думаю, мой папа все тебе покажет. Он очень любит нежданных гостей. — В голосе девушки снова прозвучала угроза.

Они прошли через зал, вырубленный в скале, и остановились перед невысокой деревянной дверцей, покрытой затейливой резьбой. Ма Ми набрала код и первой вошла внутрь.

Они оказались в небольшой ярко освещенной комнате. Почти треть ее занимал стол, покрытый

белой скатертью. Две двери по обе стороны стола вели в другие помещения. За столом в одиночестве сидел очень маленький человек — Алисе от входа было видно, что его ножки болтаются, не доставая до пола.

Человек был невелик, но отдельные части его лица были обычного размера и потому казались слишком большими: приплюснутый нос, мягкие оттопыренные уши, раскосые глаза и толстые губы как бы принадлежали человеку нормального роста. Одет он был в военный мундир с золотыми эполетами и расшитым золотым галуном воротником.

Перед человеком стояло много чашек, мисочек, блюдец и баночек, из которых струились соблазнительные запахи. Но все его внимание было обращено к миске, полной горячей тонкой лапши. Ловко и быстро человечек наматывал лапшу на палочки, обмакивал их в блюдце с соусом и отправлял в рот, потом подхватывал креветку или кусочек мяса и бросал следом. На лице его блуждала бессмысленная улыбка.

Остальные стояли в дверях и ждали. Даже Ма Ми не сказала ни слова. Проглотив очередную порцию лапши, генерал недовольным тоном произнес:

— Что там еще приключилось? Опять налет полиции?

— Нет, папа, — сказала Ма Ми. — Но мы задержали очень интересную туристку.

— Туристку? Утопить!

— Подожди, папа, умей дослушивать до конца! — возразила Ма Ми. — Эту девочку мы встретили в Урумчи. В том городе, куда мы летали за профессором.

— Это интересно. Тем более, скорее топите ее!

— Папа, ты не понимаешь. Вчера она еще

была в пустыне и следила там за нами, а сегодня мы ее ловим у самого входа в пещеру. Как это тебе нравится?

— Значит, ты считаешь, что ее не надо сразу топить?

— Я считаю, — сказала Ма Ми, — что нас выследили и нам следует готовиться к эвакуации.

— Только не это! — раздался крик из боковой двери.

Алиса увидела, что там стоит мадам Торнсенсен, «мама» Ма Ми, но в мужском костюме и белом фартуке. На голове у «мадам» возвышался белый поварской колпак. Конечно же, это повар Исмаил, о котором рассказал несчастный Танин!

— У меня половина обеда для его превосходительства стоит на плите, холодильник полон, я мусс не успел взбить, шербет не тронут! Никакой эвакуации! Я требую, чтобы вы защищали нашу твердыню до последней капли крови! — закричал повар.

— Вот именно, — сказал маленький генерал. — А какой у нас сегодня мусс?

— Кокос с мангустином, — ответил Исмаил тем сладким голосом, какой бывает у толстяков.

— Никакой эвакуации! — подтвердил генерал. — Всех свидетелей казнить, пленных не брать, генератор включить на полную мощность.

— Мы не можем включить его на полную мощность, отец, — сказала Ма Ми. — Профессор Лу Фу отказывается нам помогать.

— Профессора пытать, пока не сдастся!

— Папа, я не думаю, что ты прав.

— Не мешай мне нормально питаться! Ты же знаешь, что до конца обеда меня нельзя беспокоить.

И он пояснил, обращаясь к Алисе:

— Я по натуре гурман. Для чего я зарабатываю

деньги? Только для того, чтобы хорошо кушать. Детство мое прошло в бедном квартале, я не всегда ложился спать сытым. И я поклялся себе, что, когда стану взрослым, никогда не буду голодать. И я сдержал свою клятву!

— Чего же вы такой маленький? — не удержалась от вопроса Алиса.

— Это мое счастье! Мой организм с такой скоростью перерабатывает пищу, что я всегда остаюсь стройным и красивым. Я могу есть круглые сутки, но это не отражается на моей подвижности.

Генерал вскочил со стула, выбежал на свободное пространство перед столом и начал плясать, изгибая руки и подбрасывая согнутые в коленях ноги.

— Значит, эвакуация откладывается? — спросила Ма Ми, с отвращением глядя на пляску своего папы.

— Эвакуации не будет. Они никогда не найдут входа в нашу пещеру.

— Но комиссар Милодар не успокоится, пока не отыщет Алису и профессора.

Генерал прекратил танцевать и, склонив голову набок, быстро и четко произнес:

— Значит, ты делаешь так: берешь такси, на котором она прилетела... Надеюсь, такси не разбилось?

— Разбилось вместе с таксистом.

— Туда же положишь труп этой... Алисы. Произошло неожиданное крушение. Никто не спасся. А теперь идите, идите, вы мешаете мне насладиться десертом.

Алиса понимала, что маленький генерал кривляется, разыгрывает спектакль, правда, непонятно было, кого он считает зрителями.

— Пойдем, — сказала Ма Ми, уводя Алису

— Никакой эвакуации! — подтвердил генерал. — Всех свидетелей казнить, пленных не брать, излучатель включить на полную мощность.

прочь из столовой. Они остановились в коридоре. Поблизости стояли норвежец Ларсен и два солдата.

— Вот видишь, — вздохнула Ма Ми, — с кем мне приходится работать. У них, у старшего поколения, только один приказ: «Уничтожить». А если ты надежда своей семьи, если тебе еще жить да жить... Почему я должна тебя убивать?

Ма Ми смахнула слезу. Она говорила так искренне, что Алисе хотелось ей поверить. И в самом деле, нелегко быть дочерью такого закоренелого преступника и палача...

— Ты не представляешь, — сказала Ма Ми, — как мне хочется быть самой обычновенной девушкой, мне хочется учиться, гулять с молодыми людьми, собирать цветы. Я очень способная к наукам, особенно к медицине. Я мечтаю ухаживать за больными детьми, а меня заставляют заманивать в ловушку старых ученых.

— Вы убили Танина? — спросила Алиса.

Ма Ми понизила голос до шепота:

— Боюсь, что я не смогу помочь тебе и профессору. Поверь мне, что я готова плакать!

Алиса буквально разрывалась между желанием поверить этой девушке и недоверием к ней. Ма Ми потащила Алису к себе в комнату, устланную мягкими звериными шкурами, оставила стражей и норвежца в коридоре и закрыла дверь, чтобы спокойно поговорить.

— Я совершила в жизни много плохих поступков, — сказала Ма Ми, — но я росла без мамы, которую по приказу дедушки затоптал слон, а папу я боюсь. Он может быть жестоким и со мной. Поэтому мне приходится ему помогать. У нас в горах с этим строго. Ну как я могу отказать моему папе в помощи? Ведь я учились в колледже и кое-что знаю, тогда как папа и мои горные

родственники совершенно необразованные. Поэтому, когда операция требует расчета и хороших манер, папа всегда посыпает меня. Я с десяти летучаю в его делах. О, как мне все это надоело!

Ма Ми сидела, скрестив ноги, на куче шкур. Она достала фляжку и спросила Алису:

— Виски будешь? У меня и джин есть.

— Нет, спасибо, — ответила Алиса. — Я не пью.

— Зря теряешь время, — усмехнулась Ма Ми. — Жизнь коротка, и нас обязательно убьют.

— Но ведь у твоего отца много денег.

— Еще бы, иначе его давно бы убили конкуренты или полицейские. Всем приходится платить. Но вчера мне наконец удалось уговорить папу улететь с Земли.

— Улететь с Земли?

— Да. Здесь он обложен со всех сторон, как волк красными флагами. Единственный выход — улететь на тихую планету, где нет этих проклятых наркотиков и бандитов, которые держат в руках моего папу.

— Значит, твой папа ни в чем не виноват?

— Не улыбайся, Алиса. Все совсем не смешно. Конечно, мой папа с детства попал к бандитам, он прошел у них жестокую школу, он многих убил. Но и сам потерял в боях всех родных, кроме меня. Ему все это давно осточертело.

— Поэтому он приказал тебе убить меня и спрятать мой труп в такси?

— Но ведь ты жива!

— Я не знаю, что случится со мной через минуту.

Ма Ми улыбнулась и налила из фляжки в серебряный стакан. Она выпила полный стакан виски, как будто это был чай. Алиса поразилась

тому, что девушка, почти девочка, научилась так пить...

— А что? — сердито спросила Ма Ми. — Почему ты так на меня смотришь? Да, я пристрастилась к виски и джину. В свои четырнадцать лет я повидала столько, сколько тебе не увидеть и за сто лет.

Алиса не стала спорить с Ма Ми, хотя сама-то знала, что видела больше и пережила больше приключений, чем разбойница. Но не пристрастилась к виски и наркотикам.

А Ма Ми достала толстую бурую сигару и прикурила от золотой зажигалки.

— И папа не возражает против твоего курения? — спросила Алиса, отворачиваясь от вонючего дыма.

— Я при нем не курю, — ответила Ма Ми и закашлялась.

И Алиса поняла, что, подобно своему маленькому папе, Ма Ми тоже актриса и верить ей нельзя, потому что для нее самое большое удовольствие — морочить людей, изображая из себя то невинную жертву, то борца за справедливость, а то, если нужно, и кровожадную бандитку.

— Положи сигару, — сказала Алиса. — Тебе совсем не хочется курить.

— Ах, ты ничего не понимаешь! — заупрямилась Ма Ми. Но затягиваться больше не стала и продолжала разговаривать, поводя в воздухе рукой с зажатой между пальцами сигарой.

— Мой папа страшно нуждается в деньгах, — говорила она, — чтобы улететь с Земли. Но у него совсем нет наличных денег. Последняя ставка — на корионг. Ты слышала, что это такое?

Ма Ми настороженно смотрела на Алису, словно старалась угадать, намерена ли пленница говорить правду.

— Нет, не слышала, — сказала Алиса. Внутри у нее все напряглось. Значит, она была права!

Ма Ми кивнула — видно, поверила.

— Корионг, — сказала она, снова наливая себе виски, — это ценное лекарственное растение. Его привозят с одной далекой планеты, но наше гадкое правительство запрещает людям разводить корионг.

— А что это за лекарство? — спросила Алиса.

— Это волшебное средство, — запела малиновкой Ма Ми, — оно мгновенно снимает боль и простуду. Больше не будет на Земле насморков и гриппа. Но правительство хочет сохранить монополию. Ни себе, ни людям!

— А при чем тут твой папа? — спросила Алиса.

— А он смог достать у знакомого астронавта несколько корешков корионга, но корионг растет страшно медленно. И никакие удобрения не помогают. А тут со мной случилось удивительное приключение. Я очень люблю путешествовать. Несколько месяцев назад я взяла рюкзак и отправилась пешком по Италии. И знаешь, что случилось? Никогда не догадаешься. Меня сшибла машина, и я чуть не погибла. К тому же потеряла память. Меня выхаживали в клинике одной итальянской графини. Потом я ей помогала и вела ее переписку. Так я узнала, что в пустыне Такла-Макан живет старый китайский ученый, который изобрел излучатель... Ты об этом знаешь? — Вдруг Ма Ми спохватилась — видно, вспомнила, при каких обстоятельствах познакомилась с Алисой, и закончила словами: — Впрочем, ты и так все знаешь.

— Я знаю, что вы с Ларсеном украле излучатель и самого профессора! — сказала Алиса.

— Ты права, — вздохнула Ма Ми и отхлебнула

из третьего стакана виски. — Когда папа нашел меня в Италии, я рассказала ему все, что знала о профессоре, и папа приказал: «А ну-ка немедленно достань мне излучатель! Мы сможем выращивать корионг!» Конечно, я не хотела причинять зла профессору, но понимала, что, если мой папа срочно не достанет денег, чтоб улететь с Земли, мы все обречены. И мне надо было решать, кого я больше люблю — своего единственного папу или совсем чужого мне древнего старикашку? И я выбрала папу!

Ма Ми ткнула погасшей сигарой в грудь Алисе, словно кинжалом.

— Погоди, — остановила ее Алиса. — Но как же вам удалось проникнуть к профессору?

— Проще простого! Ведь профессор знал меня в лицо, я не раз вела с ним переговоры от имени синьоры Серафины. Он как-то показывал мне маленький излучатель. Может быть, он даже любил меня!

— И ты этим воспользовалась?

— Разумеется. Это и называется военной хитростью. В полночь, когда дул ветер и шел дождь, я позвонила ему в ворота. Стариk спал. На этом и строился расчет. Когда я позвонила, он соскочил с постели, включил экран внешнего наблюдения и увидел, что я стою у ворот, одна, сиротливая, под дождем. «Что случилось?» — крикнул профессор. «У меня к вам срочное дело от синьоры Серафины! — ответила я. — Впустите меня». — «А где твой флаер?» — спросил стариk. «Он остался там...» Я показала назад, в темноту. «Сейчас, — сказал стариk, — я сейчас открою, потерпи...»

Конечно же, этот старый дурень открыл ворота, я вбежала внутрь, но не дала им закрыться, чтобы Нильс смог проникнуть следом за мной.

Старик вышел к дверям дома. Он был встревожен. Я бросилась к нему, как будто была очень взволнована и испугана. Я держала его руки, а Нильс легонько двинул его по голове, затем связал и вкатил двойную порцию снотворного. Потом мы начали искать малый излучатель. Потом час на это ушло! Нашли его в запертом нижнем ящике письменного стола.

— Но зачем вы увезли и профессора?

— Чтобы быть уверенными в том, что излучатель будет работать. Правда, это оказалось излишним. Излучатель отлично работает!

— Тогда отпустите профессора!

— Поздно. Он же знает нас в лицо. Он знает, как отыскать нашу пещеру. Нет, к сожалению, он обречен... как и ты, Алиса.

— Вы подвергаете опасности жизнь великого человека!

— Такой старичок никому не нужен. Пора уступить дорогу молодежи. — Тут Ма Ми лукаво улыбнулась. — По крайней мере, пока он у нас, они не посмеют бомбить.

— Я хочу увидеть профессора! — попросила Алиса.

— Я как раз хотела тебя к нему отвести, — ответила Ма Ми. — Вам будет лучше вместе. Я думаю, что идея моего папы бросить твой трупик у флаера глупая. А ты как думаешь?

Ма Ми поднялась на ноги и, пошатываясь, открыла дверь. Алиса никогда еще не видела пьяной такую молоденькую девушку.

Ма Ми вышла из комнаты и почти бегом довела Алису до обширной, размером с футбольное поле, пещеры. Сверху спускались мощные прожекторы, которые заливали ослепительным светом зеленый покров поля, разделенного на

квадраты. Поливальные устройства, медленно поворачиваясь, орошали плантацию струями воды.

Недалеко от входа в пещеру находилась башня, похожая на вышку для прыжков в воду. На ней стояла группа людей в белых халатах. Один из них держал в руке малый излучатель профессора Лу Фу и поводил его лучом так, чтобы свет падал на растения.

— Здесь мы разводим корионг, — с гордостью произнесла Ма Ми. — За один день это благородное лекарство выросло в десять раз. Ты не поверишь, Алиса, но еще вчера эти растения лишь на сантиметр вылезали из земли. Через неделю мы сможем собрать самый крупный в Галактике урожай этого лекарства. Тогда мы с папой продадим его в аптеки, соберем наш скромный багаж и улетим на какую-нибудь тихую планету, где папа будет кушать, а я продолжу медицинское образование, чтобы потом ухаживать за больными детьми.

Алиса уже знала, что сладкая Ма Ми опять лжет. Корионг — не лекарство, а страшный наркотик, и если папаша Маун Джо сможет продать его, то нависнет угроза жизням многих тысяч людей.

— Теперь ты понимаешь, Алисочка, почему мне придется тебя убить? Ты слишком много знаешь. Но я придумала для тебя смерть поинтереснее, чем мой необразованный папа. Я хочу, чтобы от тебя не осталось и следа!

И тут Алиса всерьез испугалась. Черные не-проницаемые глаза милой девушки Ма Ми казались пустыми и бездонными. За ними не было души. Как страшно, подумала Алиса, что обыкновенная девочка превратилась в такое бессовестное и безжалостное существо! Никакой пощады от Ма Ми ждать не приходилось... В этом

виновата сама Алиса. Потому что решила, будто сможет одолеть опытных и жестоких преступников, и кинулась освобождать профессора, скрыв свою авантюру от взрослых.

— Мы уберем тебя не здесь, — сказала Ма Ми, будто объясняла Алисе, как дойти до умывальника. — Мы оставим тебя с профессором, и пускай вас убьет его изобретение...

Ма Ми не успела кончить свою пьяную речь, как дверь в оранжерею распахнулась и в ней показались два человека.

Свет в зале был таким ярким, что Алиса сразу узнала этих людей: широко расставив ноги и направив бластеры на Ма Ми и норвежца, в дверях стояли Кора Орват и милый таксист Танин.

— Ура! — закричала Алиса.

Вообще-то она никогда не кричит, но тут особый случай. Ведь Алиса была близка к гибели. К тому же она очень обрадовалась, что таксист Танин жив, а не разбился вместе с флаером.

Ма Ми хотела было вытащить из кобуры бластер, но Танин крикнул:

— Бросай оружие!

Голубой луч бластера пронзил воздух возле головы Ма Ми и задел один из прожекторов, который задымился и с грохотом рухнул на траву. Кора между тем направила свое оружие на тех людей, что стояли на вышке и облучали корионг. Они кинулись бежать и в мгновение ока скрылись в темной пещере, с входом в которую была соединена верхушка башни.

— У них излучатель! — крикнула Алиса.

— Ничего, они от нас не уйдут! — ответила Кора. — Где профессор?

— Не знаю.

— Стой! — Крик Танина относился к Ма Ми

и норвежцу, которые хотели было убежать. Таксист приказал им поднять руки. Кора подошла и, обыскав их, отняла оружие.

Танин все время оглядывался, особенно внимательно он следил за вышкой, опасаясь, что там могут появиться боевики генерала.

— Ведите нас к профессору! — приказал Танин.

— Слушаюсь, — поспешил согласиться высокий норвежец. Он очень боялся, даже дрожал, но Алиса подумала, что скорее всего он старался казаться более испуганным, чем был на самом деле.

Ма Ми обернулась к Танину и сказала голосом хорошо воспитанной девицы:

— Танин, я так рада, что ты жив. Я переживала, что ты разбился.

— Спасибо, Ма Ми, — ответил таксист. — Но я подозревал, что твои молодчики постараются меня сбить. И когда увидел, что из горы вылетела ракета, я тут же катапультировался. Так что мое дорогое старое такси закончило свою жизнь без меня.

— Мерзавец! Негодяй! — крикнула Ма Ми, выдав свои настоящие чувства.

— Не волнуйся, крошка, — сказал Танин и тут же пояснил Алисе: — Когда Ма Ми была маленькой, а ее папаша еще не был генералом, а просто разбойничал в горах, Ма Ми жила у своей двоюродной тетки в соседнем со мной доме. И я катал ее на своем такси.

— К счастью, я забыла об этом! — заявила Ма Ми.

Ведомые норвежцем, они миновали ярко освещенный зал и ступили в длинный коридор.

— Далеко еще идти? — спросила Кора.

В это мгновение свет в коридоре погас, камни под ногами раздвинулись, и все они провалились вниз.

— Недалеко! — раздался голос сверху — из микрофона в потолке.

Алиса узнала голос маленького генерала.

— Вы уже пришли! — воскликнул генерал и разразился пронзительным хохотом.

Алиса догадалась, что они угодили в ловушку, но не сразу поняла, что же случилось...

В это мгновение свет в коридоре погас, камни под ногами раздвинулись, и все они — Алиса, Кора и Танин — провалились вниз.

Они упали метра на три в глубину, ушиблись, но, к счастью, ничего не сломали. Пока они пытались подняться, на них сверху упала какая-то сеть. Алиса попробовала встать, но сеть опутала ее руки и ноги. Рядом возились, так же опутанные, как и она, Кора и Танин.

Вдруг сеть натянулась, ее узлы и веревки больно врезались в тело — сеть потащили по полу вниз.

От темноты и боли Алиса потеряла ощущение времени. Долго ли их волокли, куда, зачем... она так и не поняла.

Затем движение прекратилось. Рядом стояли люди. Сышен был голос норвежца, который отдавал приказания. Алиса почувствовала, как быстрые грубые руки обыскивают ее. Звякнул металл — Алиса догадалась, что обыскивают и обезоруживают ее спутников.

— Все? — спросил норвежец.

— Оружия нет, — ответил другой голос. — Передатчиков и «жучков» тоже.

— Тогда веди их в клетку.

***

— Как неладно все получилось! — пробормотала Кора. — Мы ведь думали застать их врасплох и не предупредили комиссара.

— Я увидел, как спускается девушка с неба, выскочил из кустов и кричу ей: нельзя! Убьют!..

— Молчать! — раздался голос сзади.

Кора пошатнулась — ее ударили в спину.

Коридор закончился небольшой комнатой, дальняя часть которой была отгорожена толстыми вертикальными прутьями. За решеткой в клетке, освещенной небольшой лампочкой, стоял стул. На стуле сидел профессор Лу Фу. Одежда на нем была порвана, на щеке кровоподтек, лоб разодран...

— Как вы посмели! — Алиса обернулась к тем людям, что вели их.

Ма Ми выглянула из-за спин охранников.

— Не надо было спорить с нами, — сказала она сладким голоском. — Мой папа не терпит, когда ему возражают. Я бы, конечно, оказала старику все уважение... но что могу поделать я, слабая девушка...

— Говори, говори! — Из узкого бокового хода выскочил маленький генерал на высоких каблуках, золотое шитье на его эполетах отбрасывало сверкающие лучики. — Говори, моя доченька, клевещи на своего папочку! Ты сама стоишь ста таких негодяев, как я!

— Папа, здесь же чужие! Что они скажут, когда вернутся домой?

— Опять врешь! — рассердился генерал Маун Джо. — Ты отлично знаешь, что нельзя допустить, чтобы хоть кто-нибудь из них вышел отсюда живым. Нам еще повезло, что эта агентша не догадалась предупредить комиссара, что летит сюда по следам Алисы.

— Я бы не спешила ей верить, папочка, — сказала Ма Ми, — ты же знаешь, какие хитрые эти агенты ИнтерГпола, их специально учат обманывать нас, несчастных честных бандитов.

— Ты думаешь, сюда заявятся полицейские?

— Я почти уверена в этом, папочка.

— Тогда расстрелять их немедленно! Я, кажется, уже приказывал!

— Папа, это неразумно.

— Почему?

— Потому что это старомодно. Так ведут себя самые обычные разбойники. Мы же с тобой цивилизованные бандиты, я даже хочу получить медицинское образование.

— Что же с ними сделать?

— Сколько у нас есть времени, папа? — вопросом на вопрос ответила Ма Ми.

— Я думаю... — Генерал Маун Джо обернулся к Ларсену.

— Если они предупредили комиссара и таиландскую полицию, значит, уже подлетают сюда.. Но что они будут делать дальше?

— Я знаю, — сказала Ма Ми. — Они найдут останки сбитого флаера этого глупого таксиста, который даже погибнуть не сумел как порядочный человек!

— Виноват, госпожа! — Танин заморгал длинными ресницами. И если бы уголки его губ не дрожали, можно было бы подумать, что глупый таксист и на самом деле раскаивается, что не погиб.

— Они тут же начнут искать следы вокруг поляны! — закончила Ма Ми.

— Ну и пускай ищут, — ответил норвежец. — Им потребуется полчаса, чтобы отыскать ход в скалу, еще полчаса — чтобы пробиться внутрь...

— Значит, у нас есть двадцать минут, — сказала Ма Ми.

— Но почему, доченька? — спросил генерал. — Нильс сказал: час!

— По той простой причине, — ответила юная

бандитка, — что все лучезарные прогнозы дяди Ларсена надо уменьшать в три раза.

— Значит, у нас двадцать минут?

— Да. И хватит разговоров! — воскликнула девушка. — Немедленно начинайте действовать!

Но действовать не пришлось, потому что в помещение въехал столик на колесах, который толкал перед собой Исмаил. На столике громоздились всевозможные изысканные блюда, колбасы, жареные попугай, обезьяны почки в сметане, мусс из крабов и многое другое.

— Где будем дообедывать? — спросил тонким голосом повар.

— Где-где? А черт его знает где! — заорал в ответ генерал. — Я смертельно проголодался. Я могу в любой момент погибнуть. Я не добегу до резервной базы.

И генерал кинулся к тележке.

Ма Ми злобно поморщилась и обернулась к норвежцу.

— Сейчас же подними солдат, чтобы вырывали из земли ростки корионга, складывали в мешки и тащили к секретному выходу к реке. Понял?

— Правильно, моя девочка, — согласился норвежец.

— Чтобы через пятнадцать минут все было кончено и мешки перенесены.

— Слушаюсь.

— Ты же сам возьми все из сейфа. В первую очередь рубины и топазы. Я присоединюсь к тебе у выхода, как только закончу ликвидацию пленных.

— Ты уверена, Ма Ми, что их надо всех ликвидировать? — спросил норвежец.

— И притом бесследно. Чтобы ни одна живая душа не могла связать их гибель с нами.

— Но у нас нет времени их закопать...

— Но у нас есть другой способ, — сказала девочка, — недаром я так интересуюсь биологией. Ваша смерть наступит от естественных причин. — И большие красивые глаза Ма Ми лихорадочно загорелись. — Вас погубит гигантская попоручня.

— Вот именно! — воскликнул генерал, продолжая жевать. — Как забавно!

— Папочка, помолчи, ты меня отвлекаешь! — сердито остановила его Ма Ми. — Если ты будешь меня перебивать, то попоручня полакомится и тобой.

— Как ты можешь так шутить! — ахнул генерал и тут же вгрызся в ножку фазана. Когда он нервничал, его аппетит разыгрывался до безумия.

— Маун Батан, — приказала Ма Ми молодому солдату, — сейчас же принеси сюда излучатель профессора. А ты, Маун Пул, поставь вот здесь треножник. Три человека должны принести кадку с попоручней. Она стоит на втором складе. Кто знает, как она выглядит?

Солдаты, стоявшие вокруг, послушно бросились исполнять приказания. Оставшиеся в пещере по приказу Ма Ми открыли дверь в клетку, где сидел старик, и втолкнули в нее пленников. Дверь со скрипом закрылась. Ма Ми проверила, надежен ли замок.

— Алиса, — узнал девочку старик, — ты попала сюда из-за меня?

— Я хотела освободить вас, — ответила Алиса, — но в плен я попала по собственной глупости.

— Мы тоже сами виноваты, — сказала Кора и представилась профессору.

Профессор с трудом сидел на стуле.

— Что они хотят сделать? — спросила Алиса профессора.

Тот не ответил. Он внимательно смотрел, как солдаты внесли кадку, в которой находилось растение, похожее на ветвистую елочку. Затем по знаку Ма Ми еще один солдат втащил шланг и включил воду.

— Ах, как жаль! — тихо произнес Лу Фу.

— Что вас расстроило? — спросила Алиса.

— Они подключили воду. Я так надеялся, что они забудут.

— Почему?

— А потому, — ответила весело Ма Ми, которая услышала слова профессора, — что попору́нья сейчас будет расти, а когда растешь, всегда хочется пить. Вы поглядите на моего папашу — все время жрет. А то бы помер и оставил мне все драгоценности.

— Но-но! — откликнулся генерал. — Без гру́бостей, доченька!

Генерал с опаской поглядел на растение в кадке.

Солдаты установили за ним треногу, на вершине которой укрепили малый излучатель профессора Лу Фу.

Ма Ми включила его.

Голубой луч протянулся к корням растения.

— Прощайте, друзья, — сказала Ма Ми, будто пропела. — Прощай, Алисочка. Я успела полюбить тебя... Прощайте, профессор, я прониклась к вам уважением. Прощай, глупый таксист, прощай, неосторожная полицейская ищейка Кора. Никогда мы больше не увидимся. Папаша, поехали отсюда, нам пора сматывать удочки.

И вот Исмаил толкнул тележку — генерал так и не слез с нее, — за ним поспешили Ма Ми и солдаты. Со скрипом закрылась железная дверь. И наступила тишина.

Клетка, в которой находились пленники, пред-

ставляла собой глубокую нишу в скале, освещенную голой лампочкой. Вертикальными стальными прутьями она была отделена от остальной пещеры. Прямо перед решеткой находилась кадка с попоруньей, за ней — работающий излучатель доброты.

— Ну что ж, — сказала Алиса. — Давайте думать, как отсюда выбраться.

— Боюсь, что мы опоздали, — сказал профессор. — И только я в этом виноват!

Растение, похожее на елку, зашевелилось. На концах колючих ветвей появились как бы ложечки, окруженные мелкими длинными лепестками, словно у китайской хризантемы.

— Вот это и есть присоски попоруны, — сказал профессор.

— Что за присоски? — спросила Кора.

— Попорунья — страшный хищник, который живет в самых недоступных болотах. Счастье, что это растение невелико, но оно питается кровью и мясом животных. Говорят, что когда заяц или белка попадают в его объятия, то от них ничего не остается, ровным счетом ничего.

Танин отступил, глядя, как ожили, покачиваясь, хризантемы и начали клониться к прутьям.

— Какая гадость! — воскликнула Кора. — Я всегда не любила комаров. И червяков тоже...

Ветки попоруны оказались гибкими, живыми, подвижными...

— Излучатель вызывает к жизни каждую клетку этого чудовища, все в нем бешено растет, торжествует, — сказал профессор. — И боюсь, что мы не в силах остановить это создание природы. О горе, я убил невинных девушки!

Вдобавок ко всему попорунья испускала неприятный трупный запах, казалось, что она сожрала весь воздух в пещере и стало нечем дышать... Ветви с хризантемами на концах уже

Танин отступил, глядя, как ожили, покачиваясь, хризантемы и начали клониться к прутьям.

проникли в клетку. Кора протянула руку, чтобы оборвать хризантему, приблизившуюся к ее лицу, но Танин закричал:

— Не смей до нее дотрагиваться! Она обжигает!

Вся решетка была густо заплетена ветками попоруны, словно клумба хризантема встала вертикально, отрезав людей от мира.

— Скорее бы комиссар... — сказал Танин, задыхаясь. Он отстранил Алису и старика и приказал им: — Прячьтесь в угол.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Пока этот цветочек будет пожирать меня, — сказал таксист, — Милодар может успеть вам на выручку.

— Эй! — закричала Кора. — На помощь! Мы здесь!

Но звуки натыкались на зеленую стену, на белые хищные цветы и умирали...

Жадные тонкие щупальца хризантем отогнали пленников к дальней стене. Единственным их орудием был стул, на котором раньше сидел профессор. Именно этим стулом Танин пытался отбиваться от ветвей хищника. Но прошло еще несколько минут, и стало ясно, что отступать дальше некуда. Вот первая из хризантем, решительно отведя в сторону стул, дотронулась до руки Танина.

— Нет! — закричала Кора и попыталась оторвать щупальца от руки молодого человека.

— Не надо! — откликнулся Танин. — Смотри!

И тут Кора, а за ней и Алиса увидели, что цветы попоруны, дотронувшись до кожи людей, не обжигали и не пронзали ее, а лишь трогали и даже как будто гладили их.

— Смотрите! — вскрикнул профессор. — Они потеряли агрессивность.

Стоять в клетке было все труднее, потому что

ветви и цветы попоруны заполонили все свободное пространство и шевелились, трогали, щекотали пленников, будто хотели познакомиться.

— Они нас не жалят! — сказал Танин.

Алиса даже осмелилась погладить хризантему, и та, широко раскрывшись, прижалась прохладными лепестками к ее руке.

— Это похоже на чудо, — произнес профессор.

И тут издали, как сквозь вату, донеслись голоса.

— Где они могут быть? — спросил женский голос.

— Не подходите! — откликнулся мужской голос. — Это попорунья. Она смертельно опасна.

— На помощь! — закричала Кора. Потом она сунула два пальца в рот и засвистела так, что попорунья съежилась и ее хризантемы, толкаясь, попытались выбраться из клетки.

— Давно бы так, — проворчал Танин.

— Попорунья сожрала их! — послышался уже близко женский голос, и Алиса узнала графиню Беллинетти.

— Ничего подобного, — ответил мужской голос. — Никто не умеет так свистеть, как мой агент Кора Орват. Как только она перестанет свистеть, тогда и убеждайте меня в ее смерти.

— Мы живы! — крикнула Кора.

— Слыши, — отзывался мужской голос. — Здесь Милодар. Вызываю огнеметы для уничтожения этой нечисти.

— И не вздумайте! — крикнула в ответ Кора. — Лучше дайте нам ключ от клетки, и мы выйдем сами.

— Но она нас сожрет, — сказал комиссар.

— Нет, не сожрет! — закричала Алиса. — Неважели вы не понимаете, что, пока работает излучатель доброты, это растение не может нас

есть! Оно вообще не может нападать на живые существа. Не выключайте излучатель.

— Чепуха! — воскликнул комиссар.

— Девочка права, — сказал слабым голосом профессор. — Она совершенно права.

— Я отобрал ключ у Нильса Ларсена, — услышала Алиса голос следователя Лян Фуканя. — Сейчас я открою клетку...

— Ой, куда вы идете? — закричала графиня.

— Пока работает излучатель, — ответил следователь, — мне нечего опасаться.

Раздвинув ветви, следователь подошел к решетке и открыл замок.

Пленники один за другим вышли сквозь зеленую живую завесу. Последним шел Танин, поддерживая старика.

— Какое счастье, — сказал он, — что при виде попоруны вы не стали ее жечь и уничтожать, тогда бы и нам не поздоровилось.

— Но я не могу этого объяснить, — сказала графиня Беллинетти. Ее буйные волосы волнами стекали на плечи. — Почему растение изменило свои привычки?

— Потому что оно получило запас доброты и откликнулось на лучи таким образом, — сказал Танин. Глупый таксист переменился. Как будто подтянулся и стал выше ростом.

Заметив удивленный взгляд Алисы, он негромко сказал:

— Давай познакомимся. Капитан Танин Каничон, старший инспектор таиландской полиции.

— Так вы все знали с самого начала?

— Нет, не все, — улыбнулся Танин. — Но ждал связи с Корой Орват.

— Вы знали, что Милодар предупрежден?

— Да, мы должны были оттянуть время, при-

нять огонь на себя, пока сюда добирается комиссар с отрядом.

— Но мы не подумали, — сказал комиссар, — что эта девочка Ма Ми окажется такой злобной и безжалостной.

— Ее еще можно перевоспитать, — сказала графиня. — Если вы позволите, я возьму ее к себе в клинику. Я думаю, еще не поздно сделать из нее хорошего медика.

— Под вашу ответственность, — буркнул Милодар. — Но я буду наблюдать за вашей клиникой — как бы она не натворила там дел.

— Надеюсь, что и попорунью вынесут отсюда? — спросил профессор. — После того как она нас пощадила, было бы жестоко оставить ее здесь погибать.

— Сделаем, — улыбнулся Танин. — Только не советуем подходить к ней после того, как будет выключен излучатель.

Профессор Лу Фу покачнулся, но Кора успела подхватить его. Милодар вызвал санитаров, и вскоре профессор летел на флаере в Бангкок.

Остальные вышли из убежища в скале и остановились на берегу реки.

— Возвращайтесь по домам, — приказал Милодар. — Дальше мы разберемся без вас.

— А где Ма Ми? — спросила Алиса. — Ее не поймали?

— Не скажу, — ответил Милодар. — Потому что, если тебе сказать лишнее, ты сразу бросишься искать приключений. А когда ты погибнешь, что я скажу твоим родителям?

— Что я немного опоздаю к обеду, — отозвалась Алиса. — Так где же Ма Ми?

Комиссар ответил не сразу. Сначала он переварил шутку Алисы, а потом сказал:

— Тебя бы отправить в дом для трудновоспи-

туемых подростков. Ты нам чуть не сорвала операцию.

— Комиссар, — Кора Орват обняла Алису за плечи и прижала к себе, — пожалуйста, не придирайтесь к моей помощнице. Алиса с честью прошла испытания на профессию сыщика.

— Ничего подобного, — ответил комиссар, — она только путалась под ногами.

Алиса хотела ответить... и сказать все, что думает об этом Милодаре! И тут увидела, что комиссар смеется. Пришлось и ей засмеяться. Потом она спросила:

— А где Ма Ми?

— Я готов тебя убить! — заявил комиссар. — Поймаем мы твою Ма Ми. Сейчас берут их резервную базу. Хочешь с ней встретиться?

— Нет, спасибо.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я хочу быть уверенной, — ответила Алиса, — что профессору ничего больше не угрожает.

— Я клянусь, что это именно так! — ответил Милодар.

— А где излучатель? — спросила Алиса.

— Здесь.

— Дайте его мне. Я вылетаю в оазис профессора.

— Этого еще не хватало! — воскликнул Милодар.

— Алиса права, — сказала Кора Орват. — И я лечу с ней. Мы должны возродить оазис к возвращению профессора. Я не могу допустить, чтобы столетие такого замечательного ученого праздновалось в пустыне. К тому дню сад будет вновь цвести и плодоносить.

СОДЕРЖАНИЕ

Алиса и крестоносцы	3
Гость в кувшине	153
Излучатель доброты	239

КИР БУЛЫЧЕВ
(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Детская фантастика»

АЛИСА И КРЕСТОНОСЦЫ

Составитель *А.В. Алексеев*

Художник *Е.Т. Микулов*

Технический редактор *А.Н. Аникеев*

Корректор *Л.М. Гусева*

Оригинал-макет *Л.И. Шмелева-Агинская,
О.В. Новикова*

Ответственный за выпуск *Е.А. Новиков*

**Издательство «Хронос»
121099, Москва, а/я 880**

Лицензия ЛР № 061490 от 30.07.92.

Подписано в печать 10.05.76. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага газетная. Объем 21,84 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 19.

Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Тираж 10 000.

Заказ 667.

При участии издательства «АРМЭ»

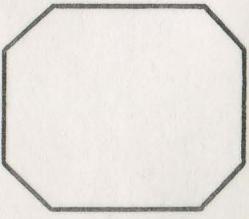
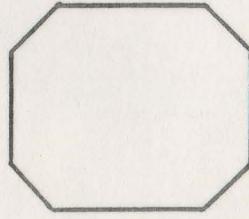

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЫЧЕВ

9 785854 820356

КИР БУЛЫЧЕВ

АЛИСА
И
КРЕСТОНОСЦЫ

